Е. Н. Моисеева

НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКАЯ РИТОРИКА И КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР ВО ФРАНЦУЗСКОМ ИМПЕРСКОМ ДИСКУРСЕ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX В.

В статье рассматривается имперский дискурс Франции в последней трети XIX в. во взаимосвязи с дискурсом национализма. Внимание сосредоточено на изучении конфессионального фактора французской имперской пропаганды. Анализируются тексты журналиста Г. Шарма, посвященные колониальной экспансии Франции в последней трети XIX в., ее миссионерской деятельности в Африке и на Востоке. Актуализация подобных пропагандистских текстов позволяет лучше понять интеллектуальную культуру Франции после ее поражения в войне с Пруссией.
***Ключевые слова**: национализм, имперский дискурс, Франция, колониальная экспансия, религиозная пропаганда, католический протекторат.*

В последние десятилетия тема национализма находится в центре внимания практически всех наук об обществе. Сегодня, однако, подчеркивается необходимость ситуационного подхода в изучении уже не национализма, а национализмов[1]. К. Калхун считает, что национализм может принимать различные формы и измерения: «Национализм — это риторика, которая используется для озвучивания слишком многих вещей, чтобы его можно было объяснить одной теорией»[2]. По его мнению, национализм имеет три измерения. Национализм как проект — это социальные движения и государственная политика, посредством которых люди пытаются преследовать интересы общностей, которые они считают нациями. Национализм как способ оценки — это политические и культурные идеологии, утверждающие превосходство отдельной нации. Национализм как дискурс — это «производство отдельных разновидностей националистической мысли и языка в особых условиях и традициях»[3].

В данной работе национализм рассматривается как «дискурсивная формация», как образ речи, мысли и действия. «Особыми условиями» для

[1] «С конца XVIII в. национализм находился в процессе модульного перенесения и адаптации, приспосабливаясь к разным эпохам, политическим режимам, экономическим и социальным структурам». *Андерсон.* 2001. С. 75.

[2] *Калхун.* 2006. С. 36.

[3] Там же. С. 32-33.

«производства» французского варианта дискурса национализма стали годы, последовавшие за поражением Франции во франко-прусской войне — последняя треть XIX в. В это время во Франции утвердился республиканский строй, и новая Республика взялась за строительство новой Империи. III-я Республика, приняв в наследство от предыдущих режимов колониальные владения, заимствовала и колониальные идеи, которым пришлось уживаться с великими демократическими принципами, унаследованными республиканцами от Революции 1789 г. Одновременное существование нации и империи привело к возникновению дискурса, обеспечивавшего единство этих двух противоположных систем отношений: нации как относительно гомогенного пространства прав, обязанностей и языка, и империи как принципиально гетерогенного пространства.

Учитывая важность ситуативного подхода в изучении националистического дискурса, необходимо обратить внимание на сам факт поражения Франции во франко-прусской войне в 1871 г. Французская нация была разгромлена зарождающимся немецким национальным государством. Националистические чувства были особенно уязвлены потерей Эльзаса и Лотарингии и провозглашением Германского государства в Версале. Это обусловило особую эмоциональность французской националистической риторики[4].

Для Франции послевоенный период был связан не только со становлением новой республиканской формы правления, но и с не менее ответственным для правящего класса выбором внешнеполитического курса. Униженная, лишенная территорий страна столкнулась с необходимостью восстановления былого престижа. Р. Жирарде говорит о противостоянии во Франции в это время двух типов национализма: имперского и континентального. Одни видели будущее Франции на Африканском и Азиатском континентах, а другие мечтали о реванше над Германией и скорейшем возвращении потерянных Эльзаса и Лотарингии[5]. И сторонники колониальной экспансии, и её противники считали себя патриотами, использовали националистические призывы, оперировали концептом «нация». Без этого они не могли рассчитывать на поддержку в обществе. Язык национализма во Франции в рассматриваемый период не был монополией какой-либо одной группы, партии, даже политического спектра. Крайне правые, умеренные, радикалы использовали его и боролись за единоличное владение им.

---

[4] К. Калхун считает, что «дискурс наций выражается в основном на языке страсти». См.: Там же. С. 27.

[5] *Girardet.* 1966. P. 108.

Реваншистские настроения были очень сильны. «Мой патриотизм во Франции»[6], — заявил лидер радикалов Ж. Клемансо на парламентских дебатах 31 июля 1885 г. Ф. Пасси — либеральный экономист и депутат парламента резко высказывался против «этих авантюр, дорогостоящих и бесплодных экспедиций <…>, против потери золота и крови Франции»[7]. Э. Дрюмон представил французскую экспедицию в Тунис как еврейскую авантюру, которая обрекла на смерть французских солдат[8].

Колониальную политику обвиняли в том, что она материально ослабляла нацию, обезоруживала страну перед континентальной угрозой, велась в угоду Германии, способствовала враждебности Англии, мешала главной цели — возвращению потерянных провинций. На уровне парламента и в прессе колониальная политика подвергалась атаке. При таком положении сторонники колониальной экспансии были особенно заинтересованы в эффективной пропаганде колониальных идей и в успешном овладении языком национализма. Все пропагандисты колонизации, стремясь утвердить в обществе свои идеи, хотели они того или нет, становились участниками националистического дискурса. Э. Хобсбаум писал, что «национализм только тогда приобретал настоящую популярность, когда он подавался в виде “коктейля”, то есть в сочетании с другими идеями»[9]. Перефразируя Э. Хобсбаума, можно сказать: колониальная идея только тогда могла завоевать общественное мнение, когда она подавалась в «коктейле» с национальной идеей.

Целью данного исследования является анализ имперского дискурса Франции в его тесной взаимосвязи с дискурсом национализма в последней трети XIX в. Следует помнить, что, рассуждая о проблемах Французской империи, идеологи колонизации размышляли о конгломерате колоний, значительно отличавшихся друг от друга. Империя не была единым целым, так же как и имперский дискурс не являлся чем-то законченным и однозначным. Современники редко предавались отвлеченным размышлениям об империи. Гораздо чаще они были непосредственными участниками политических баталий, исход которых напрямую зависел от их риторического мастерства.

Более пристальное внимание будет сосредоточено на изучении конфессионального фактора как важной составляющей цивилизаторского аргумента в пользу колониальной экспансии. Меня интересует,

---

[6] Цит. по: *Girardet.* 1966. P. 108.
[7] Ibid. P. 112.
[8] См: *Drumont.* 1886. T. 1. P. 477-478.
[9] *Хобсбаум.* 1999. С. 240.

как идеологи колонизации использовали националистическую риторику в своих пропагандистских выступлениях, как обосновывалась польза миссионерской, в частности, католической деятельности на Востоке и в Африке для такой страны как Франция, какие аргументы выдвигались в защиту католической пропаганды на Востоке, какие задачи ставились перед миссионерами? Как, в конечном итоге, уживались конфессиональная и национальная риторика во французском имперском дискурсе? В данном исследовании я не собираюсь давать оценки идеям французских публицистов с позиций этики, прогресса, или политической конъюнктуры, а буду описывать их, признав, что идеи в строго эпистемологическом смысле не могут быть ложными. Они извлечены из опыта и являются субъективным отражением действительности (применительно к нашей теме исследования, колониальной действительности).

Представляется бесспорным тезис М. Ферро о том, что одна из специфических черт эпохи империализма — «народная поддержка экспансии», а «империализм — общественный феномен»[10]. Действительно, одной из причин длительного существования империй является наличие имперского сознания и его тесная связь с национальным сознанием. В колониальной истории Франции есть красноречивые примеры, подтверждающие этот тезис: вспомним ту относительную лёгкость, с которой Франция в XVIII в. отдала Канаду и отказалась поддержать завоевания Дюплекса в Индии. Не является ли это свидетельством того, что во Франции того времени в обществе еще не было того самого «имперского сознания», о котором писал Ферро? И напротив, тяжелое и кровавое расставание с Алжиром в XX в. говорит о том, что в своё время элита смогла навязать обществу представление об Алжире как об «Африканской Франции» и внушить французам, что защита интересов Франции в Алжире — патриотический долг каждого гражданина республики.

Исследуя причины колониальной экспансии европейских держав в Новое время, историки уже в середине XX в. обратили внимание на то, что имперские проекты не были экономически обусловлены, а были вызваны именно националистическими, политическими интересами[11]. Д. Белл предполагает, что благодаря «исключительному чувству миссии

---

[10] *Ferro.* 1994. P. 31.

[11] См.: *Brunschzig.* 1960; *Girardet.* 1966. Исследователи европейского национализма Ж.-К. Карон и М. Верну считают, что раздел Азии и особенно Африки после 1880 г. «есть следствие того, что Европа была разделена на конкурирующие нации», а «европейский национализм вышел из европейского пространства, чтобы распространяться по всей планете». См.: *Caron, Vernus.* 1996. P. 399-400.

и цели» французский национализм с конца XVIII в. и до середины XX в. обладал «особенным характером и сверхъестественной энергией»[12].

В 2005 г. издатели журнала *Ab Imperio* обратились к вопросу о взаимосвязи европейских империй и национальных государств, сформулировав тему так: «Языки самоописания империи и наций»[13]. Британский историк Э. Томпсон, исследуя язык империализма в Великобритании, говорит о важности осознания взаимовлияния и взаимосвязи национального и имперского дискурсов в эпоху «параллельного существования империй и национальных государств», о тесном переплетении определений «нация» и «империя» в конце XIX – начале XX в.[14]. Джейн Бурбак и Фредерик Купер считают неоправданным противопоставление империи национальному государству, так как каждый из этих типов организации государственной власти может принимать формы, свойственные другому, и «ни один тип политии не связан однозначно с демократией как руководящим принципом»[15], а «тирания была и остается возможной как в империях, так и в национально гомогенных государствах»[16]. Авторы считают, что историческое многообразие и долговечность империй «ставит под сомнение саму идею о естественности и неизбежности национального государства»[17].

Однако, французские исследователи колониальной истории Н. Бансель и П. Бланшар считают, что «Колониальная Республика», какой была Франция — это «ужасный гибрид», так как состоит из противоположных понятий. Они считают утопией «республиканскую империю», так как республиканские мечты о цивилизаторской миссии на деле сопровождались массовыми убийствами[18]. Во Франции не прекращаются споры о колониальном прошлом, но если в начале XX в. французские историки восхваляли империю[19], то в начале XXI в. растет число тех, кто, по меткому выражению М. Ферро, пишет «Чёрную книгу» колонизации, то есть сосредоточивает своё внимания на ее негативных аспектах[20]. Нередко даже ставится знак равенства между колониа-

---

[12] *Bell.* 2001. P. 214-215.

[13] См*: Ab Imperio.* Исследования по новой имперской истории…

[14] *Томпсон*. 2005. № 2. С. 21-62.

[15] *Бурбанк, Купер*. 2007. № 4. С. 50.

[16] Там же. С. 58.

[17] Там же. С. 55, 57.

[18] *Bancel, Blanchard, Vergès.* 2003. P. 11.

[19] Histoire des colonies françaises…; *Hardy*. 1937.

[20] Le livre noire du colonialisme XVI–XXI siècle…*; Vergès.* 2001; *Olivier Le Cour Grandmaison.* 2005.

лизмом и тоталитаризмом[21]. Б. Стора за более нюансированный подход. Он считает, что изучать необходимо не французскую колонизацию, а различные варианты французской колонизации[22].

Если идеальное национальное государство провозглашало общность и равенство всего населения, а идеальное имперское государство тяготело к подчеркиванию различий, то, по всей вероятности, «гибрид», каким, по мнению Н. Банселя была Франция, для того, чтобы выстоять должен был выработать некую идею, поддерживающую здание Империи, и в то же время не противоречившую республиканским принципам. Такой идеей стала «цивилизаторская миссия».

Идея цивилизаторской миссии Франции в мире приобрела в период правления республиканцев новое звучание. Термин «цивилизаторская миссия» появился в Европе в эпоху Просвещения и, начиная с 1789 г. стал ключевым словом колониальной Франции[23].

Чувство европейского превосходства утверждалось на протяжении Средних веков и Старого режима и, по мнению Ж.-К. Карона и М. Верну, было основано на христианстве, аристотелизме и платонизме[24]. По мнению Н. Банселя, идея «цивилизаторской миссии» делала колониальное завоевание III Республики легитимным[25]. Благодаря «цивилизаторской миссии» Республика выглядела «великодушной» по отношению к колонизируемым народам, ведь она взяла на себя обязательство освобождать народы и нести варварам и дикарям идеалы Разума, Свободы, Просвещения и Прогресса. Но, как справедливо замечает Н. Бансель, цивилизаторская миссия имела еще одну цель — «покорить» (asservir)[26] колонизируе-

---

[21] Жан-Фредерик Шоб считает, что говорить о пользе европейцев в Африке и Азии (транспорт, здравоохранение, образование) то же, что рассуждать о пользе фашизма, который покончил с безработицей, нацизма, который построил автобаны, сталинизма, который индустриализировал Россию. См.: *Schaub*. 2008. P. 627.

[22] См.: *Stora, Hémery.* 2007.

[23] *Ageron.* 1978. P. 62. Идея цивилизаторской миссии была тесно связана с мифом о национальной исключительности Франции, как о стране с богатой культурой, идеалами эпохи Просвещения, а также с мифом о превосходстве Западной цивилизации в целом над остальными народами мира. «Белый человек верил в свою миссию», — писал А. Руссио. См.: *Ruscio.* 1995. P. 93.

[24] Это чувство выражалось следующей формулой: «Земля — центр Вселенной, Европа — центр Земли». См.: *Caron, Vernus.* Op. cit. P. 8. Европоцентризм в середине XIX в. выражал уже не географические взгляды, а скорее определённое мировоззрение. Его сущностью было представление о Западной Европе, как о неком «оазисе разума и цивилизации во мраке язычества и дикости». См.: *Ерофеев.* 1977. С. 182.

[25] *Bancel, Blanchard, Vergès.* 2003. P. 45.

[26] Ibid. P. 71.

мые народы, поставить их на службу Франции. Этой цели вполне могла служить миссионерская деятельность. В век Империй (1875–1914) колониальная экспансия вновь, как и в начальный период европейской колонизации оказалась тесно связанной с миссионерством[27].

Среди лиц, заинтересованных в колониальной экспансии особенно быстро росло осознание ценности и важности миссионерской деятельности для Франции. Однако в светском государстве, которое проводило активную антирелигиозную пропаганду внутри страны, рассуждать о религиозной пропаганде в колониях было непросто. В Африке, в Индокитае длительное время существовали католические миссии, но нужны ли они Республиканской Франции? Какую выгоду будет иметь французская нация, строящая колониальную Империю, от миссионерской деятельности? На эти вопросы нужно было найти ответ.

В годы II-ой Империи маркиз де Шасслу-Лоба (министр морского флота с 1859 по 1867 гг.) и Франсис Гарнье (офицер, географ, исследователь) внесли значительный вклад в разработку колониальной идеологии, поставив акцент на цивилизаторскую миссию Франции. Они видели будущее Франции на Дальнем Востоке в Индокитае. Шасслу-Лоба писал, что там необходимо установить «нашу христианскую цивилизацию», чтобы уничтожить существующие там жестокие нравы. Ф. Гарнье призывал нести «факел цивилизации» в «глубокую тьму Аннама»[28]. Самым известным писателем, прославлявшим в годы II-ой Империи колонизацию, был Люсьен-Анатоль Превос-Парадоль. Этот либеральный мыслитель и политический деятель — противник императорского правления Наполеона III, был горячим сторонником колониального расширения Франции и строительства Средиземноморской Империи. Для него колонизация была средством увеличения роли Франции в мире. Он мечтал о

---

[27] М. Ферро отмечал, что колониальная экспансия и миссионерская деятельность взаимопроникают в XVI–XVII вв., но в эпоху империализма произошло перемещение акцентов; «христианизация отождествляется теперь с обязанностью цивилизировать, так как цивилизация может быть только христианской». *Ferro.* 1994. P. 27. Исследуя феномен европейского империализма, Э. Хобсбаум пишет, что «миссионерство отнюдь не являлось проводником империалистической политики, однако сами успехи миссионерского движения зависели от империалистической экспансии». *Хобсбаум.* 1999. С. 105. Р. Жирарде отмечает, что первое десятилетие после войны 1870 г. характеризуется всплеском миссионерской активности и созданием новых религиозных конгрегаций. См.: *Girardet.* 1972. P. 65-66. Ж. Пиррот пишет, что «Европа в XIX в. жила под флагом миссионерства, и миссионерская деятельность реализовывалась каждодневно, особенно в ходе модернизации традиционных культур» (*Pirrot.* 1982. Цит. по: Стереотипы в общественном сознании… С. 35-36).

[28] Цит. по: *Girardet.* 1972. P. 48-49.

том дне, когда французы, стеснённые в «африканской Франции» (так называли Алжир), придут в Марокко, Тунис и создадут «Средиземноморскую Империю», которая должна была стать источником французского величия в мире[29]. Североафриканский регион считался территориальным продолжением Франции, колонизацию в этом регионе рассматривали как расширение национальных границ. Деятельность Франции в Северной Африке представлялась как завершение дела цивилизации, некогда начатого римлянами[30]. «Французы, — писал известный экономист и автор труда “Колонизация у новейших народов”»[31] П. Леруа-Больё, — настоящие последователи римлян в Африке»[32].

С 1879 по 1885 гг. серию статей о колониальной политике написал французский публицист Г. Шарм (1850–1886)[33]. С 1874 по 1879 г. он был одним из редакторов *Journal des Débats*, активно сотрудничал с *Revue des Deux Mondes*. Он много путешествовал по Турции, Египту, Марокко. В своих статьях он продолжал развивать идеи Л. Превос-Парадоля о необходимости создания Средиземноморской империи.

Заботы о ранге Франции в мире, о восстановлении престижа после поражения во франко-прусской войне волновали Г. Шарма и заставляли его вновь и вновь обращаться к теме французской экспансии. «Спасение нашей страны, я повторяю это, в колониальной политике»[34], — писал он. Г. Шарм рассматривал захват колоний в контексте обеспечения экономических и стратегических интересов государства. Его статья «Колониальная политика» — это серьезное исследование, посвященное теоретическим и практическим вопросам колонизации, где затрагиваются экономические проблемы и вопросы управления колониями.

Пропаганда экспансии — основная цель статьи. Как националистическая риторика помогала ему в этом? Прежде всего, Г. Шарм опирался на националистические чувства людей. Достаточно было несколько броских образов, доходящих до сердца, напоминаний о великой коллективной вере, или обращение к исторической памяти, чтобы приобщить людей к своей идее. «Наши предки галлы, не они ли прошли

---

[29] *Prevost-Paradol.* 1869. P. 418-419. О Превос-Парадоле см.: *Guiral.* 1955.

[30] Эту идею в *Revue des Deux Mondes* отстаивал Г. Боасье в статьях «Римская Африка. Археологические прогулки по Алжиру и Тунису». См.: *Boissier.* 1894. T. 121. 15 janv.; *Boissier.* 1894. T. 121. 5 févr.

[31] *Leroy-Beaulieu.* 1874.

[32] *Leroy-Beaulieu.* 1881. P. 125.

[33] См.*: Charme.* 1879; *Charme.* 1883a; *Charme.* 1881; *Charme.* 1882; *Charme.* 1883c; *Charme.* 1883d; *Charme.* 1883b.

[34] *Charme.* 1883d. P. 90.

всю Европу, оставляя повсюду свои следы,<…> распространяя свои колонии до самой Азии?»[35] Яркий образ воинственных галлов будоражил в человеке воспоминания о событиях, хранимых веками. Это было достоянием большинства, основой нации, даже если она не осознавала этого. Согласно К. Калхуну, «национализм черпает значительную часть своей силы из феноменологического переживания простых людей, что их нации всегда существовали»[36]. Г. Шарм, приводя в статье о колониальной политике пример галлов, опирался на давние этнические идентичности своих читателей. И потому с полным правом можем считать его носителем не только колониальной, но и националистической идеологии (при этом он являлся еще и сторонником либеральных принципов в экономике). Сложное сочетание националистических, либеральных и империалистических настроений было характерно для политических элит многих европейских государств, Г. Шарм не был исключением.

Ощущение принадлежности к группе галлов возникало у читателей в определенном контексте, в данном случае — в колониальном. Экспансионизм галлов должен был вызвать к жизни современный экспансионизм французов. Г. Шарм убеждал соотечественников в том, что они обладают некими «колонизаторскими способностями» (le génie colonisateur)[37]. Что это такое, автор не объяснил, но, вероятно, его понимали и так. Речь шла об определенных чертах национального характера, которыми наделяли себя сами французы. О французском характере писал еще Вольтер в статье «Француз» для «Энциклопедии» Дидро и д'Аламбера[38]. Вопрос о том, есть ли у французов «колонизаторские способности», не был праздным. Убедить нацию в наличии у нее этих способностей, значило пробудить интерес к колониальной экспансии. В 1891 г. вышла книга Л. Дешама, в которой он попытался изучить отклики на колонизацию в обществе с XVI по начало XIX в. Главный вопрос, который интересовал автора — имеют ли французы «вкус к колонизации», и отвечает или нет колониальная политика национальным чувствам[39]. Дешам пришел к выводу, что «французская нация всегда интересовалась колониями и колониальными предприятиями»[40].

---

[35] Ibid. P. 51.
[36] *Калхун.* Указ. соч. С. 75.
[37] *Charme.* 1883d. P. 57.
[38] Пименова. 2008. С. 102.
[39] *Deschamps*. 1891. P. 9.
[40] Ibid. P. 379.

Г. Шарм считал, что «здравый политический смысл и требования экономического порядка» толкали Францию к колониям, но для ведения успешной колониальной экспансии мало энтузиазма отдельных личностей, необходима последовательная государственная колонизация[41].

Он предлагал правительству сделать действенным инструментом влияния Франции на Востоке и в Африке католические миссии, создать «католический протекторат». Под католическим протекторатом он понимал официальную поддержку государством французских католических миссий везде, где бы они ни были. В Республике парламентского типа, какой была III-я Республика, Палата депутатов то и дело сбрасывала кабинеты министров и препятствовала, по мнению Г. Шарма, планомерному развитию колониальной экспансии. «С какой же слепотой парламент отказывается признать, что религиозная пропаганда способствует прогрессу колонизации»[42], — писал журналист. «…Наше влияние и наш престиж распространяются на религиозном фундаменте»[43].

Г. Шарм призывал учиться у англичан, правительство которых поддерживало протестантские миссии, а те, в свою очередь, платили ему той же монетой. Пропаганда протестантов «скорее английская, чем религиозная <…>; их главная цель — служение Англии». Иезуиты же и другие члены французских католических конгрегаций «принадлежат, прежде всего, церкви и своему ордену…»[44], поэтому они распространяли свою веру, но не французское влияние. Для Шарма христианское влияние было составляющей цивилизационного влияния. Г. Шарм призывал учиться колонизировать также у России, сравнивая католический протекторат Франции в Средиземноморье с православным протекторатом России в Сибири[45]. Россия, по мнению Шарма, в отличие от Франции, умела использовать ту «моральную силу», какой являлась религия. Франция же зачастую сворачивала деятельность католических миссий, так как позиционировала себя как светская страна, борющаяся с клерикализмом. Но Г. Шарм считал, что можно было оставаться антиклерикалом в метрополии и защитником католических миссий в тех странах, где Франция намеревалась распространять свое влияние. Можно было про-

---

[41] *Charme.* 1883d. P. 58.
[42] Ibid. P. 63.
[43] *Charme.* 1883b. P. 762.
[44] Ibid. P. 763.
[45] Ibid. P. 790. Учиться колонизировать у России призывал французских политиков и П. Леруа-Болье. Он писал, что североафриканский регион для Франции — это то же, что Сибирь для России. См.: *Leroy-Beaulieu.* 1884. P. 282.

водить светскую политику внутри страны и использовать религиозную пропаганду в качестве действенного средства колонизации. Таким образом, Г. Шарм пытался доказать французским политикам, что поддержка католических миссий государством не противоречила интересам французской нации, а напротив, способствовала росту ее престижа в мире. В итоге все его рассуждения упирались в идею величия Франции[46].

По мнению Шарма, «французские и католические интересы на Востоке неразрывно связаны, и невозможно поколебать одни, не поколебав другие»[47]. Если в самой республиканской Франции национальные интересы не совпадали с религиозными интересами, то на Востоке, они были едины. Туземцы должны были считать всякого француза католиком, а всякого католика — находящимся под покровительством Франции. Если в метрополии складывался образ Франции — носительницы великих принципов Революции 1789 г., то в колониях, по логике Шарма, Франция должна была оставаться Старшей дочерью католической церкви.

П. Леруа-Болье, чьи идеи, бесспорно, оказали на Шарма большое влияние, писал, что в «деле колонизации варварских народов религиоз-

---

[46] После поражения в франко-прусской войне столь многочисленные рассуждения о величии нации не являлись всего лишь демагогией. Националистическая риторика служила важным средством национального подъема общества. Как внутренняя, так и внешняя политика правящей республиканской партии была направлена на сплочение нации, её мобилизацию с целью укрепления могущества государства, повышения его престижа на международной арене. Обладание колониями как раз и стало для европейских наций фактором престижа. Влиятельный публицист Ш. Лаволе еще в 1863 г. писал, что процветание, политическое влияние многих наций напрямую зависит от выгодного расположения заморских территорий, которыми они обладают. Борьба за преобладание в мире переместилась далеко за пределы Европы, а вопрос величия стал вопросом обладания колониями: «…придет время, когда нация, не имеющая своих колоний в Азии и Америке (Африка в 60-е гг. XIX в. еще не была объектом пристального внимания европейских держав. — *Е. М.*), будет неполной нацией (nation incomplète)». См.: *Lavollée* 1863. P. 888. В 1882 г. в предисловии к книге «Тунисское предприятие» Ж. Ферри написал: «Великая страна, чья географическая позиция, интересы и надежды тесно связаны со всем европейским движением, чьё могущество не просто континентальное, но средиземноморское, не смогла бы вновь закрыться в гибельной изоляции и систематическом бездействии». Чтобы стоять в одном ряду с великими державами, такими как Великобритания, она должна была непрерывно наращивать свои территориальные владения: «…держась в стороне от всех европейских комбинаций, рассматривая как ловушку, как авантюру любую экспансию в Африку и на Восток, жить таким образом для великой нации <…> — значит отступить и через какое-то время, более короткое, чем вы можете предположить, спуститься с первого ранга на третий и четвёртый». См.: *Ferry.* 1893-1898. T. 5. P. 521-522.

[47] *Charme.* 1881. P. 775.

ная пропаганда — одно из самых мощных средств воздействия, а главным врагом нации является антирелигиозный фанатизм»[48]. Ж. Ферри, выступая перед палатой депутатов 29 июля 1885 г., одним из аргументов в пользу колониальной экспансии выдвинул цивилизаторский аргумент. Он утверждал, что существуют «обязанности» высших рас по отношению к «низшим». В этой речи он не говорил о религиозной пропаганде, но сумел справиться с главным противоречием во французской колониальной идее со времен Великой революции 1789 г., а именно проблемой соотнесения принципов Свободы, Равенства и Братства с практической колониальной деятельностью. Ж. Ферри отвечал своим противникам, что «Декларация Прав Человека была написана не для Чёрных в Экваториальной Африке», а потому нельзя до конца поддерживать тезис, построенный на «равенстве, свободе, независимости низших рас»[49].

Г. Шарм не делал таких заявлений, но, судя по всему, придерживался подобных взглядов. «В деле колонизации нет принципов, вернее есть только один — следовать поставленной цели»[50], — писал он. Для того, чтобы завоевать Конго, Тонкин, укрепиться или восстановить свой престиж на других территориях «недостаточно блестящих колониальных проектов и нескольких миллионов для их реализации», — считал Г. Шарм. «Нужно использовать любые средства, извлекать пользу из любой деятельности»[51]. Г. Шарм рассматривал заморские приобретения Франции в качестве составной части французской национальной территории и считал, что Франция должна была переносить туда свои законы, язык, цивилизацию. Католические миссии должны были стать действенным орудием распространения французской цивилизации[52]. Ни много, ни мало, он видел цель Франции в «моральном завоевании мира»[53].

Главной целью миссий должна была стать подготовка туземного населения к контактам с французскими коммерсантами. «Деловые отношения очень неустойчивы, если они не подкреплены моральными отношениями»[54]. Экономический аргумент в пользу экспансии всегда

---

[48] *Leroy-Beaulieu.* 1882. P. 671.

[49] Речь Ж. Ферри перед Палатой депутатов 29 июля 1885 г. Цит. по: Jules Ferry. 1996. T. 2. P. 318.

[50] *Charme.* 1883b. P. 761. В этой фразе скрывается намек на известную фразу Робеспьера по поводу колоний: «Да погибнут колонии во имя принципов». См.: *Meyer, Tarrade, Rey-Goldzeiguer, Thobie.* 1991. P. 289.

[51] *Charme.* 1883b. P. 761.

[52] Ibid. P. 763.

[53] Ibid. P. 791.

[54] Ibid. P. 764.

больше воздействовал на французскую буржуазию, чем высокие слова о цивилизаторской миссии, и Г. Шарм вновь и вновь доказывал необходимость поддержки католических миссий. Даже не имея должной поддержки, миссионеры, по его словам, делали огромную работу. Сам он был неверующим, но преклонялся перед деятельностью миссионеров, которую считал патриотической. Если бы они ограничились одной христианизацией туземного населения, возможно Г. Шарм не был бы столь горячим их защитником. Более всего он ценил образовательную и врачебную практику французских миссионеров и называл их «легионом мирных завоевателей»[55]. Он считал, что обучение французскому языку — одна из приоритетных задач миссионеров. Он вспоминал свою встречу в пустыне недалеко от Мертвого моря с бедуинской женщиной, которая бегло говорила по-французски. Ее научили этому сестры одного из католических орденов. «Служба, которую сослужили Франции эти никому неизвестные в Европе сестры, огромна»[56], — писал Г. Шарм. «Повсюду, обучая языку, они прививали любовь к нашей нации»[57]. В Триполи он встретил богатого мусульманского торговца, который сожалел о закрытии миссии, после того, как были убиты миссионеры. «Нет больше никого, кто лечил бы наши болезни»[58], — сказал ему этот торговец. Так ли искренни были его слова? Судя по тому, что миссионеров убили, далеко не все их любили. Но изучение отношения туземного населения к деятельности католических миссий не входит в задачи данного исследования. Здесь важно показать, как представлял миссионерскую деятельность французский колониальный идеолог Г. Шарм, и как его читатели вслед за ним представляли себе колониальный мир.

Г. Шарм, например, утверждал, что на Востоке невозможно светское образование, потому что религия играет огромную роль в жизни общества: «Мусульмане лучше будут водить детей в школу чужого Бога, чем в школу без Бога»[59]. Наступит время, и человек не будет нуждаться в покровительстве сверхъестественных сил. Это произойдет тогда, когда «весь мир будет завоеван <…> и цивилизован»[60]. Сейчас же нет смысла, по мнению Шарма, задумываться о том достойное ли это дело для Республики, поддержка католических миссий. Он не утвер-

[55] *Charme.* 1883b. P. 776.
[56] *Charme.* 1881. P. 777.
[57] Ibid. P. 777.
[58] *Charme.* 1883b. P. 767.
[59] Ibid. P. 779.
[60] *Charme.* 1883b. P. 785.

ждал, что католицизм имеет абсолютную ценность для всего мира. Правда для него была в том, что католицизм как «агент цивилизации» сослужит Франции неоспоримую службу везде, где Франция захочет закрепиться[61]. А если Франция откажется поддерживать католические миссии, то Италия, Испания, Германия и прочие страны сделают это. У Франции появлялось всё больше соперников. Снять французский флаг с завоёванных территорий значило пустить туда любую другую европейскую державу. Это повлекло бы за собой ослабление Франции. «Непреодолимое движение увлекает великие европейские нации на завоевание новых земель. Это как огромные скачки с препятствием на незнакомом пути»[62], — так писал Ж. Ферри о развитии современной колонизации.

* * *

Пропаганда экспансии — основная цель работ Г. Шарма, посвященных колониальной политике. Националистическая риторика помогала ему в этом. Такие понятия, как «величие Франции», «патриотизм», «национальный долг», не были для него просто абстрактными понятиями. Они были наполнены конкретным содержанием. С помощью таких основополагающих понятий националистического дискурса как «общество», «нация», «отечество», «цивилизация» колониальные элиты пытались укрепить в обществе имперское самосознание. Термины «нация», «страна», «французский народ», «общество», «государство» то и дело употреблялись Г. Шармом как взаимозаменяемые. Таким образом, нация понималась им как политическое (гражданское) единство. Вместе с тем апелляция к прошлому (вспомним напоминание Г. Шарма о воинственных галлах), к коллективной памяти, к вере, чувствам говорит о его иррациональном «гердеровском» понимании нации как культурного единства, основанного на истории, языке, обычаях.

Ничто не сплачивает нацию лучше и не вдохновляет ее на новые свершения, чем чувство национальной гордости. Г. Шарм писал, что миссионеры прививают туземцам любовь к Франции, а арабская племенная верхушка, «почти вся, считает Францию самой великой страной Европы»[63]. Трудно поверить в искренность арабов, если они вообще говорили подобное. Но в деле пропаганды все средства хороши. Обращаясь к публике, важно было отбирать слова. Умело воздействуя на нее, управляя ее воображением, талантливый публицист мог приобщить публику к своим идеям. Язык может пробудить в массах сильные чув-

[61] Ibid. P. 784-785.
[62] Tonkin et la mère-patris… 1890. P. 40.
[63] *Charme.* 1883d. P. 65.

ства и стойкие убеждения. В случае же империи язык, имел особое значение, поскольку большая часть населения никогда не была в колониях и могла познать их жизнь лишь в своем воображении.

Л. А. Пименова отмечает, что во Франции XVII в. национальные ценности были сакрализированы, а знаменитые проповедники одновременно взывали к патриотическим и религиозным чувствам подданных короля[64]. В XIX в. национальный дискурс во Франции обмирщается, но в имперском дискурсе стало возможным использование одновременно националистической и религиозной риторики. Представляя публике католических миссионеров как «легион мирных завоевателей», а католицизм как «агента цивилизации», Г. Шарм связывал воедино имперский, национальный и конфессиональный дискурсы. Цивилизаторский аргумент в пользу колонизации приобретал конфессиональный акцент. «Империя», «величие нации», «католическая пропаганда» — эти понятия не исключали, а взаимно дополняли друг друга у Г. Шарма.

Много размышляя об интересах Франции в Средиземноморье[65], он считал, что любое завоевание необходимо готовить: создавать школы, больницы; обучать туземцев языку, ремеслам, обычаям Франции[66].

О «цивилизаторской миссии» Франции писали и говорили многие известные политики и общественные деятели (среди них Ж. Ферри, П. Леруа-Болье)[67]. Особенно популярным стало осуждение рабства[68]. В прессе велась активная аболиционистская пропаганда[69].

---

[64] *Пименова.* Указ. соч. С. 103-104.

[65] См.: *Charme.* 1882*; Charme.* 1883d.

[66] *Charme.* 1883b. P. 775.

[67] П. Леруа-Больё совместно с Э. Шёлшером возглавлял «Французское общество защиты туземцев колоний», от имени которого он требовал: предоставить арабам Алжира места в Законодательном собрании страны, увеличить кредиты на создание школ и миссий, прекратить ущемление прав туземцев Аннама и Камбоджи, окончательно отменить рабство, христианизировать языческое население чёрной Африки, терпеливо относиться к воинственному населению Сенегала, защитить права автохтонного населения на Мадагаскаре. См.: *Leroy-Beaulieu.* 1886. P. 338. Ж. Ферри был убеждён, что «несчастное население Африки стало счастливым, попав под протекторат французской нации», для которой «первым долгом и первым правилом» является борьба с работорговлей — «этой ужасной спекуляцией, рабством — этой подлостью». Цит. по: *Girardet.* 1972. P. 84.

[68] Об аболиционистском дискурсе см.: *Vergès.* 2001.

[69] Французские журналы публиковали многочисленные статьи, в которых разные авторы выступали за «морализацию и цивилизацию», за «возрождение Африки европейцами», и в том числе писали о роли миссионеров в борьбе с рабством. См.: *Thouvenin.* 1874.

К концу XIX в. в борьбу с рабством вступила католическая церковь. Интересно, что Г. Шарм оставил эту «модную» тему в стороне. Вероятно, это было связано с его терпимым отношением к чужим обычаям. Его главная идея, которую он отстаивал в своих статьях, состояла в том, что поддержка католических миссий Францией — залог ее международного престижа в мире. «Это правда, я в это действительно верю, что католические миссии, несмотря на критику в их адрес, являются одними из главных элементов нашего внешнеполитического могущества»[70]. Он рассматривал деятельность католических миссионеров как составную часть цивилизаторской деятельности Франции, считая ее наиболее эффективной и патриотичной. Под цивилизаторской деятельностью он понимал распространение культурного влияния Франции в мире, которое должно было, прежде всего, повлечь за собой распространение ее политического и экономического влияния.

Призывы Г. Шарма к поддержке миссий, в конечном счете, не пропали бесследно. На Национальном колониальном конгрессе в декабре 1889 года особое внимание предлагалось уделить миссионерской деятельности Франции в Африке и Азии[71]. Миссии стали важным элементом культурной экспансии Франции.

БИБЛИОГРАФИЯ

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Г. Николаева. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково Поле, 2001.

Бурбанк Д., Купер Ф. Траектория империи // Ab Imperio. 2007. № 4. С. 47-85.

Ерофеев Н. А. Английский колониализм в середине XIX в. Очерки. М., 1977.

Калхун К. Национализм / Пер. с англ. А. Смирнова. М.: «Территория будущего», 2006.

Пименова Л. А. Представления о национальной и религиозной идентичности во Франции XVIII в. // Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе, Средние века – Новое время / Под ред. М. В. Дмитриева. М.: Индрик, 2008. С. 97-126.

Стереотипы в общественном сознании: (Социально-философские аспекты): Научно-аналитический обзор. М.: ИНИОН, 1988.

Томпсон Э. Язык империализма и различный смысл понятия «империя»: имперский дискурс в политической жизни Великобритании 1895–1914 гг. // *Ab Imperio.* 2005. № 2. С. 21-68.

Хобсбаум Э. Век империи, 1875–1914. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999.

Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. / Пер. с англ. СПб.: Алетейя, 1998.

Ageron Ch.-R. France coloniale ou partie coloniale? Paris: PUF, 1978.

---

[70] *Charme.* 1883b. P. 791.

[71] Problems in the history of colonial Africa… P. 174.

Bancel N., Blanchard P., Vergès F. La République coloniale, Essai sur une utopie. Paris, Albin Michel, 2003.

Bell D. A. The cult of nation in France: Inventing nationalism, 1680–1800. Cambridge (Mass.), L.: Harvard univ. press, 2001.

Boissier G. L'Afrique romaine. Promenades archéologiques en Algérie et en Tunisie. 1. Les indigènes // Revue des Deux Mondes. 1894. T. 121. 15 janv. P. 284-305, 764-787.

Brunschzig H. Mythes et réalités de l'imperialisme coloniale français avant 1914. Paris: A. Colin, 1960.

Caron J.-C., Vernus M. L'Europe au XIX siècle. Des nations aux nationalismes 1815–1914. Paris: Armand Colin, 1996.

Charme G. L'insurrection militaire en Egypte. Le Triomphe du parti militaire // Revue de Deux Mondes. 1883a. T. 58. 15 août. P. 757-802.

Charme G. La France et le Protectorat Catholique en Orient // Revue de Deux Mondes. 1883b. T. 55. 15 févr. P. 760-797.

Charme G. La politique actuelle et la situation de l'Europe // Revue de Deux Mondes. 1883c. T. 59. 1 oct. P. 545-592.

Charme G. La politique coloniale // Revue de Deux Mondes 1883d. T. 60. 1 nov. P. 49-90.

Charme G. La République et les intérêt français en Orient // Revue de Deux Mondes. 1882. T. 53. 15 sept. P. 251-286.

Charme G. Voyage en Syrie . Impressions et souvenirs. Le Saint-Supulcre–Pélerins et clergés // Revue de Deux Mondes. 1881. T. 45. 15 juin. P. 753-781.

Charme G. Un essai de gouvernement européen en Egypte. La formation du ministère anglo-français // Revue de Deux Mondes. 1879. T. 34. 15 août. P. 776-812.

Deschamps L. Histoire de la quêstion coloniale en France. Paris: E. Plon, Nourrit et Cie, 1891.

Drumont E. La France juive, essai d'histoire contemporaine. Paris: C. Marpon et E. Flammarion, 1886.

Ferro M. Histoire des colonisations des conquetes aux indépendences. XIII–XX siècle. Paris: Seuil, 1994.

Ferry J. Discours et opinions de Jules Ferry, publiés avec commentaires et notes, par Paul Robiquet. Paris: Colin, 1893–1898. T. 1-7. T. 5.

Girardet R. L'idée coloniale.en France de 1871 à 1962. Paris: La Table Ronde, 1972.

Girardet R. Le Nationalisme français, 1874–1914. Paris: A. Colin, 1966.

Guiral P. Prevost-Paradol (1829–1870). Pensée et action liberal sous le Second Empire. Paris: Presses universitaires de France, 1955.

Hardy G. La politique coloniale et le partage de la terre aux XIX et XX siècle. Paris: Albin Michel, 1937.

Histoire des colonies françaises et de l'expansion de la France dans le monde / Sous la direction de Hanotaux G. et Martineau A. Paris: Plon, 1929. T. 1.

Jules Ferry. La République des citoyens / Présenté par O. Rudelle. Paris: Imprimerie Nationale, 1996. T. 2.

Lavollée Ch. La colonisation moderne // Revue des Deux Mondes. 1863. T. 43. 15 fevr. P. 880-916.

Le livre noire du colonialisme XVI–XXI siècle: de l'extermination à la repentence / Sous la dir. de M. Ferro. Paris: Hachette, 2003.

Leroy-Beaulieu P. De l'oeuvre colonisatrice de la France. Les écueils à éviter // Economiste français. 1882. № 47. P. 669-671.
Leroy-Beaulieu P. De la colonisation chez les peuples modernes. Paris: Guillaumin, 1874.
Leroy-Beaulieu P. La colonisation française et les voies ferrées dans le nord de l'Afrique // Economiste français. 1884. № 10. 8 mars. P. 281-283.
Leroy-Beaulieu P. Les progrès de la colonisation en Algérie // Économiste français. 1881. № 5. 29 janv. P. 125-127.
Leroy-Beaulieu P. Notre situation coloniale et nos procédés coloniaux // Économiste français. 1886. № 38. 18 sept. P. 337-339.
Meyer J. Tarrade J., Rey-Goldzeiguer A., Thobie J. Histoire de la France coloniale. Paris: A. Colin, 1991. T. 1. Des origines à 1914.
Olivier Le Cour Grandmaison. Coloniser, exterminer. Sur la guerre et l'Etat colonial. Paris: Fayard, 2005.
Prevost-Paradol L.-A. La France nouvelle. Paris: Michel Lévi, 1869.
Problems in the history of colonial Africa. 1860–1960 / Edited by Robert O. Collins; Department of history University of California. Santa-Barbara. Prentice-Hall, Inc., Englewood Cliffs, New Jersey, 1970.
Ruscio A. Le Credo de l'homme blanc. Regards coloniaux français XIX–XX siècle. Paris: Éd. Complexe, 1995.
Schaub J.-F. La catégorie «études coloniale» est-elle indispensable? // Annales Histoire, Science sociale. 2008. 63 anée. № 3, mai-juin. P. 625-646.
Stora B., Hémery D. Histoire coloniale. Héritages et transmissions. Paris: Bibliotèque publique d'information, 2007.
Thouvenin P.-D. L'Esclavage à Zanzibare et la mission de sir Bartle frère // Revue des Deux Mondes. 1874. T. 5. 15 sept. P. 309-339.
Tonkin et la mère-patris. Témoignages et documents / Recueillis par L. Sentupery; Préface par J. Ferry. Paris: V. Havard, 1890.
Vergès F. Abolir l'esclavage. Une utopie coloniale Les ambiguités d'une politique humanitaire. Paris, Aldin Michel, 2001.

***Моисеева Екатерина Николаевна**, к.и.н., ассистент кафедры истории Нового и Новейшего времени Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского; moiseevaen@rambler.ru.*

М. А. Липкин

МАРКИЗ ДЕ КЮСТИН В 1957 ГОДУ? ЗАПИСКА ФРАНЦУЗСКОГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛА О ТРЕХНЕДЕЛЬНОЙ ПОЕЗДКЕ В СССР

Статья посвящена анализу неизвестного документа из архива МИД Франции «Записка о трехнедельной поездке в Москву в августе 1957 г.». В записке французского участника Московского фестиваля молодежи содержится анализ политической ситуации в СССР и мире в 1957 г. Статья раскрывает представления французов об СССР, США и Франции на мировой арене и поднимает вопрос о связи между поездкой в августе 1957 г. и развитием западноевропейской интеграции (созданием ЕЭС и Евратома в марте того же года).

Ключевые слова: *СССР, Франция, США, Европа, гонка вооружений, холодная война, европейская интеграция, цивилизация, культура, империализм.*

Работая в новом архиве Министерства иностранных дел Франции в пригороде Парижа в Курнев-Обервийе, я обнаружил в фонде директора Департамента европейского экономического сотрудничества Оливера Вормсера весьма необычный документ — аналитическую записку неизвестного автора, составленную по итогам его поездки в Москву в рамках Всемирного фестиваля молодежи в августе 1957 г. (хотя он задержался в СССР на более длительный срок — 3 недели)[1].

Судя по широте анализа и попытке выработать собственную методику понимания Советской России, ее автор был далеко не простым наивным студентом, а обладал склонностью к обобщению и отправлялся в Москву с некоторыми познаниями русского языка. Он не раскрывает имен и число своих информаторов в СССР, но, судя по тексту записки, ему удалось побеседовать с людьми разных политических взглядов.

С самого начала автор предлагает внести ряд корректив в распространенные представления о Советской России и провести прямые аналогии между историей двух, казалось бы, столь непохожих друг на друга стран — СССР и Франции. Согласно видению французского визитера, если провести параллель между историческим опытом западноевропейских стран и СССР, то следует повернуть стрелки часов на 70 лет назад,

[*] Статья написана при поддержке гранта РГНФ 09-01-00290а/Р.

[1] Note sur un séjour á Moscou (URSS) un août 1957. Paris 27.09.1957 // Papier Directeurs. Olivier Wormser. Direction èconomique, vol.14. Europe orientale, URSS. fols. 263-276.

т.е. вернуться в Западную Европу в 1890 г. Проведенная в СССР поздняя индустриализация, согласно этой логике, сопоставима с периодом западноевропейского развития середины – второй половины XIX в. — с 1917 г. (аналогия с революционной волной 1848 г.[2]) до 1957 г. (=1887 г.).

Продолжая свои наблюдения, основанные, по-видимому, на общении с участниками Фестиваля, он делает утверждение, что по уровню ментального развития советские люди соответствуют современным западноевропейцам в возрасте 12 лет. К столь малоприятному выводу он приходит единственно на основе анализа переводной французской литературы (по-видимому, известной его собеседникам в Москве) — «Три мушкетера», «Двадцать тысяч лье под водой», «Тартарен из Тараскона» и «Отверженные». Подобную подборку автор считает явно несерьезной. Он также отмечает наличие некоторых познаний об английской цивилизации (благодаря знакомству с творчеством Диккенса) и немецком романтизме (через труды Гегеля и Маркса). При этом со стороны автора нет ни малейшей попытки включить в свой культурно-цивилизационный анализ русских писателей, внесших бесспорный вклад в европейскую культуру — Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, Н. В. Гоголя, А. П. Чехова и др.

Анализ записки позволяет сделать вывод о том, что ее автор считает Францию культурной сверхдержавой. Что до СССР и США, то признавая за ними военно-политическую мощь, он явно относится к ним с некоторым пренебрежением[3].

Выстраивая в записке своеобразную ментальную карту Европы, по уровню интеллектуальной культуры и развития искусства, ее автор однозначно относит СССР к ареалу европейской культуры. Впрочем, по его мнению, ее развитие опять же замерло где-то на уровне 1890 г. Но по критерию поведения советских людей французский аноним безапелляционно относит советскую цивилизацию к Дальнему Востоку. Аналогии им допускаются разве что с жителями штата Оклахома в США, которым противопоставляется цивилизованное население благополучного штата Нью-Йорк и респектабельного Гринвич-вилладж.

Несмотря на это, он дает неожиданно высокую оценку советской политической элите, утверждая, что ее уровень соответствует выпускникам Высшей политехнической школы во Франции или Оксфорда и

---

[2] В оригинале у автора стоит 1847 г. — ровно 70 лет назад, но как нам представляется, имеется в виду содержательное наполнение, а не формальная дата. Аналогия уместна именно с революционной волной, которая, как известно, случилась во Франции в 1848 г., хотя «революционная ситуация» сложилась к концу 1847 г.

[3] Ibid. Fol. 273.

Кембриджа в Англии. Более того, проводя исторические аналогии, он уподобляет консолидацию коммунистического общества при Сталине деятельности Наполеона, который консолидировал национальное буржуазное государство, возникшее при Робеспьере[4].

Анализ политической ситуации в СССР в 1957 г. несмотря на довольно спорную методику, представляется крайне любопытным. Применяя классовый подход, автор делит политический слой на выразителей интересов крестьянства (армия и генералитет) и буржуазии (партийный аппарат). Под термином «буржуазия», тем более — «советская буржуазия», «буржуазная правящая прослойка», он явно подразумевает городское население страны, круги, представлявшие их интересы.

По наблюдениям автора, в 1957 г. правящий слой в СССР по большей части все еще состоял из выходцев из «довоенной буржуазии» (отцы, сыны, внуки). В качестве примера он рассматривает личность Г. М. Маленкова, отмечая его «буржуазное поведение» наряду с политическим и административным опытом, приобретенным в качестве соратника Сталина[5]. С человеческой точки зрения, по мнению автора, все это с учетом возраста и личного обаяния делало Маленкова лучшим кандидатом на роль политического лидера страны. Однако, несмотря на свои позитивные личные качества, Маленков выражал интересы коммунистов старого стиля, объединенных вокруг группы Молотова-Кагановича. Давая собственное объяснение удалению Маленкова с политической авансцены страны в июне 1957 г., автор записки пишет о том, что существовала опасность, что Маленков стал бы проводить политику систематического экспорта коммунизма, в первую очередь в странах Юго-Восточной Азии, используя в качестве форпоста Китай. Однако последствиями такой политики, согласно записке, стало бы падение уровня жизни в СССР. «Буржуазная правящая прослойка» не хотела допускать этого в городах. В той мере, в какой это касалось жизни на селе, не хотела этого допускать и армия (выразительница интересов села, согласно логике автора). В этих условиях «советская буржуазия» не поддержала группу Маленкова в тот момент, когда армейское руководство решило отстранить его от политической жизни страны, передав все внешние атрибуты власти одному лицу — первому секретарю компартии Н. С. Хрущеву.

«Но с человеческой точки зрения эта личность [Хрущева], по своему происхождению небуржуазная и больше пролетарская, чем крестьянская по происхождению, является и останется совершенно неприемлемой для

[4] Ibid. Fol. 266.
[5] Ibid. Fol. 267.

нынешней правящей прослойки, — прогнозирует автор. — Таким образом, рассчитывает ли она на окончательное падение Хрущева, т.е. его более-менее скорое смещение политическим деятелем буржуазного происхождения, но без поползновений на экспорт коммунизма, или квалифицированным представителем армии (если не буржуазным, то, по крайней мере, больше крестьянским, чем пролетарским по происхождению)…», — задается вопросом автор. Развивая свою мысль, он допускает сценарий, при котором смещение Хрущева осуществил бы Г. К. Жуков, опираясь на И. С. Конева и поддерживаемый В. Д. Соколовским и А. И. Антоновым. При этом отмечается, что Конев, в отличие от Жукова, якобы пользуется гораздо большей популярностью среди средних и низших армейских чинов советской армии[6]. Возможно, подобные нюансы связаны с тем, что среди его собеседников были именно низшие и средние армейские чины, плохо относившиеся к Жукову.

Впрочем, в дальнейшем автор сам подвергает сомнению оба сценария. Первый — по причине отсутствия гражданской фигуры должного калибра на политическом олимпе, приемлемой для «буржуазии» и способной заместить Хрущева во главе компартии. Второй — из-за крайне небольшой вероятности прямого захвата власти представителями армии. Отмечается, что несмотря на свои низкие личностные качества, первый секретарь учитывает интересы крестьянства и продолжает ориентировать экономический потенциал страны на развитие ВПК[7].

Признавая невозможность точного прогнозирования будущего развития Советского Союза, автор предпринимает попытку систематизировать основные чаяния и оценки будущего, присущие представителям правящего слоя. В этой связи чрезвычайно любопытен и совершенно нехарактерен для англо-американской традиции написания аналитических справок специальный раздел «оптимизм и пессимизм» в СССР.

Пессимисты, согласно записке, считают, что шансы дожить до лучших времен весьма малы. Это связано с тем, что США де не пойдут на соглашение с СССР, которое предусматривало бы политическое равенство и сокращение вооружений. Оптимисты, напротив, верят что «после того как они (руками Хрущева) уничтожат коммунистическую идеологию (ее экспорт) и избавятся от недостойного индивидуума, весьма посредственного со всех точек зрения, услугами которого они вынуждены были воспользоваться [т.е. Хрущева], русский маршал с серыми глазами однажды встретится взглядом с голубоглазым американским генералом,

[6] Ibid. Fol. 268.
[7] Ibidem.

после чего установится полное и окончательное согласие на радость всем (кроме Тито и Гомулки)»[8]. Очевидно, что здесь автор опять возвращается к мнению неких советских собеседников, которые явно симпатизировали Коневу и желали смещения Хрущева еще в 1957 г.

Следуя логике условных «пессимистов» и «оптимистов» в СССР, автор выдвигает два взаимоисключающих сценария развития международных отношений. В первом случае США продолжали бы гонку вооружений, не опасаясь, что это повлияет на их уровень жизни, в то время как русские были бы вынуждены сдаться из-за падающих стандартов жизни. Во втором случае американцы вынуждены будут свыкнуться с мыслью, что русские не сдадутся, а гонка вооружений с большой долей вероятности в итоге приведет к войне, которая может обернуться безоговорочной капитуляцией США перед СССР.

Какова же роль Франции и отношение к Франции на фоне этих прогнозов? «Интерес, проявляемый в России к французской цивилизации, является всеобъемлющим», — утверждает автор. «Все то, что можно обозначить как «культурное», по определению обладает французскими корнями, а все, что французское, автоматически принимается как вершина прогресса»[9]. С этой точки зрения, согласно записке, американизация Франции воспринимается в СССР с большой тревогой. Напротив, сохранение или восстановление автономии французской цивилизации приветствуется во всех кругах. «Считается, — пишет французский визитер, — что Россия должна суметь вновь воспользоваться культурным вкладом, который бы ей обеспечила Франция, вновь став “независимой”».

В другом месте говорится о том, что те немногие в СССР, кто думают о Франции в политическом плане (упоминаются три человека «весьма умных и образованных»), вместе с представителями армии должны также приниматься во внимание[10]. Но «в целом Франция признается лишь как некая культурная единица»[11]. Что же до ее притязаний на роль в мировой политике, то, по мнению автора, ожидаемое советско-американское «сердечное» согласие одной из своих целей имеет «нейтрализацию» Франции, что подразумевает, с одной стороны, сохранение ее независимости, а с другой, окончание ее мировой политической роли. При этом сохраняется возможность оказывать политическое влияние в культурном плане, особенно учитывая существующий в

[8] Ibid. Fol. 271.
[9] Ibid. Fol. 273.
[10] Ibid. Fol. 272-273.
[11] Ibid. Fol. 273.

СССР интерес к возрождению тесных связей между русской культурой (которую автор понимает самым поверхностным и примитивным образом) и культурой французской[12].

Говоря об отношении в СССР к идее нейтралистской политики в духе «третьей силы» в лице Франции или всей Западной Европы с участием Великобритании, записка отмечает несерьезную, даже ироничную реакцию. В условиях холодной войны никто не верил в «нейтралитет» или самостоятельность отдельно взятой Франции, или «Европы шести» (ЕЭС) или Британского Содружества (пусть даже интегрированного с Европой). Они воспринимались как слишком слабые для проведения самостоятельной военно-политической линии, независимой от США.

Таким образом, формулируется один из ключевых выводов записки — отношение СССР к «Европе шести» в лице шести западноевропейских стран, подписавших в марте 1957 г. Римские соглашения об образовании ЕЭС и Евратома, не вызывает особого уважения. СССР стремится к «Антанте» с США и в рамках этой «Антанты» видит Европу нейтральной. Идея же альтернативной Антанты с Францией или Европой в широком смысле, включая Англию — в высшей степени утопия, это невыгодно и даже опасно для СССР. «Подобный союз ничего не принес бы СССР и весьма чувствительно бы его ослабил, делая практически невозможным продолжение гонки вооружений, которая предполагает поддержание определенной “строгости” с советской стороны»[13].

Что же делать Франции в условиях существования двух сверхдержав? Автор пишет, что пока США считают себя сильнее СССР, никакое соглашение между ними невозможно. А считают они себя таковыми, полагая, что смогут восстановить Римскую империю, пытаясь втянуть Сирию и Египет в американскую сферу влияния и восстановив контроль над Средиземноморьем. И тут появляется уникальная возможность для Франции выйти на мировую политическую авансцену, используя свои скрытые резервы. В качестве главного геополитического ключа при такой раскладке оказываются бывшие французские колонии, в особенности Тунис, который в 1957 г. обрел самостоятельность во главе с первым президентом в его истории — Хабибом Бургиба.

«Если говорить о Бургибе без Франции, то это американский агент, который будет способствовать установлению прямого управления США над Средиземноморским бассейном и тем самым поддерживать у американцев иллюзию политического и военного превосходства, которая

[12] Ibidem.
[13] Ibid. Fol. 274.

сделала бы невозможной соглашение с СССР. Напротив, если бы Франции удалось объединиться с Бургибой, к французскому Магрибу естественным образом примкнули бы остальные страны арабского мира и все это в целом управлялось бы “Европой шести”, где Германия была бы нейтрализована Францией, которая [Европа] стала бы в экономическом отношении достаточно сплоченной для того, чтобы превратиться в полюс притяжения остатков бывшей Британской империи»[14].

С этой точки зрения успехи СССР в Египте и Сирии по противодействию американскому влиянию оцениваются лишь как временные. Увлекаясь, автор предрекает начало возрождения Римской империи с Галлии, т.е. Французской республики. При этом Франция отождествляется с Европой, которая, несмотря на скептическое отношение к ней в СССР, стала бы новым центром силы. «Тот факт, что арабский мир был бы тогда под управлением Франции (Европы), а Франция эта имела бы западную (проамериканскую) ориентацию, не имело бы никакого значения. Что имело бы значение — так это то, что мир не управлялся бы напрямую из Вашингтона». При этом адекватная французская политика в этом регионе могла бы послужить цели, разделяемой всеми в СССР — соглашению с США на условиях закрепления строгого паритета сил. «Таким образом, две страны разделяли бы опеку над слаборазвитыми странами, сообща гарантируя политический нейтралитет экономически развитой и процветающей зоны стран, входивших некогда в состав Римской империи»[15].

Общий вывод автора записки таков: только французский империализм может сделать Францию политически интересным партнером в глазах СССР. Франция в качестве нейтральной Швейцарии не интересна ни для СССР, ни для США.

Что же остается в сухом остатке после прочтения данного документа? Во-первых, 1957 год — важная веха как в советской истории, так и в истории европейской. Для СССР это год удаления с политической арены группы Маленкова-Кагановича-Молотова на июньском пленуме ЦК КПСС и беспрецедентный Международный фестиваль молодежи в августе 1957 года — собственно, на его волне и появилась анализируемая записка. Для Западной Европы март 1957 года — это подписание знаменитых Римских согашений об образовании Европейского экономического сообщества и Евратома — решающий шаг в истории всей западноевропейской интеграции. Впрочем, в 1957 г. еще мало кто понимал, как будет развиваться объединившаяся «Европа шести». Для

[14] Ibid. Fol. 276.
[15] Ibidem.

Франции 1957 год — это время начала глубокого кризиса IV республики, связанного с экономическими неурядицами, распадом французской колониальной империи и серьезными проблемами во внутриполитической жизни страны, которые в итоге привели к появлению фигуры генерала де Голля на посту президента страны и идеологии «голлизма». Для Средиземноморского региона это было время обострения борьбы за колониальное наследство (период между «Суэцким кризисом» 1956 года и до наступления «года Африки» в 1960 г.).

Собственно, отражение всех этих процессов и наложило свой отпечаток на аналитическую записку. Редкий опыт соприкосновения с крайне закрытой до того страной и ее гражданами привел к совершенно очевидным преувеличениями и заблуждениям ее автора, отсутствию некоторой отстраненности, необходимой для объективной оценки высказываний московских корреспондентов о внешней и внутренней политике СССР (на основе которых строятся ключевые выводы). Это накладывалось на нескрываемый франкоцентризм автора, не говоря о комплексе имперских амбиций. Можно сказать, что подобно маркизу де Кюстину в 1839 г., французский визитер в 1957 г. претендовал на некое новое осмысление процессов во внутренней и внешней политике СССР, оставаясь во власти весьма субъективных представлений о предмете анализа.

Вместе с тем, тот факт, что записка попала в личное дело руководителя Департамента экономического сотрудничества, отвечавшего за участие Франции в «Общем рынке» (причем с ним работали — в тексте отдельные места подчеркнуты от руки), говорит о том, что документ имел хождение в кругах, причастных к принятию ключевых внешнеполитических решений. Судя по вниманию, уделяемому ее автором проблеме европейского нейтрализма и Европы — «третьей силы», возможно, его поездка была напрямую связана с задачей определения советской позиции в отношении новой конструкции Европы.

Безусловно, крайне любопытная записка расширяет наши представления о состоянии общественного мнения в СССР после XX съезда компартии, об уровне общения в дни Международного фестиваля. Французский автор смог вызвать на откровенный разговор представителей разных профессий и выявить столь нетипичную для СССР палитру общественного мнения в отношении высшего советского руководства. Он верно нащупал наличие конфликта в советской элите, приведшей осенью 1957 г. к отстранению Жукова от власти. Некоторая надменность и чувство культурного превосходства в оценках были, вероятно, типичными для представителя французской элиты того времени (возможно, автор — интел-

лектуал из академической среды, кругов, близких французскому МИД или даже дипломат под прикрытием). В развиваемых им в записке идеях участия Франции в некоем мировом триумвирате великих держав (СССР-Франция-США) можно усмотреть отдаленные аналогии с идеей мирового триумвирата или директората с «мировой ответственностью» в рамках НАТО: Англии, Франции и США, выдвинутых в секретном меморандуме де Голля в сентябре 1958 г.[16]

Пожалуй, самое интересное — это видение Франции как центра не только европейской цивилизации, но и собирателя земель бывшей Римской империи. Записка прямо говорит о стремлении использовать европейскую интеграцию в качестве своеобразного трамплина для сохранения (и даже приумножения за счет бывших британских колоний) мировой зоны французского влияния. Это говорит о необходимости более тщательного анализа менталитета и идеологии французских дипломатов на ранних этапах европейской интеграции, чья картина мира порою радикально отличалась от более поздних «адаптированных» версий создания европейских сообществ.

БИБЛИОГРАФИЯ

Note sur un séjour á Moscou (URSS) un août 1957. Paris 27.09.1957 // Papier Directeurs. Olivier Wormser. Direction èconomique, vol.14. Europe orientale, URSS. fols. 263-276.

Липкин М. А. Британия в поисках Европы. Долгий путь в ЕЭС: 1957-1974г г. СПб.: Алетейя, 2009.

***Липкин Михаил Аркадьевич**, к.и.н., старший научный сотрудник, зам. директора Института всеобщей истории РАН; mli@igh.ru.*

[16] *Липкин*. 2009. С. 69-70.

Н. Д. Кленышева

РОЖДЕНИЕ РЕБЁНКА В ДРЕВНЕРИМСКОЙ СЕМЬЕ

БОГИ И РИТУАЛЫ

В статье сквозь призму религиозных верований и ритуалов рассматривается отношение древнеримского общества к беременности и младенцам, а также к социализации маленьких детей. Исходя из данных о богах-родовспомогателях и божествах-защитниках, делается вывод о том, что, несмотря на ценность новорожденных, римлян гораздо больше заботили жизнь и здоровье рожениц. Римские малыши становились членами сообщества не раньше, чем получали имя, что фиксировалось как на частном, так и на государственном уровнях.

***Ключевые слова**: древнеримская семья, частные римские культы и ритуалы, беременность, роды и социализация ребенка в Древнем Риме, древнеримские боги-родовспомогатели и боги-защитники новорожденных.*

Тема женщин и детей в Древнем Риме широко исследована в зарубежной историографии. В основном авторы уделяли внимание социальным и медицинским аспектам данной проблемы: количеству женщин и детей, правовому положение тех и других, врачебной помощи[1]. Данная работа представляет собой попытку заполнить лакуну в изучении римской семьи с религиозно-ритуальной точки зрения, ведь нельзя упускать из виду, что верования и обряды отражают отношение человека к окружающей действительности и закрепляют его.

Исследователи, изучающие демографию и античную медицину, на основании анализа различных данных делают вывод о том, что примерно треть римских новорожденных не доживала до года[2]. И хотя говорить о статистике для античности проблематично, нет сомнений, что детская

[1] *Balsdon.* 1962; *Evans*. 1991; *Rawson.* 1991*; Idem.* 1992. См. обзор литературы по теме: *Павлов, Елизарова.* 2001. С. 174-205. О римской медицине см.: *Scarborough.* 1969; *Prioreschi*. 1998; *Keller*. 1998; *Flemming.* 2000; *Nutton*. 2004; *Cruse.* 2004. В отечественной науке данная проблематика лишь начинает разрабатываться: Женщина в античном мире...; *Павлов.* 2001а. С. 9-28; *Он же*. 2001б. С. 174-205.

[2] К. Хопкинс говорит о 28% (*Hopkins.* 1983. P. 225), Т. Паркин о 32% (*Parkin.* 1992. P. 92-94), М. Голден о 30-40% (*Golden.* 1988. P. 156). Историографию проблемы см.: *Soren D., Soren N.* 1999. P. 482. Вопрос о демографии древнего Рима остается дискуссионным. См. указ. труды К. Паркин, К. Хопкинс и Р. Саллера (*Saller*. 1994).

смертность была тогда велика. В нарративных источниках и особенно в надписях на надгробиях нередко попадаются указания на то, что у женщины был выкидыш, или она умерла от родов, или родился мёртвый ребёнок, или не удалось спасти ни мать, ни дитя[3]. Несомненно, высокая детская смертность влияла на восприятие рождения и детства.

Как же воспринимали деторождение и первые дни жизни ребёнка римляне? И с какого момента ребёнка начинали воспринимать как члена семьи? Можно ответить на эти вопросы, рассмотрев божества и семейные ритуалы, которые были связаны с деторождением. Следует отметить, что восприятие этого важного события, представление о ценности малыша могло меняться с течением времени, и поэтому нельзя однозначно утверждать, что оно было одинаковым у римлян царского периода, Республики и в имперские времена.

В сохранившихся источниках на удивление мало материала о рождении детей и обычаях, связанных с этим событием[4]. Тем не менее, примерная реконструкция возможна. Необходимо оговорить: речь пойдёт не об эмоциях и чувствах родителей, а о том, как общество через обряды проявило своё отношение к беременности и младенцам. Кроме того, для задач данного исследования не важно, имеем ли мы дело с прозвищами и эпитетами богов или же с многочисленными божествами как таковыми: и то, и другое показательно.

Античная традиция сообщает о целом сонме божеств, связанных с вынашиванием и рождением детей. Сложность состоит в том, что в некоторых случаях упоминания о каком-либо божестве или ритуале единичны, однако, и единичный факт можно рассматривать как отражение общей тенденции, если он не противоречит культурной традиции. Особенно важны данные Варрона, Овидия, Тертуллиана, Августина, Сервия и Феста. При том необходимо иметь в виду, что, хотя Тертуллиан и Августин использовали книги Варрона, трудно сказать, насколько точно они передали его сведения. Кроме того, сложно выяснить, существовала ли вера во всех этих богов в одно и то же время.

Среди божеств, имеющих отношение к деторождению, можно выделить несколько групп. Во-первых, это божества, которые заботятся о ребёнке в утробе матери и способствуют своевременным родам.

---

[3] *Val. Max.* IV. 6. 4; *Plin.* Epist. VIII. 10; *Suet.* Cal. 12; CIL. III. 2267; VI. 12403, 17935, 23790.

[4] С. Диксон справедливо отмечает, что «дети как таковые не очень хорошо представлены в древних источниках, а маленькие дети почти отсутствуют». — *Dixon*. 1988. P. 104. См. также: *Manson.* 1983. P. 149-159.

Тертуллиан в апологии «К язычникам» называет Флувионию[5], «которая питает младенца во чреве», Диеспитера, «который доводит беременную до родов» (*Tert.* Ad nat. II. 11), и Алемону, «которая охраняет плод до родов» (*Tert.* De anima. 37)[6]. Даже если они появлялись в римских верованиях постепенно, их наличие отражает вполне естественный страх, что женщина не выносит ребёнка.

Относительно много сведений имеется о Парке (Парках). Чаще всего она упоминается у Овидия, но у него она всегда синонимична слову «судьба», «рок»[7]. Согласно Авлу Геллию, цитирующему Варрона и Цезелия Виндекса, существуют три богини судьбы: Нона (Nona), Децима (Decima) и собственно Парка. Имена Ноны и Децимы произведены от времени родов, а Парки — от partus (рождение, роды). Он упоминает также о богине судьбы Морте, но считает это ошибкой Цезелия Виндекса, который вместо «Moera» («Судьба») читает «Morta» (прослеживается связь со словом «mors» «смерть»)[8]. А. И. Немировский по этому поводу заметил, что древнейший образ трех Парок содержит италийские черты: «В этих именах нет никаких ассоциаций с прядением или вращением веретена, вызываемых именами греческих Мойр... Со свойственным первобытному мышлению конкретностью Nona, Decima означают месяцы рождения ребенка (на девятом или десятом месяце). Труднее понять значение имени третьей Парки. Может быть, от неё зависело рождение мёртвого ребёнка, как полагает Латте… Представление о парках-пряхах было распространено у поэтов и образованной публики, в народе же долгое время удерживалось совершенно иное представление о духах деторождения, пока функции этих богов не приняла Juno Lucina»[9]. Таким образом, своевременные роды зависели от Ноны и Децимы, которые следили за тем, чтобы ребёнок не родился недоношенным, а значит нежизнеспособным.

---

[5] Флувиония одновременно и богиня менструаций.

[6] *Diespiter* — более редкая форма имени Юпитера. *Wissowa.* 1905. Sp. 478-479.

[7] *Ovid*. Amor. II. 6. 46; Heroid. XI. 105; Trist. III. 6. 15, V. 3. 14, Ex Pont. IV. 15. 36; Epicedon Drusi. 164.

[8] *Gell.* III. 16.10: Antiquos autem Romanos Varro dicit non recepisse huiuscemodi quasi monstruosas raritates, sed nono mense aut decimo neque praeter hos alia partionem mulieris secundum naturam fieri existimasse, idcircoque eos nomina Fatis tribus fecisse a pariendo atque decimo mense. “Nam “Parca” inquit “inmutata una littera a partu nominata, item “Nona” et “Decima” a partus tempestivi tempore. Caesellius autem Vindex in lectionibus suis antiquis: “tria” inquit “nomina Parcarum sunt: “Nona”, “Decima”, “Morta”, et versum hunc Livii, antiquissimi poetae, ponit ex 'Odyssea': Quando dies adveniet, quem profata Morta est. Sed homo minime malus Caesellius 'Mortam' quasi nomen accepit, cum accipere quasi Moeram deberet.

[9] *Немировский*. 1964. С. 35-36.

Во-вторых, боги, помогавшие непосредственно при родах: Луцина, Кармента (Карменты), Di Nixi и Национа. Упоминаний о них больше всего. О Луцине намного больше сведений[10], чем о прочих божествах. К. Латте полагал, что у каждой женщины первоначально была своя Луцина и Юнона, а затем Луцина стала одним из прозвищ Юноны; последнюю версию передаёт античная традиция[11]. Интересный пассаж содержится у Овидия в «Метаморфозах» (IX. 295-315). Луцина, из-за гнева Юноны враждебно настроенная к рожающей Алкмене, садится на алтарь, положив ногу на ногу, переплетает пальцы и шепчет заклинания, тем самым препятствуя родам. Служанка Алкмены обманом заставляет богиню вскочить и всплеснуть руками, и тогда Алкмена благополучно разрешается от бремени. Вера в то, что узлы и завязывание, а также перекрещивание рук и ног как бы перекрывают путь младенцу, встречается у многих народов. Необходимо отметить, что у Овидия Луцина выступает и как самостоятельное божество (Met. IX. 295-315), и является прозвищем Юноны (Fast. II. 435-450; III. 55; VI. 39). Овидий излагает легенду о рождении Геракла, поэтому в «Метаморфозах» Луцина — сторонница Юноны, а не сама Юнона. Луцина, согласно этимологии Варрона (LL. V. 69), это богиня, которая связана со светом и луной, из-за чего она и даёт глазам детей увидеть свет[12]. Ведь само её имя образовано от lux (свет). Считалось, что Луцина облегчает родовые муки, и что роды в полнолуние более лёгкие, чем в другое время[13].

В образе Луцины заметны и общеиндоевропейские представления о Луне. Тертуллиан (Ad nat. II. 11) сообщает, что при родах присутствует богиня Канделифера[14], потому что рожали при свете свечи. Л. Преллер полагал, что горящая свеча символизировала свет как таковой, потому

---

[10] *Plaut*. Truc. 476; *Ovid.* Met. IX. 294; Fast. III. 257; *Serv*. Ad Aen. IV. 518; *Varro* LL. V. 50; 74; *Dionys*. IV 15. 5; *Plin*. NH. XVI. 235; *Macrob.* Sat.VI. 4. 13; *Tert*. De anima. 39.

[11] *Latte.* 1927. Sp. 1648-1649.

[12] Ср.: *Cic.* De nat. deor. II. 27. 68.

[13] *Cic*. De nat. deor. II. 27. 68: «Полагают, что Диана и Луна одна и та же (богиня)... Луна названа от «светить» (a lucendo)… поэтому как у греков взывают к Диане, и она же Луцифера, так у нас во время родов к Юноне Луцине» (пер. С. Блажеевского); *Ovid.* Fast. II. 449: «Слава Луцине! Она святую прославила рощу, 450 Где она каждой жене матерью стать помогла. 451 Милостиво пощади беременных жен ты, Луцина, 452 И безболезненно в срок дай им детей приносить» (пер. Ф. Петровского); *Plut*. Quaes. Rom. 77: «…а ещё её (Юнону. — *Н. К.)* называют Луциной, то есть светлою (lucina) или светящеюся (lucida). Римляне считают, что она приносит помощь при родах, как Луна: “Через купол сияющих в звездах небес / И помощницу в родах Селену” и очень многие полагают, что родильные муки в полнолуние не так сильны» (пер. Н. В. Брагинской).

[14] Имя состоит из candēla (свеча) и ferre (нести), т.е. она «свеченосительница».

что ребёнок появляется на свет[15]. По мнению Э. Замтера, объяснение Преллера слишком отвлечённое[16]. Согласно реконструкции Э. Ауста, зажженные свечи связаны с Луциной как богиней света, а Канделифера может быть прозвищем Луцины[17]. Как бы то ни было, показательна связь со светом[18]. Чёрное и темнота, согласно римским представлениям, принадлежали подземным богам. Можно сделать вывод, что Луцина и Канделифера (или Луцина Канделифера) противопоставлены безымянным подземным силам. Здесь, видимо, отразилось опасение, что подземные боги, связанные со смертью, могут внезапно явиться и «утащить» за собой новорожденного. Обращение к Луцине и Канделифере — надежное средство против смерти младенца.

Следующим значимым для деторождения божеством была Кармента (Карменты). Согласно Овидию, у Карменты были спутницы-сестры Поррима и Постверта: Поррима связана с «правильным/прямым» положением ребёнка в чреве, а Постверта — с перевёрнутым, т.е. неправильным[19]. Карменте были посвящены праздничные дни 11 и 15 января, которые отмечены в календаре Нумы; некогда у неё был даже свой фламин (flamen Carmentalis) — при том, что всего в Риме их было пятнадцать[20]. Жертвы Карменте приносили понтифики (*Ovid*. Fast. I. 461). Э. Ауст предположил, что Porrima, Prorsa (Прямая), Antevorta и Postverta — это прозвища Карменты, призыв защитить роженицу и плод, а не самостоятельные божества[21]. В любом случае, обращение к ним должно было предотвратить неправильное расположение плода и, следовательно, родовые патологии.

Кроме Луцины, родовспомогателями были Di Nixi. Согласно Фесту, «Di Nixi называются три коленопреклонённые статуи на Капитолии перед святилищем Минервы, как покровители рожениц во время родовых схваток…»[22]. Здесь же он сообщает, что они были привезены после

---

[15] *Preller, Jordan.* 1882. S. 208.

[16] *Samter.* 1911. S. 67.

[17] *Aust.* 1899. S. 223. *Idem.* 1899. Sp. 1464-1465.

[18] Обычай освещать помещение при рождении существовал и позднее. Так, в Германии начала XX века было принято зажигать во время родов свечу, и она должна была гореть до крещения ребёнка. *Samter.* Op. cit. S. 68.

[19] *Ovid*. Fast. I 631-634. У Тертуллиана (Ad nat. II. 11): «римляне полагали, что помощь при родах рожденному оказывали Карменты: тому, кто рождался неправильно, помогала Постверта, а правильно рожденному — Проза» (пер. И. И. Маханькова).

[20] *Cic.* Brut. 56; CIL. VI. 31032. Их список с указаниями на источники см.: *Wissowa.* 1912. S. 504. Anm. 4.

[21] *Aust.* 1899. Sp. 1594.

[22] *Fest.* 182L: Nixi di appellantur tria signa in Capitolio ante cellam Minervae genibus nixa, velut praesidentes parentium nixibus... См. также: *Non.* De prop. serm. 80. P. 13L; *Ovid.* Met. IX. 294.

победы над Антиохом, т.е. не ранее 188 года до н.э. Г. Виссова считал, что описание Феста (nixi от nixus — родовые схватки, потуги) возникло из-за позднейшего ошибочного понимания этимологии слов, особенно если учесть, что это мужские фигуры [23]. Л. Дойбнер, дискутируя с Виссовой, указывал на обычай кувады, когда мужчина символически брал на себя страдания рожающей женщины. Поэтому, как он полагал, речь об абсурдности предположения nixi от nixus не должна идти[24]. Э. Замтер, как и Дойбнер, не видел никакого противоречия в том, что Di Nixi мужские божества: этнографические данные фиксируют практику мужского «ритуального разрешения от бремени» у разных народов, чего Виссова не учитывал[25]. А. И. Немировский на основании слов Овидия (Met. IX. 294) и посвятительной надписи, которую приводит К. Латте[26], заключил, что Di Nixi связаны с Луциной[27], а «почитание в Неми наряду с нимфой-родовспомогательницей Эгерией мужского божества Вирбия свидетельствует о том, что мужское множество могло трактоваться как безымянные родовспомогатели, имитирующие акт рождения и этим магическим подражанием облегчающие рождение новой жизни»[28]. Вопрос о сущности этих божеств остаётся открытым. Тем не менее, ясно, что они несли ту же функцию, что и Карменты: обеспечить нормальное деторождение.

В ряду богов-родовспомогателей можно назвать Национу. Согласно Цицерону, рассуждающему о том, кого следует полагать божеством, а кого нет, «если боги таковы, что участвуют в человеческих делах, также и Национу, которой мы обычно приносим жертвы, когда обходим святилища в Ардейской области, должно считать богиней, потому что она оберегает роды женщин; от «рождающихся» (nascentes) она названа Национой» (*Cic*. De nat. deor. III. 47). Других сведений об этой богине нет.

Отдельно следует сказать о Пилумне, Пикумне, Интерцидоне и Деверре. Согласно Варрону, процитированному римским грамматиком Нонием Марцеллом (P. 848L), если новорождённый был жизнеспособный и поднят повивальной бабкой, его устанавливали (statuebatur) на земле, чтобы увидеть, насколько он стройный[29]. Сервий сообщает, что Пилумну и Пикумну (у Сервия «Питумн») за благополучие роженицы ставили

---

[23] *Wissowa.* 1912. S. 249.
[24] *Deubner.* 1909. P. 669.
[25] *Samter.* Op.cit. S. 8-9.
[26] *Latte.* 1960. S. 52.
[27] *Немировский*. Указ. соч. С. 36.
[28] Там же. С. 37.
[29] *Non.* P. 848L: Varro de vita populi Romani lib. II “natus si erat vitalis ac sublatus, ab obstetrice statuebatur in terra ut aspiceretur reclus esse; dis coniugalibus Pilumno et Picumno in aedibus lectus sternebatur”. О переводе этого пассажа см.: *Samter.* Op. cit. S. 10-14.

ложе для угощения в атриуме после того, как выяснилось, что новорожденный жизнеспособен; Пилумн и Пикумн — боги детей[30]. Таким образом, богов этих благодарили за успешные роды.

Но была у них и другая функция. Со ссылкой на Варрона Августин сообщает о следующем ритуале. Чтобы Сильван ночью не вошел и не потревожил роженицу, к ней призываются трое богов. В знак их присутствия три человека должны обойти дом. Затем по очереди один из них ударяет о порог топором, второй — пестиком, а третий обметает порог метлой. Объяснение ритуалу даётся следующее: «этими… знаками обработки не дано было богу Сильвану войти, потому что, как считают, ни деревья не срубают всё же без железа, ни хлеб не приготовляют без пестика, ни плоды не складывают в кучу без веника; от этих трёх названных вещей также три названных бога, Интерцидона (Intercidona) от «рассекания топором» (intercisio), Пилумн (Pilumnus) от «пестик» (pilum), Деверра (Deverra) от «выметать метлой» (deverrere limen scopis), каковыми богами-стражами родившая защищена от силы Сильвана»[31].

Сообщение Варрона и его объяснения вызвали в историографии оживленную дискуссию. Обсуждался и смысл ритуала, и имена названных Варроном богов. А. Де Марки задал вопрос, в какой степени данный ритуал вообще касался сельского хозяйства, и дал отрицательный ответ[32]. Большинство исследователей считает, что объяснение Варрона не противоречило действительности[33]. Так, К. Латте полагал, что задача этого ритуала — помешать неким внешним силам войти в дом и потревожить роженицу с младенцем, а deverrere (выметать) — это «выметание несчастья», такое же, как и при погребальном ритуале[34]. Но все же эти два «подметания» нельзя смешивать: в случае похорон «выметают» душу или

---

[30] *Serv.* Ad Aen. X. 76: Varro Pilumnum et Pitumnum infantium deos esse ait eisque pro puerpera lectum in atrio sterni, dum exploretur an vitalis sit, qui natus est.

[31] *Aug.* Civ. Dei. VI. 9: mulieri fetae post partum tres deos commemorat adhiberi, ne Silvanus deus per noctem ingrediatur et vexet eorumque custodum significandorum causa tres homines noctu circuire limina domus et primo limen securi ferire, postea pilo, tertio deverrere scopis, ut his datis culturae signis deus Silvanus prohibeatur intrare, quod neque arbores caeduntur ac putantur sine ferro, neque far conficitur sine pilo neque fruges coacervantur sine scopis; ab his autem tribus rebus tres nuncupatos deos, Intercidonam a securis intercisione, Pilumnus a pilo, Deverram a scopis, quibus diis custodibus contra vim dei Silvani feta conservaretur.

[32] *De-Marchi*. 1896-1915. P. 167; *Wissowa*. 1916. Sp. 1608.

[33] *Mannhard.* 1877. S. 124; *Marquardt.* 1876. S. 12; *Preller, Jordan.* 1881. S. 376-379, 392; *Deubner.* Op. cit. P. 649; *Wissowa*. 1912. S. 244**;** *Aust.* 1905. Sp. 260-261*; Rose.* 1926. P. 133; *Palmer*. 1978. P. 222.

[34] *Latte*. Op. cit. S. 94-95.

духа покойника, чтобы он не возвращался в дом, а в случае рождения метла преграждает вход злым внешним силам. Согласно верованиям многих народов, злые силы можно отпугнуть орудиями труда и оружием. Так, в Германии для этой цели использовали топор. Его могли положить под кроватью или же рядом с кроватью роженицы и ребёнка. В Румынии во время родов жены муж должен был ударить о конёк крыши двумя топорами; в Венгрии под кровать роженицы клали разобранный топор[35]. Подметание помещения как средство, отпугивающее духов и ведьм, также является известной практикой. В Силезии в углу комнаты ставили две метлы или клали одну перед порогом, чтобы ни ведьма, ни домовой не потревожили домочадцев. В Шварцвальде на страстную пятницу ночью или на рассвете подметали комнату, а метлу выбрасывали на перекрёстке дорог; эти мётлы там лежали целыми кучами. Что касается пестика, то, согласно исследованию Э. Замтера, родственный обычай наблюдался в Индии, когда перед дверью роженицы клали пестик, и отдалённая аналогия наблюдалась в Богемии, где в колыбель к ребёнку клали скалку[36]. Таким образом, ритуал можно однозначно трактовать как защитный[37]. Отдельный вопрос, какое «зло» имеется в виду, и что следует понимать под «ne vexet». Глагол vexare переводится как «швырять, колебать, беспокоить, угнетать, мучить, разрушать, портить». Очевидно, нет речи о том, что Сильван может *погубить* мать и дитя; он либо «мучает», либо «беспокоит»[38]. Возможно, римляне подразумевали под мучением или беспокойством какую-то болезнь, которая может поразить мать и новорождённого. Отметим, что во всех случаях «злу» преграждали дорогу предметами человеческого мира, «домашнему» противопоставлены те злые силы, над которыми человек не властен и которые являются извне.

Таким образом, вынашивание плода и роды в ритуальном отношении предстают детализированным процессом: беременность, рождение как таковое, первые часы и дни после него. С каждым этапом связаны божества-защитники. Римляне опасались, что мать не выносит плод, он будет неправильно расположен, роды могут быть с патологиями, мать и дитя поразит какая-то болезнь[39]. Главная задача родовспомогателей —

---

[35] *Samter.* Op. cit. S. 49-50.

[36] Ibid. S. 34, 37, 52.

[37] Трактовке этих ритуалов Т. Кёвес-Цулауф посвятил вторую главу своей книги, она так и называется «Intercidona, Pilumnus, Deverra» (*Köves-Zulauf.* Op. cit. S. 95-217).

[38] В переводе Маркуса Додса (Marcus Dods) на английский соответствующего отрывка стоит глагол «molest».

[39] Возможно, это связано с распространением малярии: маленькие дети легче заражаются, чем более взрослые, а у беременных малярия вызывает выкидыши. Анализ

помочь роженице, но о младенце речь не идёт. Родовспомогатели не отвечают за то, чтобы ребёнок был здоровым.

Отсюда вытекает вопрос об отношении к младенцу. Он, безусловно, воспринимался как ценность, что отразилось в желании уберечь его от безымянных зловредных сил. Но вместе с тем до определённого момента он не рассматривался как член общества. Родители могли даже «выставить» младенца, т.е. унести прочь из дому и уже не заботиться о его судьбе. В историографии господствует точка зрения, что малыша клали под ноги отцу, и тот либо «поднимал» его, либо нет, тем самым признавая либо не признавая его право на существование[40]. Однако не все исследователи её разделяют. Т. Кёвес-Цулауф специально рассматривает проблему «поднимания детей». Согласно его трактовке, ребёнка «укладывали» на землю, чтобы проверить его жизнеспособность, поднимала его акушерка, а вовсе не отец. Об этом автор пишет в главе «Tollere infantem»[41]. Исследователь рассматривает общеизвестные ссылки, которые приводятся в доказательство ритуала «признания ребёнка». Из них можно сделать только один вывод: младенец какое-то время лежит на земле. Кёвес-Цулауф отмечает, что обычай класть дитя на землю появился позже, а первоначально роды происходили на земляном полу, и в этом нет ничего удивительного. Как указывает Э. Замтер, роды на земле практиковались у разных народов в ранние периоды их истории[42]. По мнению Т. Кёвес-Цулауфа, хотя, безусловно, новорожденного показывали отцу, это не было ритуальным действием. Необходимо отметить: источники не подтверждают существование «церемонии признания». Поэтому мнение немецкого исследователя представляется обоснованным. Брент Д. Шоу в статье «Поднимание и убийство детей: два римских мифа» ту же проблему рассматривает с юридической точки зрения и соглашается с Т. Кёвес-Цулауфом[43].

Но когда и как новорождённый становился членом общества? Для ответа на эти вопросы необходимо вспомнить, какие ритуалы, согласно данным римской традиции, связаны с рождением.

детских костей, обнаруженных на позднеримском кладбище при вилле в Луньяно, показал, что дети были больны лихорадкой: *Soren D., Soren N.* 1999. P. 522, 633.

[40] *Harris.* 1874. P. 8; *Marquardt*. 1879. S. 81-82; *Dieterich*. 1905. P. 6-12; *Samter*. Op. cit. S. 1, 3-7, 19-20; *Weiss*. 1921. Sp. 467; *Radin.* 1925. P. 337-343; *Harmon*. 1978. P. 1596; *Dixon.* 1988. P. 237-240; *Harris*. 1994. P. 15 (исследователь не сомневается в этом праве и его содержании).

[41] *Köves-Zulauf.* Op. cit. S. 1-27; 68-69.

[42] *Samter E.* Op. cit. S. 5-8.

[43] *Shaw*. 2001. P. 31-77.

Во-первых, это церемония защиты от Сильвана, о которой было рассказано выше. Т. Кёвес-Цулауф делает вывод, что именно этот ритуал вводит новорождённого в семью, переводя его из власти хаотических природных сил под сень дома, т.е. человеческого общества. Однако в любом случае мы явно имеем здесь дело с апотропеическим действом, целью которого было преградить путь некоему «злу», каковое располагалось за порогом дома. Поэтому с выводом Кёвес-Цулауфа трудно согласиться, несмотря на широкую аргументацию, в которой немецкий исследователь обращается в числе прочего к греческой мифологии. Кроме того, при объяснении смысла ритуала Кёвес-Цулауф как будто «забывает» о Сильване и большую часть аргументации посвящает богам Пикумну, Пилумну и Луцине[44].

Второе религиозное действо также относится ко дню рождения (dies natalis). Согласно сообщению Стация, в день рождения ребёнка оплетали дверные косяки, возжигали огонь на праздничном жертвеннике, а также, вероятно, совершали возлияние вином и молились[45]. Кроме того, к отцу приходили друзья и поздравляли с прибавлением в семействе. Домашние и гости дарили ребёнку маленькие подарки, которые называли *crepundia* (погремушки, от crepo). Можно сравнить это торжество с празднованием дня рождения взрослых, о чём традиция сохранила намного больше сведений. Важно, что праздник дня рождения не подразумевал кровавых жертвоприношений и был посвящён *гению*. Гений — это спутник человека, он есть у всех граждан, даже у мёртвых[46]. Во время праздника изображение Гения украшали венками из цветов, на его алтаре приносили жертву: воскуряли ладан, ставили пищу и пирог. Этот пирог, говоря словами Овидия, «отмечает годы»[47]. Виновник торжества надевал белую одежду, к нему приходили гости, поздравляли его и приносили подарки, а затем начинался пир. Праздник не был исключительно семейным, в нём участвовали и гости. Из этого сходства можно сделать вывод, что праздник *natalis* повторял тот ритуал, который сопровождал появление ребёнка на свет. Это была, вероятно, ежегодная благодарность Гению за помощь.

---

[44] См. критические обзоры книги Т. Кёвес-Цулауфа, сделанные Д. Линдерски (*Linderski.* 1992. P. 304) и Г. Гарднером (*Gardner.* 1992. P. 93).

[45] *Stat*. Silv. IV. 8. 35-40: 35 Cumque tibi vagerit tertius infans / protinus ingenti non venit nuntia cursu / littera, quae festos cumulare altaribus ignes /38 et redimire chelyn postesque ornare iuberet /39 Albanoque cadum sordentem promere fumo /40 et cantu signare diem?

[46] *Otto.* 1910. Sp. 1163.

[47] *Ovid.* Trist. III. 13. 17; *Mart*. X. 24. 3-4.

В-третьих, источники сообщают об «очистительном дне» (dies lustricus). Наиболее важные сведения находятся у Макробия и Феста (P. 120L). Согласно Макробию, «есть у римлян также богиня Нундина, названная от девятого дня, каковой именуется “очистительным”. И также “очистительный день” (тот), в который детей очищают и дают (им) имя; но для мальчиков это (день) девятый, для девочек — восьмой»[48]. У Тертуллиана (De idol. 16) сохранилось сообщение о неких «торжествах наречения имени» (solemnitates nominalium). В чём именно эти торжества заключались, у нас сведений нет. Й. Марквардт полагал, что *solemnitas* — торжественная трапеза в честь дня рождения ребёнка[49]. Д. П. Хармон считает, что торжества наречения имени (solemnitates nominalium) у Тертуллиана идентичны очистительному дню (dies lustricus)[50]. Оба предположения кажутся логичными. По мнению Виссовы, люстрационный ритуал, который проводили на девятый день над младенцем, аналогичен очищению после похорон[51]. Действительно, внешнее сходство есть: принеся на могиле жертву на девятый день после похорон, семья давала «девятидневный обед» (cena novendialis) и завершала период траура[52]. Э. Замтер по этому поводу замечает: внешнее подобие может присутствовать, но всегда следует учитывать, что эти ритуалы по своим задачам радикально отличались[53]. При рождении мы имеем дело не с проводами, а со встречей, поэтому и смысл всех действий меняется. Следовало не только очистить дитя, мать и дом от скверны, но и зафиксировать появление нового члена фамилии в присутствии «общества», в качестве которого можно рассматривать друзей. У Стация, поэта I в. н.э., есть сообщение, что к счастливому отцу с поздравлениями приходит друг (*Stat.* Silv. IV. 8. 40).

Можно предположить, что *dies natalis* и *dies lustricus* — это ритуалы, представляющие собой элементы одного и того же праздника. Именно благодаря сакральным действиям в эти дни ребёнок становился членом фамилии: он получал имя и Гения. Этот же день впоследствии отмечался как день рождения — не в смысле появления на свет, а в

---

[48] *Macrob*. Sat. I. 16. 36: Est etiam Nundina Romanorum dea a nono die nascentum nuncipata, qui lustricus dicitur. Est autem dies lustricus quo infants lustrantur et nomen accipiunt; sed is maribus nonus, octavus est feminis.

[49] *Marquardt.* Op. cit. S. 82.

[50] *Harmon*. Op. cit. P. 1597.

[51] *Wissowa*. 1912. S. 391-392.

[52] *Tac*. Ann. VI. 5; *Prophr.* Ad Hor. Ep.17. 48. У Петрония (Sat. 65. 3) дано другое название трапезы — lautum novendiale.

[53] *Samter.* Op. cit. S. 4-7.

смысле рождения для человеческого сообщества. Бессмысленно праздновать появление на свет как таковое. Отдалённую аналогию можно провести с христианскими именинами, которые могут не совпадать с днём рождения. Но младенец должен был, образно говоря, «стать человеком» не только на частном (семейном) уровне. Согласно Дионисию Галикарнасскому (*Dionys.* IV 15. 5), за новорожденных необходимо было сделать взнос в сокровищницу храма Юноны Луцины, чтобы все граждане государства были учтены.

Таким образом, можно выделить два аспекта восприятия рождения ребёнка. Во-первых, рождение физическое, связанное с обращением за помощью к различным богам и ритуальной оплатой этой помощи. Беременность и роды рассматривались римлянами как чрезвычайно опасные процессы, о чем свидетельствует значительное число различных богов-родовспомогателей. Внешние злые силы могли напасть на мать и младенца в первые же часы после рождения, соответственно, оно сопровождалось преимущественно защитными ритуалами, целью которых было избавить мать и дитя от множества безымянных (исключая Сильвана) враждебных сил. Мать и ребёнок в таком случае воспринимались как нераздельное целое. При этом бросается в глаза, что боги-защитники призваны помочь именно роженице, другими словами, именно она, в отличие от ребёнка, представляла наибольшую ценность. Во-вторых, — «общественное» появление нового члена семьи и фиксация этого события. Оно включало ритуальное очищение, наречение имени, препоручение новорожденного Гению и «публичное» — с участием друзей — празднование. При этом объект направленности обрядов менялся: это уже дитя само по себе, и оно — не просто новое живое существо, но будущий член римской общины. Иными словами, из безымянного младенца ребёнок превращался в конкретного человека.

БИБЛИОГРАФИЯ

Aug. Civ. Dei. VI. 9.
Aust E. Candelifera // RE. Halbbd . 3. Stuttgart, 1899. Sp. 1464-1465.
Aust E. Carmenta // RE. Halbbd. 6. Stuttgart, 1899. Sp. 1594.
Aust E. Deverra // RE. Halbbd. 10. Stuttgart, 1905. Sp. 260-261.
Aust E. Religion der Römer. Darstellungen aus dem Gebiete der nichtchristlichen Religionsgeschichte. Münster, 1899.
Balsdon J. P. Roman women. Their history and habits. London, 1962.
Cic. Brut. 56; CIL. VI. 31032.
Cic. De nat. deor. II. 27. 68.
Cruse A. Roman Medicine. Oxford, 2004.
De-Marchi A. Il culto privato di Roma antica. Milano. 1896-1915.

Deubner L. Birth (Greek and Roman) // ARW. Edinburg, 1909.
Dieterich A. Mutter Erde. Ein Versuch über Volksreligion. Leipzig, 1905.
Dionys. IV 15. 5.
Dixon S. The Roman mother. London-Sydney, 1988.
Evans J. K. War, Women, and Children in Ancient Rome. London, New York, 1991.
Fest. 182L.
Flemming R. Medicine and the Making of Roman Women: Gender, Nature, and Authority from Celsus to Galen. Oxford, 2000.
Nutton V. Ancient medicine. London, New York, 2004.
Gardner G.F. Birth rites // The Classical Review. Vol. XLII. № 1. 1992.
Gell. III. 16.10.
Golden M. Did the ancient care when their children died? // G&R 1988. Vol. 35. №. 2.
Harmon D. P. The Family Festivals of Rome // ANRW. Bd. 16. Belin, New-York, 1978.
Harris G. Domestic Everyday Life, Manners, and Customs in the Ancient World // Transactions of the Royal Historical Society. Vol. 3. 1874.
Harris W. V. Child-Exposure in the Roman Empire // JRS. Vol. LXXXIV. 1994.
Hopkins K. Death and Renewal. Sociological Studies in Roman History. Cambridge, 1983. Vol. 2.
Keller A. Die Abortiva in der römischen Kaiserzeit. Stuttgart, 1998.
Latte K. Lucina // RE. Halbbd. 13. Stuttgart, 1927. Sp. 1648–1649.
Latte K. Römische Religionsgeschichte. München, 1960.
Linderski J. Romische Geburtsriten by Thomas Koves-Zulauf // AJPh. Vol. 113. № 2. 1992.
Macrob. Sat. I., VI.
Mannhard W. Antike Wald- und Feldkulte. Berlin, 1877.
Manson M. The emergence of small child in Rome (third century BC – first century AD) // History of Education. 1983. Vol. 12. №. 3. P. 149-159.
Marquardt J. Das Privatleben der Romer. Leipzig, 1879.
Marquardt J. Römische Staatsverwaltung. Bd. 2. Leipzig, 1876.
Mart. X. 24. 3-4.
Non. De prop. serm. 80.
Otto W. F. Genius // RE. Halbbd. 13. Stuttgart, 1910.
Ovid. Amor. II. 6. 46; Heroid. XI. 105; Trist. III. 6. 15, V. 3. 14, 13. 17; Ex Pont. IV. 15. 36; Epicedon Drusi. 164. Met. IX. 294; Fast. I 631-634.
Palmer R. E. A. Silvanus, Sylvester, and the Chair of St. Peter // Proceedings of the American Philosophical Society. Vol. 122. № 4. 1978.
Parkin. T. G. Demography and Roman Society. Baltimore, 1992.
Plaut. Truc. 476.
Plin. Epist. VIII. 10.
Plin. NH. XVI. 235.
Plut. Quaes. Rom. 77.
Preller L., Jordan H. Römische Mythologie. Bd. 1. Berlin, 1881; Bd. 2. Berlin, 1882.
Prioreschi P. Roman medicine. Omaha, 1998.
Prophr. Ad Hor. Ep.17. 48.
Radin M. The Exposure of Infants in Roman Law and Practice // The Classical Journal. Vol. 20. № 6. 1925. P. 337-343.
Rawson B. Children in the Roman Familia // The Family in Ancient Rome: new perspec-

tives. London, New York, 1992.
Rawson B. Marriage, Divorce, and Children in Ancient Rome. Oxford, 1991.
Rose H. J. Primitive Culture in Italy. London, 1926.
Saller R. Patriarchy, Property and Death in the Roman Family. Cambridge, 1994.
Samter E. Geburt, Hochzeit und Tod. Baiträge zur Vergleichenden Volkskunde. Leipzig-Berlin, 1911.
Scarborough. J. Roman Medicine. London, New York, 1969.
Serv. Ad Aen. IV, X.
Shaw Brent D. Raising and Killing Children: Two Roman Myths // Mnemosyne. Fourth Series. 2001. Vol. 54. № 1. P. 31-77.
Soren D., Soren N. A Roman villa and a late Roman infant cemetery: excavation at Poggio Gramignano, Lugnano in Teverina. Roma, 1999.
Stat. Silv. IV. 8. 35-40: 35.
Suet. Cal. 12; CIL. III. 2267; VI. 12403, 17935, 23790.
Tac. Ann. VI. 5.
Tert. De anima. 39.
Val. Max. IV. 6. 4.
Varro LL. V. 50; 74.
Weiss E. Kinderaussetzung // RE. Halbbd. 21. Stuttgart, 1921. Sp. 467.
Wissowa G. Diespiter // RE. Halbbd. 5. Stuttgart, 1905. Sp. 478–479.
Wissowa G. Intercidona // RE. Halbbd. 18. Stuttgart, 1916. Sp. 1608.
Wissowa G. Religion und Kultus der Römer. Aufl. 2. München, 1912.
Женщина в античном мире. Сборник статей / Под ред. Л. П. Маринович, С. Ю. Сапрыкина. М., 1995.
Немировский А. И. Идеология и культура раннего Рима. Воронеж, 1964.
Павлов А. А. Брак: любовь или добродетель (античные этюды) // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М., 2001а. № 2. С. 9-28.
Павлов А. А. Физиология любви Лукреция // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М., 2001б. № 4. С. 174-205.
Павлов А. А., Елизарова Е. Ю. Женщина в античном Риме: новые зарубежные исследования // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М., 2001. № 3. С. 174–205.

***Кленышева Наталья Дмитриевна**, преподаватель кафедры теории, лингводидактики и межкультурной коммуникации Липецкого государственного педагогического университета; apennataly@rambler.ru.*

Ю. Я. Вин

МОТИВАЦИИ АКТОВ ПОЗЕМЕЛЬНЫХ ОТЧУЖДЕНИЙ ВИЗАНТИЙСКИХ КРЕСТЬЯН

...психологическое толкование
лежит в основе всех остальных методов
исторической интерпретации источников.
А. С. Лаппо-Данилевский

В статье анализируются мотивы поземельных сделок византийских крестьян: отчуждений, обменов и завещаний.

Ключевые слова: *акты, поземельные отчуждения, дарение, завещание, обмен, купля-продажа, мотивы, средневековый менталитет, психология, византийское крестьянство, собственность, натуральная экономика.*

Акты поземельных отчуждений византийских крестьян, которые относятся главным образом к последнему периоду истории Византии (XIII–XV вв.), весьма многообразны по содержанию. Исследование характера крестьянского землевладения и объема правомочий разных категорий селян, принципиальных отличий мелкой и крупной земельной собственности настоятельно требует пристального анализа купчих, дарственных и завещаний. При этом на передний план выходят некоторые детали их формуляра, которые обнаруживали себя с наибольшей ясностью именно в поздневизантийский период, благодаря чему дипломатика частного акта этого времени неоднократно оказывалась предметом специального изучения[1]. Как правило, подобные документы отражают факты покупок, дарений и завещаний недвижимости, произведенных в пользу монастыря, в архиве которого они хранились[2].

При использовании актов дарения, завещания и продажи, исходящих от частных лиц, зачастую возникают трудности с установлением общественного положения контрагентов сделки. Безусловно, во многих

[1] Подробнее см.: *Вернадский.*1925. С. 35-43; *Каждан.* 1950. С. 387-393; *Каждан.*1952. С. 28-36; *Медведев.*1979. С. 124-147; *Медведев.*1988. С. 43-99; *Ferrari.*1910. P. 8-111; *Ferrari.* 1935. P. 249-263; *Simon.* 1971. S. 155-181; *Kravari.*1992. S. 77-88.

[2] Лишь очень немногие из них содержат свидетельства об отчуждении крестьянских имуществ светским собственникам. Например, в кодексе Патмосского монастыря ряд документов начала XIII в. отображает процесс скупки крестьянских наделов протовестиаритом Георгием Евнухом. MM. VI. 156-158, 158-160, 160-162, 162-164, 164-165. Подробнее см.: *Фрейденберг.* 1956. С. 118; *Морозов*. 2005. С. 49.

документах зарегистрированы отчуждения земельных имуществ представителями господствующих групп общества. Иногда социальное положение дарителя или продавца выясняется непосредственно из содержания документа. Часто основанием для установления статуса служат особенности формуляра акта[3]. Для дарителей и продавцов, занимавших высокое общественное положение, характерно тщательное нотариальное оформление, которое подтверждает юридически дееспособность контрагента сделки[4]. Важен и статус свидетелей сделки, поскольку скрепление документов подписями высоких должностных и сановных лиц может указывать на соответствующий статус контрагента сделки.

Особое значение играет преамбула документа. Ведь именно она в первую очередь, как видно на примерах многих завещаний, раскрывает «причины составления акта», а в пространных их редакциях содержит «экспозицию» — раздел, в котором обычно излагаются биографические сведения о завещателе[5]. Но даже при отсутствии ярко выраженной преамбулы почти любой акт сохраняет вводные формулы «духовного содержания», которые мотивируют юридические действия ссылками не только на предписания формуляра, касающиеся здоровья, добровольности распоряжения, приближения кончины и т.п., но и конфессиональную догматику[6]. Без сомнения, витиеватые библейские цитаты и реминисценции святоотеческой литературы не просто свидетельствуют о духовном умонастроении завещателя, как и дарителя или продавца[7]. Подчас содержащиеся в тексте рассказ о причинах, побудивших к заключению сделки, цитата из священного писания, а иногда и ссылка на ту или иную норму права, изобличая начитанность или другие особенности общественного поведения, становятся надежным признаком высокого социального статуса главных субъектов соответствующих правовых действий[8]. Наилучшим доказательством тому служит завещание Феодора Сапуа, трапезундского землевладельца и воителя, поднявшегося на долгом жизненном пути до уровня авторитетного церковного деятеля, игумена монастыря. Вышедший из-под пера Феодора документ отличает наглядная своеобычность, выделяющая его из общего

---

[3] Об условном формуляре частного акта подробнее см.: *Медведев.* 1979. С. 124-147; *Медведев.* 1988. С. 43-99.

[4] *Kravari.* 1992. P. 78, 85, 87.

[5] *Герд.* 1994. С. 243 и далее, 245.

[6] Там же. С. 244 и далее.

[7] Ср.: *Герд* 1994. С. 254.

[8] Напр., ср.: BA. № 52; № 60; № 65; № 79; № 100; Chil.* № 53; № 69; № 99; Xén. № 8; № 9.

ряда поздневизантийских завещаний общей архитектоникой изложения причин последнего волеизъявления[9].

Документы об отчуждении земельных наделов, совершаемых мелкими земельными собственниками, достаточно многочисленны. Нередко акты сделок, произведенных разными мелкими землевладельцами, бывают объединены или скопированы вкупе, составляя один, общий для всех документ[10]. В свое время М. М. Фрейденберг соотносил свидетельствующие, по его мнению, о возникновении отношений личной зависимости краткие формулировки документов с типом акта дарения, не распространяя того же критерия на акты продажи[11]. В настоящее время у византинистов не вызывает сомнения то обстоятельство, что и для актов продаж, как и для дарений и завещаний мелких землевладельцев, характерен сжатый формуляр и скудость сведений о контрагентах сделки[12]. Поэтому использование актов этой категории правомерно только после сопоставления всех сведений о каждом контрагенте такой сделки и всех ее свидетелях, которые приводятся в различных документах. Необходимо особо отметить, что типичной чертой поземельных сделок крестьянства являлась практически непременная причастность к ним членов семей и родственников землевладельцев, скреплявших своими подписями акты отчуждения земельных участков. При этом сведения о домочадцах и односельчанах, выступивших свидетелями сделок, позволяют изучать как семейно-родственные отношения, так и нормы общинного землепользования[13].

Благодаря своим сведениям акты отчуждения семейной собственности, может быть, как никакие иные, предоставляют возможность для раскрытия важнейших особенностей крестьянской ментальности. А. Е. Лаиу, придерживаясь формально-правовой интерпретации актов, отмечает, что нередко отчуждения недвижимости сопровождало составление договоров, сочетавших в себе черты и продажи, и — одновременно — дарения. Исходя из мотивации экономических интересов покупателей и продавцов к получению наибольшей «прибыли» — своей главной теоретической посылки, Лаиу объясняет казусы продаж, якобы замаскированных под дарения, устремлением партнеров подобных сделок избежать юридических ограничений. В их числе она назы-

---

[9] ВА. № 107. Ср.: *Герд.* 1994. С. 244-245.

[10] Напр., см.: Chil.* № 109; Zogr. № XIX; Xér. № 16. Также см.: *Медведев.* 1988. С. 32-33; *Kravari.* 1992. P. 85.

[11] *Фрейденберг.* 1956. С. 118-119.

[12] *Kravari.* 1992. P. 85-86.

[13] См.: *Kravari.* 1992. P. 85-88.

вает нормы, обусловленные правом предпочтения, а также ранневизантийским законодательством, которые касались размеров уплачиваемых за отчуждаемые имущества денежных сумм в соответствии с представлениями византийцев о «справедливой цене»[14]. Не оспаривая это суждение, отсылающее нас к постановлениям Диоклетиана (C.IV.44.2) и Юстиниана (C.IV.38.15; I.III.23.1)[15], нельзя не процитировать меткого высказывания А. С. Лаппо-Данилевского о затруднениях, с которыми при изучении подобных документов встречается историк: «ведь даже для понимания какого-либо обоюдостороннего акта, вроде например, купчей, он далеко не всегда в состоянии установить “общее намерение” сторон: замечая, что каждый из контрагентов преследует свою цель, он не всегда может определить “общую” их волю, хотя бы в одном только юридическом ее смысле...»[16].

Итак, в актах можно отыскать немало примеров обусловленного теми или иными причинами сочетания сделок продаж и дарений. Например, рассмотрим форму отчуждения земельного надела некоего Иоанна, его супруги и детей, которые, вероятно, в начале XI в. уступили в монастырь Гомату свои «засеянные хорафии (пашенные поля)» в окрестностях Хрисиппу. В то время как совершившие это отчуждение землевладельцы говорят о «таковом даре» (τὴν τοιαύτην δωρέαν) и «необратимом дарении» (τὴν... ἀμετάτρεπτον δωραιάν), в описании сделки упоминается денежное «возмещение» (ἀντιστρέφην)[17]. На первый взгляд этот факт полностью подтверждает правоту А. Лаиу. Вместе с тем, обращает на себя внимание непосредственное упоминание о сочетании двух видов отчуждений в акте афонского прота Феодора, который в 1257 г. принял решение передать одну из разрушенных обителей настоятелю монастыря Алопу Феофану. Он, в свою очередь, предъявил «написанный заверенный документ в части обмена и продажи» (ἔγραφον πεπιστωμένον δικαίωμα ἐν μέρει ἀνταλλαγῆς καὶ πράσεως), полученный от предшествующего святогорского главы Дометия Иерусалимита и его сподвижников[18]. Схожий вариант двойной сделки представляет акт отчуждения городской усадьбы в Фессалонике, которое совершили в 1315 г. местный клирик Никифор Кладон и его супруга в пользу Ксенофонтова монастыря[19]. Одну половину своей недвижимо-

[14] *Laiou- Morrisson.* 2007. P. 227-228.
[15] Подробнее см.: *Дождев.* 1999. С. 570.
[16] См.: *Лаппо-Данилевский.* 2006. С. 335.
[17] См.: Kutl. № 5.1-12, 19-21.
[18] См.: Kutl. № 2.1-3 etc.
[19] См.: Xén. № 10.

сти они передают названной обители в качестве дара, а другую — продают. При этом, однако, на первый план вынесены благочестивые мотивы их дарения, объясняемые посвящением памяти господина Никифора Кладона, архиепископа Веррои Никифоре, монастырского настоятеля Феодосии. Что же касается проданной доли входивших в усадьбу домов, то размеры денежной платы мотивирует «общее и удовлетворение, и желание» обеих сторон, что удостоверил целый ряд свидетелей[20]. Да и ближайшие соседи по кварталу, среди которых назван протопапа Георгий Каталакт, не остались в стороне от совершенной сделки, на что указывает преамбула акта[21]. Более того, в обеспечение гарантии сделки продавец «отказывает» (παραιτοῦμαι) и доселе принадлежавшее ему «право близости» (τοῦ πλησιασμοῦ δίκαιον), то есть право предпочтительной покупки, которое отныне переходит Ксенофонтову монастырю вместе с проданными и посвященными домами[22]. Очевидно, что сходными благочестивыми намерениями руководствовалась и семья Иоанна Сисиния, когда в 1327 г. жертвовала Алипийскому монастырю «некую долевую» (τί μερικὸν), точнее — одну четвертую, часть (μερίδιον) наследственной мельницы близ Ревифиона. Однако это не стало препятствием для продавцов, чтобы получить за их дар от монастырского эконома в виде денежной компенсации «самую маленькую цену» (τίμημα μικρὸν), и для «достойных веры свидетелей», чтобы подтвердить законность совершенной сделки[23].

Анализируя обстоятельства подобных отчуждений, необходимо указать на совершенно справедливое мнение И. П. Медведева, согласно которому смешению в документе формулярных признаков продаж, дарений и других типов сделок присущ сугубо эклектичный характер, объясняемый преломлением в повседневной действительности правовых установок византийцев[24]. В этом свете не нуждается в особых комментариях, к примеру, и выявленный вселенским судьей Николаем Матарангом при рассмотрении в 1341 г. условий продажи монастырю владельцем садового участка в г. Серры факт «некого уменьшения достойной цены» (τινος ἐλαττώσεως τοῦ ἀξίου τιμήματος) «ради душевного спасения»[25]. Иначе говоря, сугубо средневековая природа актов отчуждения семейной и иных разновидностей собственности обуслов-

[20] Xén. № 10.18-21 etc.
[21] Xén. № 10.1 etc.
[22] Xén. № 10.43-48.
[23] Kutl. № 13.1-10 etc.
[24] См.: *Медведев.* 1979. С. 128-129 и далее; *Медведев.* 1988. С. 49-50.
[25] См.: Kutl. № 19.35-36.

лена, думается, нерасчлененным восприятием людей далекой от нас эпохи материальных и духовных явлений их жизни.

Простейшее соединение дарений и продаж демонстрирует серия свыше 50-ти актов поземельных отчуждений, в том числе дюжины дарственных, с упрощенным (ввиду краткости) формуляром, которые составлены мелкими собственниками в 1310 г. и в последующие годы в пользу монастыря Ксиропотаму[26]. В общем ряду требует внимания сделка Георгия Контогрику. Из пяти небольших земельных участков — виноградников и пашенного поля, которые передал в монастырь названный селянин, он продал только один, а четыре жертвовал ради своего «душевного спасения»[27].

Средневековые отчуждения недвижимости были мотивированы, как правило, благочестивыми намерениями. Так, в серии более 20-ти отчуждений — продаж, дарений и завещаний — в пользу Ватопедского монастыря, совершенных в 1308-12 гг. окрестными мелкими собственниками (надо полагать, крестьянами и вотчинниками), выделяется акт дарения иерея Феодора Корма. Сущность его дарения, как и в других аналогичных вкладах, выражает глагол «дать» в аористной форме 1 л. ед. ч. (ἔδωκα) и, несмотря на немногословность документа, благочестивая мотивация, облеченная в формулу «ради душевного спасения», которой предшествует указание на размер полученного, тем не менее, денежного вознаграждения. Этой записи сопутствует разъяснение о том, что отчуждаемый участок ранее был выкуплен Феодором у его брата «кира» («господина») Константина[28]. При этом было бы опрометчиво подозревать священника в попытке укрыть характер отчуждения от родного брата с целью предотвратить иск о праве предпочтения, поскольку, вероятно одновременно, Константин Корм и сам идет на двойную сделку с монастырем, которому одно пашенное поле продает в присутствии свидетелей, включая иерея Феодора Корма, а другое дарит «ради душевного спасения»[29]. Таким образом, природа его дарения предстает как результат целенаправленного действия: сначала Феодор выкупает пашенное поле у своего брата, а затем совершает вклад в монастырь, получив от него компенсацию за предшествующие издержки. В любом случае, мотивация поступков Феодора Корма, как и его брата, заключалась в их благочестивой заботе о спасении своей души.

---

[26] См.: Xér. № 16.
[27] Xér. № 16.293-298.
[28] См.: Vatop. I. № 43.XIX.104-105.
[29] См.: Vatop. I. № 43.XX.106-108.

В той же серии актов отметим аналогичным образом совершённые вклады на помин души. Например, отчуждения наделов Ирины и ее сестры Зои, дочерей «кира» Георгия, покойного иерея и протопапы епископии Иериссо. Они, сначала от своего имени, как подчеркивается в документе — по воле их дяди, также «кира» Георгия, иерея и хартофилакса названной епископии, продали Ватопедскому монастырю свое пашенное поле[30]. А затем, уже от имени их дяди, но при прямом участии племянниц — дочерей покойного «зятя», совершено отчуждение в названный монастырь другого пашенного поля, которое, как писали родственники, «мы передаем» в монастырь, поскольку покойный, дескать, этот свой надел «оставил на кончину ради душевного спасения»[31].

Подобные усложненные схемы отчуждений земельных наделов мелких собственников характерны и для их обменов, о чем свидетельствует вторая серия в архиве Ватопедского монастыря кратких актов отчуждений небольших земельных участков, которые были произведены в 1337–38 г.[32] Главной особенностью документов этой серии, включающей сведения о более чем 110-ти сделках, является тот факт, что все они совершены в пользу Феодоры Ангелины Кантакузины, матери Иоанна VI Кантакузина[33]. Судя по всему, незадолго до своей кончины в 1342 г. она пожертвовала приобретенную ею землю в названный монастырь, о чем упоминает ватопедский практик 1368 г.[34] Абсолютное большинство актов этой серии составляют никак не мотивированные продажи, наряду же с ними следует отметить единичные образчики дарений и обменов. В частности, выделяется выпадающий из общего ряда обмен пашенного поля, на который пошли монахи монастыря Кувуклиев. Возможно, однако, подразумевается дарение или, не исключено — двойной обмен. Судя по не вполне вразумительным объяснениям монахов, прежде чем заключить соглашение с Феодорой, они предварительно совершают сделку с Николаем Мавром, выкупившим в свою очередь земельный надел у иерея Димитрия Куписта, видимо, мелкого землевладельца, поскольку интересовавший монахов участок лежал «вблизи нас», то есть по соседству с их монастырем[35].

За исключением описанного случая все остальные обмены второй ватопедской серии актов отчуждения осуществлены индивидуальными

[30] См.: Vatop. I. № 43.IV.22-27.
[31] См.: Vatop. I. № 43.V.28-33.
[32] См.: Vatop. II. № 80.
[33] Подробнее см.: PLP 5. № 10942.
[34] См.: Vatop. II. № 128.6-7.
[35] См.: Vatop. II. № 80.14.83-89.

собственниками, в том числе обмен пашенного поля Поту, также выкупленного заранее у другого владельца — семьи Влизимадов[36]. Можно предположить, что эта сделка с Феодорой Кантакузиной была проведена как первый в ряду других обмен наделов, которые, вероятно, были связаны между собой. Дело в том, что названному Поту был продан другой участок, на который семья некоего Иоанна и Марии обменяла с Феодорой принадлежавшее им пашенное поле[37]. Отметим также не только дарение Феодоре Кантакузине надела некоего Иеракия[38], но и целый ряд индивидуальных ее обменов с группой мелких землевладельцев, одному из которых была при этом выплачена денежная компенсация. Все указанные процедуры произведены в «новом», как подчеркивается, имении («зевгилатии») Феодоры[39]. Вероятно, эта деталь раскрывает подлинную причину всех остальных сделанных аристократичной собственницей ста девяти приобретений. Они объясняются организацией крупного хозяйственного комплекса, который его создательница изначально собиралась жертвовать в монастырь, о чем говорят произведенные в пользу Феодоры дарения, с одной стороны, и с другой — отвечают потребностям мелких земельных хозяйств, чьи владельцы в своем большинстве нуждались, по всей видимости, в денежных средствах, а если нет, то обусловлены (в случаях обменов) территориальным расположением наделов. В силу данных обстоятельств формуляр отчуждений в пользу Феодоры Кантакузины полностью свободен от клаузулы, провозглашающей целью «душевное спасение» или «благочестивое пожертвование» прежних владельцев земельных участков. Вместе с тем нет оснований утверждать, что сочетание продаж с дарениями и обменами продиктовано стремлением к «чистогану»: скорее, речь идет не о наживе, а о компенсации произведенных мелкими земельными собственниками и держателями расходов.

Привлеченные примеры позволяют поставить вопрос о важности изучения материалов продаж, дарений и других видов имущественных операций, совершаемых в конкретных районах. Они, по мнению современной исследовательницы, имевшей в виду натуральный характер производимых отчуждений, порою отображают в высшей степени «средневековый» тип экономики[40]. Благодаря большой повторяемости личных имен, административных и топографических названий материа-

---

[36] Vatop. II. № 80.25. Также см.:Ibid. № 80.26.169.
[37] Vatop. II. № 80.52. Также см.: Ibid. № 82.74-75.
[38] См.: Vatop. II. № 80.102.
[39] См.: Vatop. II. № 80.103.
[40] Ср.: *Saradi-Guelph* 1995. S. 412.

лы актов обеспечивают возможность изучать историю отдельных крестьянских семейств и их хозяйств. Удается проследить жизненный путь и некоторых представителей мелковотчинного землевладения, и общие закономерности общинного землевладения. Так, изучение имен свидетелей в актах продаж, дарений и других документах Вазелонского монастыря косвенно подтверждает не только действенность основных норм права предпочтения, но и специфику их восприятия в сознании рядовых жителей поздневизантийского села, несомненно, весьма значимую для регулирования поземельных отношений между ними и сохранения общинных связей.

Изучение мотиваций актов земельных отчуждений византийских крестьян дает основу для понимания восприятия жизни средневековым человеком. Он, выступая лицом, от имени которого византийские делопроизводители составляли документ, можно сказать — его «автором», вольно или невольно обращался к тем или иным стереотипам формуляра. Однако акты сделок рядовых селян, в чьих документах формулярные клаузулы, как правило, сведены к минимуму, свидетельствуют, что именно собственное волеизъявление агента сделки (продавца, завещателя. дарителя) определяло ее характер и форму отчуждения недвижимости, отражая реальные отношения и раскрывая в мотивациях актов особенности средневековой ментальности.

БИБЛИОГРАФИЯ

Вернадский Г. В. Заметки о византийских купчих грамотах XIII в. // Сборник в честь на Василъ Н. Златарски. София, 1925. С. 35-43.

Герд Л. А. Византийские завещания: функции преамбулы // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 1994. Вып. 25. С. 240-255.

Дождев Д. В. Римское частное право. М., 1999.

Каждан А. П. Аграрные отношения в Византии XIII–XV вв. М., 1952.

Каждан А. П. Локальные формуляры поздневизантийских грамот // ВВ. 1950. Т. 3. С. 387-393.

Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. М., 2006.

Медведев И.П. Дипломатика частного византийского акта // Проблемы источниковедения западноевропейского Средневековья. Л., 1979. С. 124-147;

Медведев И. П. Очерки византийской дипломатики. Л., 1988.

Морозов М.А. Монастыри средневековой Византии: хозяйство, социальный и правовой статусы. СПб., 2005.

Успенский Ф. И., Бенешевич В. Н. Вазелонские акты: Материалы для истории крестьянского и монастырского землевладения в Византии XIII–XV веков. Л., 1927.

Фрейденберг М. М. Развитие феодальных отношений в византийской деревне в XI – XII вв. // Ученые записки Великолукского госпедин-та. Великие Луки, 1956. Т. 2. С. 103-134.

Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana / Ed. F. Miklosich, J. Müller. Vindobonae, 1890. Vol. VI. T. 3.

Actes de Chilandar / Publ. par *L. Petit, B. Korablev*. Première Partie: Actes Grecs / Publ. par L. Petit // Византийский временник (везде — ВВ.). СПб., 1911. Т. XVII. Приложение I.

Actes de Vatopédi. Texte / Ed. dipl. par J. Bompaire, J. Lefort, V. Kravari, Chr. Giros. Paris, 2001.

Actes de Vatopédi. Texte / Ed. dipl. par J. Lefort, V. Kravari, Chr. Giros, K. Smyrlis. Paris, 2006.

Actes de Xénophon. Texte / Ed. dipl. par D. Papachryssanthou. Paris, 1986.

Actes de Xéropotamou. Texte / Ed. dipl. par J. Bompaire. Paris, 1964.

Actes de Zographou / Publ. par W. Regel, E. Kurtz, B. Korablev // ВВ. 1907. Т. XIII. Приложение I.

Ferrari G. I documenti greci medioevali di diritto privatto dell' Italia meridionale e loro attinenze con quelli bizantini d' Oriente e coi papiri greco-egizii. Leipzig, 1910.

Ferrari G. Registro Vaticano di atti bizantini di diritto privato // Studi bizantini e neoellenici. Roma, 1935. Vol. 4. P. 249-263.

Kravari V. Les actes privés des monastères de l' Athos et l' unité du patrimoine familial // Eherecht und Familiengut in Antike und Mittelalter. München, 1992. S. 77-88.

Laiou A. E., Morrisson C. The Byzantine Economy. Cambridge, 2007.

Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit / Erst. von E. Trapp u. a. Wienn, 1983. Fasc. 5.

Saradi-Guelph H. Evidence of Barter Economy in the Documents of Private Transactions // BZ. 1995. Bd. 88, Hft. 2. S. 405-418.

Simon D. Ein spätbyzantinisches Kaufformular // Flores Legum: H.J. Scheltema antesessori groningano oblati. Gröningen, 1971. S. 155-181.

***Вин Юрий Яковлевич**, к.и.н., старший научный сотрудник Центра «Проблемы исторического познания» ИВИ РАН; hkn@igh.ras.ru.*

Л. Б. Сукина

О ТАК НАЗЫВАЕМОМ «ПОСАДСКОМ» ЭЛЕМЕНТЕ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ РУССКОГО ГОРОДА XVII В.

В статье рассматривается и корректируется содержание понятия «посадский», распространенного в историографии русского города XVII в. На примере анализа текста Уложения 1649 г. и источников, связанных со строительством храмов в городах XVII в., показано, что термин «посадский» следует применять с осторожностью, так как он обладает конкретной социокультурной семантикой и неприложим ко всем явлениям городской культуры этого времени.

Ключевые слова: *историография, культура, город, посадское население.*

В своей известной книге, рассуждая о перспективных течениях современной исторической науки, Л. П. Репина отмечает, что новая культурная история формируется в болевых точках новой социальной истории, ставших в процессе переопределения самой категории социального точками роста[1]. Одной из таких точек, несомненно, стали социокультурные особенности жизни русского города на рубеже Средневековья и Нового времени. В связи с этим анализ и корректировка содержания некоторых традиционных понятий, используемых отечественной историографией для описания культурных и социальных процессов и явлений указанного периода, представляется насущной необходимостью.

Употребление словосочетаний «посадское» население, «посадская» литература, архитектура, «посадское» искусство распространено в отечественных гуманитарных науках, изучающих различные аспекты русской культуры и социума XVII в.[2] Под «посадскими» исследователи обычно подразумевают явления, связанные с деятельностью торгово-ремесленного населения городов[3]. При этом как бы само собой разуме-

---

[1] *Репина*. 2009. С. 250.

[2] См. работы В. Г. Брюсовой, Б. В. Гнедовского, И. В. Поздеевой и др.

[3] Семантически понятие «посадские» в текстах источников скорее связано с населением не «городов», а «пригородов». «Посад» — поселение, предгородье, предместье (*Срезневский*. 1989. Т. II. Ч. 2. «П». Стлб. 1228). В «советской» историографии оно получило другой смысловой оттенок, что было связано с необходимостью обоснования особой роли в жизни и развитии русского государства «трудящейся» части горожан — социальных «предшественников» фабричного пролетариата. Это приводило к противоречиям в определении понятий «посад» и

ется, что почти все постоянное население русского города XVII столетия, за исключением немногочисленной знати, дворянства и духовенства, было более или менее однородным и обладало какими-то общими социальными признаками, ценностными представлениями и художественными вкусами. В то же время документы государственной власти и другие письменные источники XVII в. свидетельствуют о том, что городские жители делились на социальные группы, экономическое и правовое положение которых значительно отличалось, и что никакого единого торгово-промышленного населения, которое можно было бы определить общим термином «посадское», не было вовсе.

Исследовательница истории русского купечества XVII–XVIII вв. Л. А. Тимошина в своих работах впервые обратила внимание на тот факт, что в статьях Соборного Уложения 1649 г. среди так называемых городских «торговых» людей официально выделялось несколько социальных категорий: гости, представители гостиной и суконной сотен, посадские[4]. Кроме того, торговлей и ремеслом в городах могли заниматься царские, помещичьи и монастырские крестьяне, бобыли, ямщики, стрельцы, подьячие государственных учреждений и т.п. Чтобы подкрепить это наблюдение приведем обширную цитату из главы XIX Соборного Уложения «О посадских людях»:

> «А которые городовые торговые люди написаны в гостиную и суконную сотню, и велено им жити на Москве, а те городовые торговые люди живут по городом на старых своих дворех, и с торговыми всякими промыслы в тех городех торгуют, а тягла с тех своих дворов и с промыслом в городех с посадскими людьми не платят, а тяглыми своими дворы и промыслы владеют по прежнему, и тем городовым торговым людем, которым велено быть в гостиной и суконной сотне, в городех тяглые свои дворы и с промыслы продать тех же городов посадским тяглым людем, а самим жити на Москве в гостиной и в суконной сотне. А будет они тех своих городских тяглых дворов и промыслов продать не похотят и им с тех своих городских тяглых дворов и с промыслов в городех з городскими с посадскими людьми платить тягло по прежнему»[5].

Из текста статьи явно видно, что «посадскими» называли тяглое население городов, несшее основные налоговые повинности, а предста-

---

«посадские». Так, в «Советском энциклопедическом словаре» в соседних словарных статьях «посад» определяется как существовавшее в Русских княжествах X–XVI вв. «торгово-промышленное поселение вне городских стен, ставшее позднее частью города» (СЭС. 1979. С. 1055), а «посадские люди» как торгово-промышленное городское население в Русском государстве, которое несло государственное тягло и в 1755 г. было разделено на купечество и мещан (Там же. С. 1056).

[4] См., напр.: *Тимошина*. 2004. С. 190.

[5] Соборное Уложение 1649 года. Гл. XIX. Ст. 34. С. 102.

вители гостиной и суконной сотен относились к более привилегированному слою, основным местом жительства которого считалась Москва. Понятие же «торговые люди» означало в то время не социальную принадлежность, а род занятий, уровень доходности которого у представителей разных социальных групп тоже был не одинаков.

Уложение царя Алексея Михайловича 1649 г. фиксировало давно сложившуюся социальную ситуацию. Существенные различия между слоями и группами «торгово-промышленного» городского населения России были уже очевидны одному из самых внимательных иностранных путешественников XVII в. — голштинскому послу Адаму Олеарию, посещавшему страну в 1633–1634 и 1635–1636 гг. Описывая тогдашнюю Москву, он отмечал, что в непосредственной близости от Кремля бок о бок с князьями — родовитой знатью жило большинство, «притом самых знатных», купцов, называемых «гостями», купцы гостиной и суконной сотен, которые «по временам уезжают на торг по стране», жили в Белом городе вместе с вельможами и детьми боярскими. Из мелких купцов и ремесленников здесь имели право селиться только торговцы съестными припасами, преимущественно булочники. Стрельцы, солдаты и «другое простонародие» обитали в Стрелецкой слободе на окраине столицы[6].

Гости и члены гостиной сотни, будучи по своему «чину» государевыми служилыми людьми, не только занимались торговлей по всей стране и за границей, но и выполняли дипломатические поручения и некоторые надзорные функции[7]. Гости и купцы гостиной сотни были своего рода торговой знатью того времени, социально и культурно сближавшейся со знатью родовитой и высшим слоем духовенства.

Могли ли русские горожане XVII в., столь сильно отличавшиеся по своему социальному положению и образу жизни, создать какую-то общую культуру, которую мы имели бы право назвать «посадской»? Попробуем понять это на достаточно ярком, по нашему мнению, примере — практике городского храмового зодчества этого времени.

К счастью, от XVII в. сохранилось не только значительное количество купеческих и посадских храмов в старинных русских городах, но и достаточный корпус письменных источников, освещающих различные аспекты их строительства. Кроме того, большинство построек сохранило и свои храмозданные надписи или вмонтированные в стены храмов плиты с именами ктиторов и датами строительства церквей. Все это по-

[6] Иностранцы о древней Москве... С. 318.

[7] Подробнее об этом см.: *Голикова*. 1998. Т. 1. С. 88-253.

зволяет выстроить довольно точную хронологическую последовательность возведения каменных купеческих и посадских храмов на городских улицах. Наблюдения над этой последовательностью приводит к выводу о том, что процесс строительства купеческих и посадских храмов в XVII в. делится на два хронологических отрезка: до 1649 г. и после него. Водоразделом при этом служит уже упоминавшееся выше Соборное Уложение, во многом изменившее социальный климат в стране.

При таком делении сразу же бросается в глаза, что в 1620–40-е годы немногочисленные большие каменные храмы за пределами городских кремлей, которые исследователи архитектуры по сложившейся традиции называют «посадскими», были построены вовсе не представителями посадского населения, а гостями или членами гостиной сотни. В их числе знаменитая московская церковь Троицы в Никитниках (Григорий Никитников, 1628–1653)[8] и хрестоматийные примеры «посадского» строительства — ярославские церкви Николы Надеина (Надея Светешников, 1620–22), Рождества Христова (Анкудин и Гурий Назарьевы, 1644), Ильи Пророка (Иоанникий и Вонифатий Скрипины, 1647–50)[9]; а также костромская церковь Воскресения на Дебре (Кирилл Исаков, 1645–51)[10]. Аналогичные примеры можно привести и в отношении других крупных торговых городов, в которых «гости» и члены гостиной и суконных сотен вели «заморский торг»: Архангельска, Великого Устюга. Таким образом, строившиеся на городских посадах в первой половине XVII в. церкви не были ни «посадскими», ни даже приходскими. Это типичные и для более раннего времени так называемые ктиторские храмы, контроль над которыми, включая подбор причта, было делом их строителя и благотворителя — ктитора. Разнообразные источники свидетельствуют о том, что перечисленные храмы в течение десятилетий находились под покровительством основателей и их наследников[11]. Их стены были расписаны дорогостоящими фресками, иконостасы и киоты пополнялись иконами письма известных мастеров, в их ризницы приобретались драгоценные сосуды, рукописные и печатные книги. Все это делалось на средства и при непосредственном участии представителей высшего купеческого слоя, находившегося в особых служебных отношениях с государственной властью. И если строительство во второй

---

[8] *Овчинникова*. 1970. С. 5-7.

[9] *Добровольская, Гнедовский*. 1981. С. 54-116.

[10] *Разумовская*. 1989. С. 35-37.

[11] См., например, опубликованные материалы по церкви Ильи Пророка в Ярославле: *Рутман*. 2001. С. 7-15.

половине XVI в. большого Успенского собора в Сольвычегодске гостями Строгановыми воспринималось как исключение, возможное только благодаря царской благосклонности к этой именитой купеческой семье, то в XVII в. такой размах благочестия купеческой элиты выглядел как нечто само собой разумеющееся. Сохранилось также достаточно свидетельств того, как легко и быстро представители этой социальной группы получали архиерейские благословения на строительство новых храмов.

Ктитор часто не только давал деньги на строительство, но и определял внешний облик будущей церкви, ее планировку, нередко включавшую мемориальный придел семьи покровителей и даже их усыпальницу[12]. Художественный замысел определялся заказчиком, вероятно, с учетом практических и эстетических соображений. Например, в 1630 г. ярославский купец Егор Лыткин, жертвуя 50 руб. на строительство нового храма взамен сгоревшего в далекий Красногорский монастырь на реке Пинеге, высказал и настойчивое пожелание о том, как строящаяся на его деньги церковь должна выглядеть, и какие иметь архитектурные формы, «ради того, что высокие церкви Божиим повелением молниею пожигает»[13]. Таким же образом в процесс храмового строительства несколько десятилетий спустя вторгались представители другой социальной группы — московской знати. И. Л. Бусева-Давыдова на примере судного дела зодчего Я. Г. Бухвостова с боярином П. В. Шереметевым по поводу строительства церкви Спаса Нерукотворного в Уборах показала, как это происходило[14]. Можно привести пример такого вмешательства даже в постройку сооружения на территории довольно известного монастыря. Князь И. П. Барятинский в своей порядной записи на строительство за счет его вкладных денег трапезной палаты и настоятельского корпуса в Даниловом монастыре Переславля-Залесского детально описал, как должно выглядеть это сооружение[15].

Серьезные изменения в городском храмоздательстве происходят после утверждения Земским собором в сентябре 1649 г. Соборного Уложения, которое, отменив привилегии «белых» слобод и уравняв все рядовое городское население, более равномерно распределяя на него «государево тягло», создало условия для укрепления материального положения «посадских людей». В то же время, закрепляя ремесленников и торговцев за

---

[12] Так было, например в ярославской церкви Ильи Пророка.

[13] Цит. по: *Бусева-Давыдова*. 2004. С. 318.

[14] *Бусева-Давыдова*. 1988. С. 43-53.

[15] Текст порядной записи опубликован в приложении к кн.: *Добронравов*. 1908. С. 65-67. См. также: Грамоты о строительстве Данилова монастыря…

конкретным посадом, оно насильственно стабилизировало городское общество, в том числе и церковные приходские общины[16]. Вся социальная жизнь горожанина и его семьи, включая религиозное окормление, была сосредоточена в той городской слободе, к которой он был приписан. Разбогатевшее посадское население демонстрировало свое благочестие, усердствуя в строительстве и украшении приходских храмов. Именно в это время многие деревянные церкви перестраиваются в камне. И именно их можно уже с полным правом назвать «посадскими» и рассуждать о специфике посадской храмоздательной традиции.

Со всей очевидностью эта тенденция проявляется во второй половине XVII в. в традиционной религиозной жизни Москвы, Ярославля, Костромы, Нижнего Новгорода и менее крупных поселений, стоявших на основных водных и сухопутных путях того времени.

В Москве XVII в. средоточием посадской жизни был Земляной город, который в это время представлял собой территорию внутри валового кольца, застроенную многочисленными слободами, перемежавшимися луговинами и пустырями. Исследовательница истории застройки Земляного города М. И. Домшлак отмечала, что мелкие деревянные дворы жителей ремесленных слобод теснились вокруг приходских церквей. Эти храмы в первой половине XVII в. были деревянными, а во второй половине столетия стали довольно быстро сменяться каменными, строившимися местным населением[17].

Некоторые из построенных тогда московских слободских церквей сохранились до нашего времени и свидетельствуют о благочестивом усердии столичных ремесленников. Это церкви Рождества (1649–52) в Путинках[18], Воскресения (1649) и Успения (1654) в Гончарах,[19] Симеона Столпника (Введенская) (1676–79) на Поварской,[20] Успения (1695) в Печатниках,[21] неоднократно перестраивавшаяся в течение XVII в. известная с 1625 г. церковь Власия во дворцовой Большой Конюшенной слободе[22]. Кроме ремесленников большое рвение в храмовом строительстве демонстрировали также стрельцы: памятниками их благочестия служат церковь Троицы в Листах, возведенная на средства стрелец-

[16] Соборное Уложение 1649 года. Гл. XIX. Ст. 1-40. С. 99-103.
[17] Памятники архитектуры Москвы… С. 15.
[18] Там же. С. 177.
[19] Там же. С. 291; 303-304.
[20] Там же. С. 135.
[21] Там же. С. 221.
[22] Там же. С. 104-105.

кого полка в 1650–61 гг.[23]; и Знамения за Петровскими воротами, построенная в 1680 г. стрельцами полковника Колобова на месте сгоревшего деревянного храма Святого Климента[24], а также Спаса на Песках, заменившая в 1711 г. упоминаемую в документах XVII в. деревянную церковь Стрелецкой слободы[25]. Посадские и стрелецкие церкви соперничали в размерах и изощренности архитектурных форм со строившимися здесь же, в Земляном городе, храмами служилой дворянской знати (чьи усадьбы были разбросаны среди слобод) и государевых дьяков. Слобожане вслед за знатью и купцами-ктиторами стремятся к архитектурному разнообразию построек, выделяя их хотя бы некоторыми деталями убранства среди прочих церквей, строившихся в это же время. Например, церковь Николы Явленного на Арбате отличалась искусно выполненным кованным ажурным крестом, формы которого были использованы для креста главного городского собора в Вологде[26].

Не отставали от Москвы и жители больших торговых городов на Волге — главной торговой артерии страны. В Нижнем Новгороде бум каменного храмового строительства также начинается в 1649 г. с постройки на горе за речкой Почайной крупной церкви Жен-мироносиц[27]. В течение следующей половины века почти все деревянные храмы, располагавшиеся в посадской части города, были заменены каменными.

К сожалению, большинство из известного по документам десятка крупных нижегородских церквей второй половины XVII в. не сохранилось или было перестроено, в том числе и неоднократно упоминаемые историками архитектуры традиционные для столичного и провинциального зодчества этого времени пятиглавые, с позакомарным покрытием храмы Ильи Пророка на Ильинке (1655), Николы (1656), Троицы (1663), Козьмы и Дамиана на Нижнем посаде (1660-е), Иоанна Предтечи на Торгу (1683), Казанской Богоматери на Почайне (1687)[28]. Примерно половина больших каменных храмов Нижнего Новгорода была построена отдельными купцами-ктиторами: Рождества на Бичеве, Николы «что у Гостиного двора», Воскресенская в кремле — солепромышленником и строительным подрядчиком Семеном Задориным, Иоанна Предтечи — Гаврилой Дранишниковым, Троицы — Иваном Языковым,

[23] Там же. С. 220.
[24] Там же. С. 214.
[25] Там же. С. 106-107.
[26] Там же.
[27] *Агафонов*. 1987. С. 44.
[28] Там же. С. 45.

Казанской Богоматери, Сергия, Успения на Ильинской горе — Афанасием Олисовым[29]. Остальные церкви, располагавшиеся в менее престижных местах городского посада, дальше от кремля, возводились на средства групп наиболее зажиточных членов их приходов.

Аналогичную картину можно было наблюдать во второй половине XVII в. и в Ярославле — втором по значению после Москвы торговом и ремесленном центре, очень выгодно расположенном на пересечении водного Волжского и сухопутного Беломорского путей, по которым перемещалось большое число товаров, в том числе и иноземного происхождения. Ярославские храмы второй половины XVII в. сохранились лучше нижегородских и более тщательно изучались.

Начало массового строительства каменных храмов в Ярославле тоже можно датировать 1649 г. В 1649–54 гг. на средства посадских людей Ивана и Федора Неждановских была построена церковь Иоанна Златоуста в Коровницкой слободе. Позднее сами ктиторы были похоронены в южной галерее храма. В последующем усилиями прихожан — жителей Коровников, скотоводов и гончаров, рядом с ним была построена зимняя церковь Владимирской Богоматери (1669), 37-метровая колокольня (1680-е) и Святые ворота (рубеж XVII–XVIII вв.)[30].

В перечневой описи Ярославля первой половины XVII в. упоминается 40 приходских церквей[31]. Во второй половине века около двух десятков из них были перестроены в камне[32]. Иногда процесс строительства особенно больших церквей затягивался на десятилетия: Михаила Архангела (1658–82); Николы Мокрого (1665–72); Иоанна Предтечи в Толчковой слободе (1671–87); Богоявления (1684–93); Благовещения (1688–1702)[33]. Особенностью ярославского купеческого и посадского храмоздательства является строительство целого ансамбля, состоявшего из летней и зимней церквей, колокольни и церковной ограды: комплексы в Коровниках и Толчкове, пара Никола Мокрый — Тихвинская, пристройка к церкви Николы Мученика 1641 г. в конце XVII в. большой колокольни. Это ансамблевое строительство производилось уже не отдельным ктитором или ктиторской семьей, но всей приходской общиной, иногда даже соединялись усилия богатых купцов и зажиточных

---

[29] Там же. С. 45. См. также: Писцовая и переписная книги…

[30] *Добровольская, Гнедовский*. 1981. С. 116-129.

[31] Перечневая опись города Ярославля 1630 г. С. 271.

[32] Этот процесс продолжался и в XVIII столетии, так что к началу XIX в. практически все храмы Ярославля стали каменными.

[33] *Добровольская, Гнедовский*. 1981. С. 140-175.

посадских. Например, заказчиками известной ярославской церкви Николы Мокрого выступали представители гостиной сотни Афанасий Лузин и Андрей Лемин и посадские Федор Выморов и Степан Тарабаев[34].

Какими мотивами были движимы купцы и посадские люди, тратя немалые средства и труды на строительство больших каменных церквей, которые своими размерами, вычурностью архитектуры, богатством внутренней отделки затмевали древние монастырские комплексы и постройки митрополичьего двора? Современному человеку наиболее подходящим объяснением представляется честолюбие, желание продемонстрировать свое благосостояние и влияние. Именно соперничество между собой богатых торговых и ремесленных слобод, как считали многие архитектуроведы[35], стало двигателем массового строительства больших каменных храмов во второй половине XVII века. Более ранние постройки, осуществленные купцами-ктиторами, авторы исследований по истории архитектуры пытались представить как способ самоутверждения формирующегося «третьего сословия» в противоборстве с государственной и церковной властью[36]. Возможно, что эти мотивы и играли какую-то роль. Одним из примеров, подтверждающих вероятность такой мотивации, является строительство в 1684–93 гг. в Ярославле на земле бывшей монастырской Спасской слободы Богоявленской церкви на средства гостя Алексея Авраамова Зубчанинова, отец и дед которого были приписанными к монастырю ростовщиками-«закладчиками»[37].

Огромная красивая церковь Богоявления, краснокирпичные стены которой отделаны муравленными изразцами, и сейчас соперничает с ансамблем Спасо-Преображенского монастыря. Она построена возле моста через Которосль в непосредственной близости от монастырской ограды (между церковью и монастырем проходит часть московской дороги, которая во второй половине XVII в. отделяла монастырскую территорию от посадских слобод). Наглядным аргументом в пользу того, что церковь строилась Алексеем Зубчаниновым не только для демонстрации собственного благочестия, но и в укор и назидание монастырской братии, служит включение в программу ее фресковой росписи, выполненной по заказу ктитора, не традиционного символико-догматического Христоло-

---

[34] Там же. С. 177.

[35] Там же. С. 191. Аналогичное мнение высказывалось и в других работах, посвященных памятникам русской архитектуры XVII в.

[36] Там же. С. 54-116. См. также: *Агафонов*. 1987 и др. работы, посвященные архитектуре старинных русских городов, вышедшие в 1960–90-е гг.

[37] *Добровольская, Гнедовский*. 1981. С. 167-171; *Крылов*. 1860. С. 107.

гического цикла, а цикла «Земная жизнь Иисуса Христа». Особое внимание обращает на себя редкий для русской монументальной живописи сюжет спора Христа с книжниками и фарисеями о сущности веры[38]. Христос требовал от фарисеев следовать тому, что они сами же и провозглашали: соблюдать чистоту предания старцев, пост, поддерживать обязательность церковной десятины (Мф. 21:1–39). Осуждению со стороны Христа подвергается не учение фарисеев, а их лицемерное поведение: «ибо они говорят, и не делают» (Мф. 23:3). Роль фарисействующих книжников в русской культуре XVII века могла принадлежать только духовенству, для которого одной из главных обязанностей было поучение паствы. Вероятно, ктитора Богоявленского храма также раздражал не столько соседствующий с его храмом и двором Спасский монастырь как таковой, сколько монастырская братия, пытавшаяся занимать в экономической и социальной жизни богатого торгового города место, не только не подобающее духовным лицам, но и противоречащее их религиозной функции. Богатый, влиятельный гость счел для себя возможным встать на сторону веры, а не монастырских властей, которые, с точки зрения христианского учения, были всего лишь людьми, которым доверили читать и толковать священное писание. Отметим, что на такое поведение гость Зубчанинов имел некоторое право. Собор 1682 г. хоть и отказался принять проект реформирования церкви, предложенный царем Федором Алексеевичем и его окружением, который привел бы к подчинению церковных властей светским, но страшась роста раскольнических настроений среди населения страны, вынужден был просить воевод, приказных и служилых людей, землевладельцев участвовать в укреплении благочестия на местах и следить за нравственностью и соблюдением норм церковной жизни среди местных церковнослужителей — приходских священников, настоятелей монастырей и монахов[39].

Но подобные случаи, когда при строительстве храма ктиторы руководствовались какими-то особенными идеями и задачами, осмысленными с правовой и религиозной точек зрения и выражавшими специфические стороны индивидуальности заказчика церкви, были все-таки редки. Изучая их, нельзя понять причины роста каменного храмового строительства, особенно «посадского» храмоздательства второй половины XVII в. Основной побудительной целью этого процесса было что-

[38] *Добровольская, Гнедовский*. Указ. соч. С. 174.
[39] *Виноградский*. 1899. С. 54.

то другое, тесно связанное с культурным и социальным сдвигом, коснувшимся всего городского социума в целом.

Входившая в круг благочестивого чтения того времени «Повесть о Варлааме и Иоасафе» однозначно трактовала богатство как одного из недобрых «друзей» человека, влекущих его душу к погибели. А предисловия синодиков пестрели примерами из жизни «неправедных богачей». Об этом же писал и Симеон Полоцкий в виршах «Купецтво» из «Вертограда многоцветного», который также включался в состав предисловий многих синодиков конца XVII в.: «Чин купецкий без греха едва может быти, на многи бо я злобы враг обыче лстите; Изряднее лакомство в купцах обитает, еже во многия грехи оны убеждает»[40]. Поэтому рост материального благосостояния населения русских городов в середине – второй половине XVII в. сопровождался увеличением масштабов его храмоздательной деятельности. Таким способом часть приобретенного богатства возвращалась богу. От предыдущей эпохи практически не сохранилось имен жертвователей на строительство городских и большинства монастырских церквей. В XVII же веке ктиторы и донаторы, вероятно, сознательно стремятся зафиксировать в документах и храмозданных надписях не только свое имя, но и точный размер имущества или денег, пожертвованных на богоугодное дело. Думается, в этом следует видеть не столько тщеславие представителей зажиточных слоев населения, сколько заботу каждого доброхотного дателя о собственной душе, судьба которой зависела от его прижизненной щедрости.

Жители ремесленно-торговой Толчковской слободы города Ярославля, получившие разрешение на постройку каменной церкви Иоанна Предтечи, удивительно точно указали свои пожертвования в росписи 1676 г.[41] Среди жертвователей числятся, как отдельные лица, так и целые семьи. Пятую часть донаторов составляют жены и вдовы сапожников и кожевенников, владевшие, очевидно, своей долей семейной собственности. Размеры дач колеблются от 2935 руб. 12 алтын и 2 денег, суммарно вложенных богатыми торговыми семьями Солодиловых, Жуковых, Оглодаевых и Семеном Топлениным (указано, что ими еще было обещано сверх того 185 руб. 22 алтына 2 деньги), и 150 руб., единолично пожертвованных Павлом Денисовским, до мишурных кружев на 32 рубля — жертва Власа Власова. Значительная часть пожертвований была осуществлена имуществом, ко времени составления росписи, видимо, не реализованным и не получившим денежной оценки: вдова Евдо-

[40] Памятники литературы Древней Руси… С. 101.
[41] Опубликована в кн.: *Успенский*. 1906. С. 5-6.

кия Семенова Дехтева дала 69 зернят жемчуга; вдова Осипа Гунебкина Евдокия — три лавочных порожних места в сапожном и ветошном ряду; некоторые вкладчики передали дворы с постройками и огородной землей, а трое из них — дворы с кожевенными заводами.

Возводя новые каменные храмы, коллективные ктиторы из посадских жителей стремились, вероятно, не столько превзойти другие приходы в размерах и красоте церкви, сколько быть «не хуже других». Историки архитектуры уже давно выделили основные типы церковных построек на ярославском посаде: высокие четырехстолпные и небольшие бесстолпные храмы с трапезными, в обоих случаях завершающиеся пятиглавием[42]. Ориентация коллективных ктиторов на местные посадские образцы хорошо иллюстрируется текстом «Повести о создании Федоровской церкви». Прихожане этого храма, задумав в 1687 г. заменить деревянную постройку каменной, оказались перед выбором между особенно нравившимися им церквями Петра Митрополита в Спасской слободе и Вознесенской в Кондаковой слободе. После обмеров периметра обеих они остановились на Вознесенской как более крупной. Любопытно, что прихожане сами разметили на земле план будущего храма, а затем «весь народ» копал рвы и выводил фундамент. Только после этого приход «наяша каменноздателей»[43]. Создается впечатление, что прихожане боялись, будто нанятые зодчие не смогут или не захотят точно передать «меру» облюбованного ими образца.

В памятниках посадского церковного зодчества середины – второй половины XVII в. отразились особенности коллективного религиозного сознания представителей определенной социальной группы городского населения — зажиточных торговцев, не принадлежащих к высшему купечеству, и ремесленников, имеющих налаженное производство каких-либо товаров и использующих наемный труд. Лишь в редких случаях, как, например, при строительстве церкви Николы Мокрого в Ярославле, объединялись усилия нескольких наиболее богатых прихожан из разных социальных групп — купцов гостиной сотни и посадских. В архитектуре посадских храмов заметно стремление к следованию определенным образцам. Но таковыми служили уже не царские и монастырские храмы, а постройки, возведенные, как правило, в том же городе более именитыми и богатыми ктиторами, благочестию и чувству «меры и красоты» которых остальное население, видимо, доверяло.

---

[42] *Добровольская, Гнедовский*. 1981. С. 139-140.
[43] Там же. С. 185.

Ктиторские постройки гостей и членов их родов в торговых городах, наряду с вотчинными и ктиторскими монастырскими храмами знати XVII в., представляют собой наиболее «индивидуализированные» памятники русского церковного зодчества позднего Средневековья и раннего Нового времени. Даже в архитектурных формах и размерах зданий, несмотря на строгое соблюдение общего канона, отразились воля и вкус заказчиков, их представления о благочестии верующего человека и благолепии храма. Обращает на себя внимание и тот факт, что названных ктиторов, столь заметно проявивших в традиционном храмоздательном благочестии свою индивидуальность, объединяет не только и не столько принадлежность к высшим слоям общества, сколько широта взглядов в такой консервативной сфере как храмовое и монастырское строительство и знакомство с европейской культурой и образом жизни. Вероятно, именно таких людей имел в виду А. Олеарий, когда писал, что среди русской городской знати и купцов ему приходилось встречать достаточно хорошо сведущих в вопросах веры и позволяющих себе рассуждать о служении богу вполне рационально[44].

Таким образом, различия в храмовых постройках высшего слоя купечества и торговых людей из посадского люда очевидны. Вряд ли правомерно определять и те, и другие как «посадское» зодчество. Аналогичный анализ литературы и иконописи XVII в. приведет нас к подобным же выводам. Особо следует отметить, что определение «посадская культура» не имеет никакого отношения к источниковой реальности того времени, а представляет собой историографическую конструкцию в чистом виде, при этом конструкцию сильно социологизированную. Более того, данная конструкция не выражает сущность русской городской культуры позднего Средневековья и раннего Нового времени, а, наоборот, ведет к ее ложному пониманию и истолкованию.

БИБЛИОГРАФИЯ

Агафонов С. Л. Горький. Балахна. Макарьев. М., 1987.

Бусева-Давыдова И. Л. О роли заказчика в организации строительного процесса на Руси в XVII в.// Архитектурное наследство. № 36. М., 1988. С. 43-53.

Бусева-Давыдова И. Л. О так называемом запрете шатровых храмов патриархом Никоном // Патриарх Никон и его время. М., 2004. С. 314-322.

Виноградский Н. Церковный собор в Москве 1682 года: Опыт историко-критического исследования. Смоленск, 1899.

[44] *Олеарий.* 2003. С. 454-455.

Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVIII в. М., 1998. Т. 1.

Грамоты о строительстве Данилова монастыря в Переславле-Залесском средствами боярина И. П. Барятинского и о запрещении дальнейшего строительства после окончания этого. 1697 г. // Ростовский филиал Государственного архива Ярославской области (ГАЯО). Ф. 329. Оп. 1. Ед. хр. 58.

Добровольская Э. Д., Гнедовский Б. В. Ярославль. Тутаев. М., 1981.

Добронравов В. Г. История Троицкого Данилова монастыря в Переславле-Залесском. Сергиев Посад, 1908.

Иностранцы о древней Москве. М., 1991.

Крылов А. П. Церковно-археологическое описание губернского города Ярославля. Ярославль, 1860.

Овчинникова Е. С. Церковь Троицы в Никитниках. М., 1970.

Олеарий А. Описание путешествия в Московию // Россия XVII века. Воспоминания иностранцев. Смоленск, 2003. С. 257-486.

Памятники архитектуры Москвы. Земляной город / Авт. колл. Ю. И. Аренкова и др.; Ред. А. И. Комеч, В. И. Плужников. М., 1989.

Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга третья. М., 1994. С. 101.

Перечневая опись города Ярославля 1630 г. // Ярославские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1861. № 35. С. 271-272.

Писцовая и переписная книги XVII в. по Нижнему Новгороду // Русская историческая библиотека. СПб.,1896. Т. 17. С. 15-27.

Разумовская И. М. Кострома. Л., 1989.

Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. Изд. 2-ое, исправленное и дополненное. М., 2009.

Рутман Т. А. Храмоздатели церкви Ильи Пророка Вонифатий и Иоанникий Скрипины // 350 лет церкви Ильи Пророка в Ярославле. С. 7–15.

Соборное Уложение 1649 года: Текст, комментарии / Подг. текста Л.И. Ивиной; Коммент. Г.В. Абрамовича, А.Г. Манькова, Б.Н. Миронова, В.М. Панеяха; Рук. авт. колл. А.Г. Маньков. Л., 1987.

Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка [Репринтное издание]. М., 1989. Т. II. Ч. 2. «П». Стлб. 1228.

Советский энциклопедический словарь (СЭС). М., 1979.

Тимошина Л. А. Распространение книг Московского Печатного двора в середине XVII в. среди высшего купечества России // Патриарх Никон и его время. М., 2004. С. 189–204.

Успенский Ф. Предтеченская церковь в Ярославле. Ярославль, 1906.

***Сукина Людмила Борисовна**, кандидат культурологии, зав. кафедрой гуманитарных наук Института программных систем УГП имени А.К. Айламазяна; lbsukina@gmail.com.*

О. Д. Шемякина

ПРОТИВОРЕЧИЯ РОССИЙСКОГО МОДЕРН-ПРОЕКТА И ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА

ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННЫЙ КОНТЕКСТ*

В статье анализируются противоречия российского модерн-проекта на различных стадиях его развертывания («Санкт-Петербургская» Россия, советская эпоха, постсоветский период). В центре внимания автора — научный дискурс, его становление, потенциал и пределы возможностей. Как показано в статье, именно в контакте с традицией научный дискурс обнаруживает свои возможности и тупики. Поэтому второй главный объект исследования — традиционная культура (главным образом старообрядческая), особенности тех «ответов», которые она дает на «вызовы» модернизации.

Ключевые слова: *традиционная культура, старообрядчество, модерн-проект, научный дискурс, университетская корпорация, утилитаризм, «бедный рационализм», культура слова, культура молчания*.

Научный дискурс, сформировавшийся в посткартезианскую эпоху, претерпевает в настоящее время существенные изменения, которые затронули и отечественную либеральную мысль. В некоторых недавних публикациях представителей этого направления отчетливо прослеживается тенденция к архаизации. Изучая традиционную культуру русского старообрядчества, невольно задаешь себе вопрос — а кто больший традиционалист, староверы, сохраняющие в христианской культуре значительный пласт доосевых традиций, или русские либералы, создающие новый миф о русской культуре. Не справляясь с реальными противоречиями бытия, удобнее всего описывать свою культуру как чужую, наделяя ее по классическим законам мифа всеми атрибутами скотства, варварства, граничащего с людоедством[1].

Демонология в работах представителей этого течения тщательно разработана, а риторика тяжеловесна и мрачна, создается миф, который может претендовать на то, чтобы стать классикой жанра. Сама же традиционная культура, создавая свои мифологемы образа чужого, например, старообрядцев не своего согласия (в частности, бегунов, ведущих максимально уединенный образ жизни, и потому порождавший множество ле-

* Статья написана при финансовой поддержке РГНФ. Грант № 06-01-02085а.

[1] *Яковенко*. 2007. С. 73-194.

генд), могла быть не столь серьезной. Страшное пронизано веселой небывальщиной, снижавшей пафос серьезности[2].

Власть, пожирающая людей, уничтожающие собственную плоть ее подданные, в работе И. Г. Яковенко вполне вписываются в метафору власти как поедания, которая была одной из важнейших в политической жизни Средневековья[3] и основывалась на известном библейском пассаже о подчинении Ною всего животного мира, ставшего для него источником питания[4]. В работах либералов метафоры феодальной культуры как радиация пронизывают всю русскую историю, опять же по законам мифа, а он внеисторичен. Между тем, Новое время породило новую метафору государства-машины, вписывавшуюся в механистическую парадигму. Репрессии государства-машины были не менее страшны и масштабны, потому что были рационально организованы. Господствовала не инфернальная мироотреченность, а рационально выстроенная политика по вычеркиванию деталей (колесиков и винтиков) с целью достижения максимальной скорости работы механизма (что, кстати, стало так важно для мобилизационного типа экономики). Аббат де Сен-Пьер так описывает устройство государственного механизма в условиях, когда необходимо было быстро принимать решение: «Умножение числа колес делает ход машины более мощным и точным, но в ущерб скорости, при необходимости можно будет уменьшить число колес и сделать так, чтобы главные пружины срабатывали беспрепятственно и незамедлительно, и тогда скорость машины будет достаточной»[5]. Уничтожив класс собственников в деревне, загнав середняка в колхоз и создав машинотракторные станции, советская власть упростила механизм (выкинув из истории ненужные и опасные человеческие ресурсы) и вмонтировала в него новый блок путем создания новой материально-технической базы сельскохозяйственного производства. Человеческие потери были ужасны, не нужной оказалась и вера с ее личностными интенциями, сомнениями и духовной автономией. Механизм есть механизм, какое уж тут решение экзистенциальных проблем. Характер подобного упрощения предельно четко сформулирован старообрядкой, которая называла со-

---

[2] Соловьева Таисия Максимовна, беспоповка максимовского согласия, так описывает контакты с бегунами («красноверами»): «Оська Шатров (председатель сельсовета) пришел в Заполье, где попался к семье красноверов. Они его чуть не съели. Он сбежал и после этого сдвинулся. Говорят, крестится щепотью (т.е. как никонианин — *О. Ш.*)». Архив… Дневник Ю. А. Писаревского. С. 27.

[3] *Тогоева*. 2007. С. 118.

[4] Там же.

[5] *Пименова*. 2007. С. 156.

ветского управленца «бесляпошным гвоздем»[6]. И забить нельзя, и выдернуть. Вот такая механистическая картина мира. Поневоле задаешь себе вопрос, кто более краток и точен в определениях — представители традиционной культуры или ученые.

Петр I, когда утверждал, что умных людей в народе нет[7], безусловно так не считал, просто он отказал народу в уме, присвоив право на интеллект власти. А между тем здравый смысл «простеца» обнаруживает себя повсюду — и в «хищном глазомере простого столяра» (О. Мандельштам), который строил город Петра и новый российский флот, и даже в эсхатологических представлениях, как бы примеряясь к будущим испытаниям. Христинья Никитьевна Казакова, рассказала московской исследовательнице И. Куликовой, что в «предпоследние времена гром не будет греметь, наводнения здесь не будет — на горе село стоит. Может, басенько (красиво — *О. Ш.*) все будет»[8].

Научный дискурс именно в контакте с традицией обнаруживает свои возможности и тупики, чему и посвящена данная статья.

***

Несколько слов об истории формировании современного научного дискурса и университетах. Университетская система знаний и институтов, сформировавшаяся в Средневековье (книгохранилища, скриптории, колледжи, университеты, институт творческих диспутов), была ориентирована на поддержание сакрального знания. На переломе Средних веков и Нового времени это знание вырвалось из собственных пределов. «Та культура сомнения, которая возникла вместе с сократовским философским дискурсом, и отчасти — через римский состязательный судопроизводственный процесс, через греко-и латиноязычную апологетику и патристику и через арабо-язычную философию — была включена в духовный арсенал христианства (сомнение в самом себе, в мире, а в моменты глубочайших переживаний Страстной седмицы — отчасти даже в Боге), — оттачивалась в парадоксальном искусстве церковной проповеди, в схоластических словопрениях, в богословских трактатах. А уж на заре Нового времени, со времен Декарта, Галилея и Вико, культура сомнения, во многом коррелировавшая инновационному этосу XVII–XVII столетий, да к тому же подкрепленная математически обоснован-

[6] Архив… Верхокамье, 2000 г. Дневник И. Куликовой. Л. 87.
[7] *Богданов*. 2006. С. 105-106.
[8] Архив… Верхокамье. Дневник М. Куликовой. Л. 73.

ными суждениями, легла в основу последующего философского и научного, а вместе с ними — и общественного развития»[9].

Институциональный и духовный опыт России во многом отличался от европейского: университеты здесь возникли в результате этатистского проекта, который воспроизвел европейские формы, не имевшие корней в культурной практике предшествующего периода; традиционная образованность и книжность в средневековой России была сосредоточена в монастырях. Первым из русских степень доктора философии получил Петр Постников, выпускник Славяно-греко-латинской академии, посланный в Падуанский университет и успешно его закончивший в 1694 г.[11]. Открытие первого российского университета в 1755 г. в Москве означало новый этап в истории формирования интеллектуальной элиты российского государства — без ученого сословия осуществление модернизационного этатистского проекта было невозможно. Однако тип ученого, в совершенстве владеющего формально-рассудочным методом и полезного с точки зрения утилитаризма, не был полностью культурно санкционирован — монашествующий аскет утвердился в России как наиболее культурно значимый тип интеллектуала.

Учение не тому, как надо думать, но тому, как надо жить ради спасения души, закрепившееся в исихазме, добротолюбии, старчестве невозможно было выразить в конечных определениях рассудка, оно могло быть воплощено в глубинных образах и символах иррациональной философии, обращавшейся к пластическим средствам искусства, вдохновенной проповеди и религиозной медитации. Отечественная внепрофессиональная по формальному признаку корпоративной принадлежности мысль несла больший содержательный заряд, чем профессиональное, академическое, прагматическое знание[12]. Эта традиция пришла из Византии, где сложилось особое представление об аскетической философии, вырабатывавшейся практикой монашествующих, которые почитали за подлинного философа освободившегося от мирских забот подвижника духа, носителя не абстрактной теоретической, но жизнестроительной, практической философии. Необязательно быть монахом по званию, можно быть аскетом и подвижником в миру. Такими мона-

---

[9] *Рашковский*. 2008. С. 93-94.

[11] *Громов, Мильков*. 2001. С. 20.

[12] «Издавна Русь более привлекала линия Платона и неоплатоников в христианизированном ее виде, где любви, эросу, сердцу уделено повышенное внимание, где процесс познания понимается не как холодный, рассудочный, отстраненный от субъекта акт, но как страстное стремление к истине, глубоко личностное, интимное, теплое, окрашенное гаммой эмоций, взволнованное состояние души». — Там же. С. 94.

шествующими в миру были и Николай Федоров, и Алексей Федорович Лосев. Впрочем, последний тайно принял постриг и был подлинным иноком, но вне монастырских стен[14]. К этому же типу подвижника можно отнести и Андрея Дмитриевича Сахарова.

Кардиогносия (познание сердцем) предполагает особый тип рефлексии, в которой сомнение побуждалось удивлением и страданием[16]. Один из героев немецкого писателя К. Шефера высказал, на мой взгляд, очень верную мысль о разнице между удивлением и пониманием. «Удивление начинается там, где заканчивается понимание… понять означает также использовать… когда мы чему-нибудь удивляемся, мы подходим к этому феномену с почтительно склоненной головой»[17]. Не бесовство словесное в полемике, а тихая вдумчивая внимательность к собеседнику, негромкость, дающая возможность услышать другие голоса, были и будут характерны для русского интеллигента. Это прежде всего сомнение в собственной самоценности, до немоты, дабы не «соблазниться» умом собственным и не попасть под чье-то влияние. И в этом смысле такой тип мышления можно назвать архаичным.

В послепетровское время сомнение усилилось кризисом идентификации — трагизмом невписанности в мировую гармонию[18], метаниями между западническими и почвенническими полюсами. Причем метания эти чаще всего протекают в исторически закономерном и психологически понятном модусе обиды[19].

Итак, сомнение побуждалось не только удивлением и страданием, но и обидой на неполноту включенности в мир западной культуры или на разрыв с традициями и ценностями допетровской Руси. А обида лишала четкой артикуляции дискурс — как в понимании головоломной диалектики антиномий Запада (формализованной иерархичности и эгалитаризма, состязательности и социального сострадания и т.д.)[20], так и в понимании потенциальных возможностей трансформации традиционной культуры. Ведь как для героя известной книги для детей неважно, лопнул шарик или нет — главное обидеться. Это не дистанцирование или идентификация себя с объектом изучения, а молчаливая фронда с самим собой и окружающим миром — познавательную ситуацию этого рода можно охарактеризовать как рефлексию, замещенную травмой.

---

[14] Там же. С. 100.
[16] Там же. С. 95.
[17] *Шефер*. 2008. С. 145.
[18] *Джидарьян*. 2001. С. 20.
[19] *Рашковский*. Указ. соч. С. 165.
[20] Там же. С. 93, 97.

Секуляризация образования в послепетровский период предполагала совершенно иное, чем прежде, соотношение веры и рацио. В контексте задач, поставленных в данной статье, хотелось бы обратить внимание на такой культурный феномен, как бедный рационализм. Бедный рационализм означает восприятие «чисто рационалистических в своем существе концептов (наука, разум, социальная справедливость, борьба за существование, национальный суверенитет и т.д.) не как предметов теоретической рефлексии, но как предметов веры и стало быть — идеологической мобилизации архаических или традиционных пластов массового сознания… Собственно, знакомое нам по прежним десятилетиям, но забытое ныне уникально-российское слово “идейность” как раз и означало религиозное отношение к рациональным понятиям» (*Рашковский*. В печати). Полиморфизм бедного рационализма приобретает чудовищные очертания в сочетании с восприятием мира в модальности «мир-средство», с утилитарным типом нравственности:

> «В противовес традиционалистским установкам на самоотречение, самозабвение и аскетизм, утилитаризм санкционирует как достойные такие человеческие проявления, как удовольствие, счастье, стремление к удовлетворению потребностей, успеху. Для него типична партиципация к имманентному, профанному, посюстороннему. При этом в сравнении с традиционализмом утилитаризм менее нетерпим к противоположным смыслам — трансцендентному, сакральному, потустороннему, которые им не отвергаются, но лишь отодвигаются на второй план, подчиняясь всесильному принципу пользы, становятся предметом утилитарного манипулирования.
>
> Важнейшей характеристикой утилитаризма можно считать его отказ от абсолютизации каких-либо смыслов. Высшее благо утилитаризма — “благо человека” — понятие относительное, отсюда и сам утилитаризм неотделим от релятивизма. Господство принципа пользы определяет ценностную “всеядность” утилитаризма, который не только формирует некоторые свои специфические утилитарные ценности, но использует и другие — традиционные, либеральные. Ценностно-смысловое поле утилитаризма представляет собой чрезвычайно эклектичное, подвижное образование. Спектр утилитарных мотиваций простирается от умеренного конформизма, гибкого приспособленчества и соглашательства до откровенного цинизма.
>
> Моральный закон приобретает формулу утилитаристской максимы “нравственно то, что приносит максимальную пользу человеку или обществу”. Вследствие этого моральный долг не фиксирован: должное попадает в зависимость от сущего, практика определяет наполнение идеальных норм. Образцы поведения становятся зависимыми от ситуационной пользы…»[22].

[22] *Яркова*. 2001. С. 29.

В российской интеллигентской нравственной культуре в результате соединения бедного рационализма и утилитаризма сложился фантастический симбиоз фанатизма (каждое из учений понималось как откровение, догма) и цинизма[23]. А фетишизация той или иной идеи, например, идеи партиципации к почве — крестьянству или реанимация обожествления матери-природы, или идея построения безрелигиозного государства, включала в себя реальную антиномичность бытия только в качестве самых простых бинарных оппозиций (добро и зло, свет и тьма, гонители — хранители и т.д.). В сочетании с утилитаристской ориентацией на личный успех, карьеру и благополучие создавалась гремучая смесь сакрализованных форм и профанного содержания, высоких идеалов (если они не симулировались) и иезуитских методов их воплощения, особенно опасных, если они опирались не на личные резервы, а на аппарат принуждения.

Рефлексирующий подвижник и циничный фанатик, столь разительно разные персонажи в истории модерн-проекта, сформировавшего чисто российский тип рефлексии и отличные от классической западной разновидности рационализма, схожи в одном — в святой или извращенной форме удерживания сакральных смыслов. И в этом смысле они оба почвенны, как исконно почвенно состояние между святыми и демонами в русской культуре.

А вот с издержками глобалистской открытости, выразившимися в «смесительном упрощении» (если вспомнить терминологию Конст. Леонтьева) «на низших, захлестывающих мир уровнях массовой и сугубо сегодняшней, электронно-компьютерной культуры — уровнях, где сходятся и потребительская горячка, и утрата культурной памяти и попытки компенсации своей внутренней несостоятельности»[24], русская культура столкнулась сравнительно недавно, в постперестроечный период. Этот вид интеллектуального кадавризма (съедим, все что движется, можем даже Абсолют просчитать, если финансируют) лишен инерции определенности и поэтому, как ни парадоксально, отчасти безопасен с точки зрения длительного времени — когда-нибудь, где-нибудь, в каком-нибудь месте Кадавра разорвет — он обожрется и «помрет», либо культурно санкционируется, загрустив о вечном.

Но вернемся к особенностям рацио и бедному рационализму Нового времени. Сам главный реформатор России был примером соединения веры в иностранный разум как источник более продуктивных образцов жизнедеятельности и традиционалистских способов осуществления мо-

[23] Там же. С. 252.
[24] *Рашковский*. 2008. С. 166.

дерн-проекта[26]. Народ стал средством достижения утилитарной цели блага государства и объектом дистанцирования как воплощение отсталости[27]. Петр был традиционалистом не только в методах экономической деятельности. Борясь с искоренением суеверий, он обращался к магическим практикам, причем обоснование «волшебных знаний» включало в себя понятие «государственного блага». «Есть немало свидетельств, что сам Петр I отдавал дань суевериям, когда речь шла о пользе государства. А. Востоков описал дело столбцов Сибирского приказа о донском казаке Емельяне Шадрине, в 1718 г. кричавшем “слово и дело”. Шадрин сообщал, что знает способ, как победить врагов — пустить под них воду, а сверху туман. Для этого был надобен только камень из нутра ворона, сидящего на птенцах. Петр весьма заинтересовался делом. Преображенский приказ потратил немало сил и средств для поимки ворона и добычи камня. Император лично присутствовал при опытах. Только после очевидной неудачи казак Щардин был бит крутом и сослан на 10 лет в каторгу»[28].

«Политическое волшебство» как культурная практика со временем сходит на нет, но идеологически санкционированный скепсис в отношении традиционных культурных ценностей, в характерной для России логике инверсии, продолжал провоцировать, как ни парадоксально, подспудную традиционализацию социальных и культурных новшеств. И речь идет не о «подлом» сословии, а о представителях верхних слоев общества. Столетием спустя после царских опытов по извлечению магического камня из тела ворона, такое культурное новшество как кофепитие, было превращено графом А. А. Аракчеевым в квазирелигиозный

---

[26] «Противоречивость петровских реформ заключалась не столько даже в идее заимствования и насаждения западных образцов деятельности, сколько в отрыве от ценностей, освящающих эти образцы. Чрезвычайно противоречивой была сама форма, в которую отливались западные технологические идеи на русской почве. Старинная проблема России — проблема асинхронности и диспропорциональности развития утилитаризма правящей элиты и массы — решается Петром I не утилитарными, а типично традиционалистскими авторитарными способами. В первую очередь это касалось массы крестьян. Крестьянство рассматривалось правящей элитой … как средство достижения государственного блага. Податное обложение населения при Петре I увеличилось в три раза, при этом сам механизм установления налогов был далеко не рыночным, продиктованным ситуационным эгоистическим государственным интересом и удобством». — *Яркова*. 2001. С. 177-178.

[27] «Убеждение в том, что крестьянское сословие интеллектуально недееспособно и требует властного надзора, лежат в основе известной резолюции Петра по поводу возможности введения в России шведской системы приходского самоуправления: «Из крестьянства умных людей нет». — *Богданов*. 2006. С. 105-106.

[28] *Смилянская*. 2003. С. 156-157.

ритуал. Аракчеев в своем имении завел обычай чтить память Павла I выливанием чашки кофе к подножию установленного в саду бюста императора. В мемуарах современника сохранилось следующее описание этого странного обряда. «Обязанный первоначальным своим возвышением императору Павлу Петровичу, Аракчеев до конца жизни глубоко чтил память своего благодетеля. В грузинском саду неподалеку от дома, в котором жил Аракчеев, был поставлен бюст императора. В летнее время, когда Аракчееву угодно было приглашать к себе на обед грузинскую служебную знать, обеденный стол обыкновенно накрывался у этого бюста, против которого всегда оставалось незанятое место и во время обеда ставилась на стол каждая перемена кушанья: в конце обеда подавался кофе, и Аракчеев, взявши первую чашку, выливал ее к подножию императорского бюста, после этого возлияния он брал для себя уже другую чашку»[29]. В. А. Богданов интерпретирует это действо как традиционное для русской культуры «кормление покойника» на поминках, но не лишенное также античных реминисценций — инсценирования символического жертвоприношения сакрализуемому императору[30].

* * *

Заимствование западного опыта не означало выпадения из традиции, архаика быстро реанимировалась именно благодаря тому, что социальные практики и ценности традиционного общества входили в поле актуальных смыслов и методов их реализации правящей элиты.

Создание системы университетского образования, как было отмечено выше, было этатистским проектом, но порожденный этим проектом культурный социальный институт обладал собственным культурным бытием[31]. Университеты, являясь источником формирования интеллектуальной элиты, в своей организационной структуре (автономия) и этике своей профессиональной деятельности (стремление к автономии от власти) были структурой, стремящейся к независимости. Корпоративный этос поведения, с точки зрения идентификации был значимее, чем социальное происхождение. И в этом смысле (духовного и институционального иммунитета) университеты обнаруживают неожиданную параллель с крестьянской общиной, которая, выражению Кропоткина, представляла собой «universitas, “мир” в себе самой».[32] Равенство членов корпорации в

[29] Цит. по: Богданов. С. 66.
[30] Там же.
[31] *Кулакова*. 2006.
[32] *Кропоткин*. 2007. С. 106.

сочетании с патриархальными традициями, до сих пор сохраняющимися в университетской среде, во многом напоминают традиции общинного самоуправления и ответственности старших в роде «за молодших». Эта изоморфность структур (не буквально, конечно) является предпосылкой сближения горизонтов и понимания представителями университетской корпорации, в частности, общины староверов (и земельной, и конфессиональной). Но одно обстоятельство провоцирует возможные конфликты в поле взаимодействия университетской и традиционной среды. Речь идет о последствиях этатистского комплекса в обеих институциях. Общину государство использовало в своих интересах, не располагая необходимым количеством собственных управленцев, а это порождало такое явление в общинной среде, как доносительство.

Вечный кадровый голод российского государства провоцировал использование исследовательской практики интеллигенции, компенсируя недостаток собственных кадров. И в таком случае изучение, например, традиционной культуры становилось на службу утилитарным целям государства — научная деятельность превращалась в печально известное средство достижения задач, не имеющих ничего общего с исследовательской практикой.

На начальном этапе модерн-проекта преобладала «минус-идентификация» с почвой. Канула в лету традиция переодевания нерадивых студентов в мужицкое платье с целью наказания[33]. Но «минус-идентификация» осталась — использование исследовательской практики как средства государственного манипулирования (особенно в период преследования религии) приводило к нарушению исследовательской этики. Служить государству можно, дистанцируясь идентификационно от «почвы», и это порождало сложнейший клубок противоречий во взаимоотношениях интеллигенции и представителей традиционной культуры.

Эта проблема касалась не только университетской среды. Можно привести в качестве примера книгу Тигрия Дулькейта «Лыковы»[34], в которой «преследователи» и «жертвы», «дозиратели» и «дозираемые» были в столь сложной ситуации добровольной и недобровольной взаимозависимости, что книга достойна жанра социального детектива. С одной стороны, государство нанимало староверов, ушедших в труднодоступные места тайги в качестве государственных служащих — наблюдателей заповедника. Государство решало свои кадровые вопросы, а

---

[33] *Кулакова*. Указ. соч. С. 275.
[34] *Дулькейт*. 2005.

староверы избегали принудительной коллективизации и получали возможность жить на своих заимках. С другой стороны, государство использовало сотрудников заповедника, которые должны были заниматься исследовательской и природоохранной деятельностью, в репрессивных акциях против староверов в ситуациях, когда автономия жизни староверов рассматривалась советским государством как угроза внутренней безопасности. Кадровый голод, когда репрессии накрывали всю страну, вынуждал использовать научных сотрудников в своих целях. Надо отдать должное мужеству автора книги, который сумел дать честную картину событий, происходящих вокруг семьи Лыковых.

Но дело было не только в репрессивных акциях — контролировать тысячи километров тайги, в которых могли найти убежище неугодные режиму люди, только опираясь на аппарат насилия было невозможно, — поэтому ученых и «привлекали». И в более спокойный период функции были не разделены. Неразделенность функций — извечная проблема российской социальности, в которой власть претендовала на то, что бы быть единственно реальным институтом, а все остальные институты приобретали полиморфный характер — главными были задачи, поставленные в данный момент властью, а не инерция сложившейся функции. Полиморфизм функций в сочетании с такой разновидностью бедного рационализма, как «идейность» (религиозное отношение к рациональному понятию идеологии), мобилизовали традиционные и архаические пласты массового сознания. А миф тотален, он не оставляет свободных от «дозирания» зон. Дышать свободно в этой системе было нельзя — если не репрессии, то «перевоспитание»[35].

Когда староверы становились объектом атеистической работы, миссия по ее «исполнению» могла поручаться студентам. Студенты томских вузов, энтузиасты-атеисты должны были способствовать добровольному отказу староверов-странников от своих взглядов[36].

В 1965 г. в томско-чулымскую тайгу отправляется экспедиция института научного атеизма АОН при ЦК КПСС. Цикл статей по ее итогам вызвал «благосклонность властей, заключивших, что белобородовские скиты — «явление любопытное на фоне нашего сегодняшнего», и его следует изучать «силами университета и прочих заинтересованных лиц»[37]. Скиты были сохранены как «местная экзотика» и идеальный полигон для атеистической пропаганды.

---

[35] *Дутчак*. 2007. С. 284-285.
[36] Там же. С. 285.
[37] Там же.

Решение о преждевременности административных мер было продиктовано утилитарными соображениями. Результатом счастливого для белобородовских странников стечения обстоятельств стало заключение уполномоченного по делам религий Г. П. Добрынина:

> «Опасности для общества скиты не представляют, поэтому ставить вопрос о ликвидации пустыни нет необходимости. Опыт ее ликвидации в 1947 г. показал живучесть “пустынножительства”. Дезертиры были выявлены и наказаны, а фанатичные сектанты постепенно вернулись на свои места, построив кельи, лучше прежних. Более правильным будет органам власти взять на персональный учет заимки, хутора, “кельи” и каждого человека, проживающего в них, и не реже одного раза в год проверять, кто и откуда прибыл вновь, чтобы выявлять преступные элементы. Пустынники обеспечивают себя всем необходимым, поэтому нет необходимости государству брать заботу о них на себя. Главная забота местных органов власти и атеистов — профилактическая работа по предотвращению пополнения их рядов»[38].

Такая комбинация задач «дозирания» и перевоспитания и желания минимизировать усилия (томско-чулымская тайга, мягко говоря, не слишком комфортное место для идеологической работы) дала возможность староверам ослабить хватку государства. Но это в период «оттепели», а во время жестоких репрессий, когда вера расценивалась как уголовное преступление, сбор информации и «дозирание» с помощью представителей высшей школы становились неадекватными методами — в этой ситуации действовали специалисты силовых структур. И тогда тотальность мифа представала во всей полноте, в его обрядовой практике: «чужой» не имел права на существование.

* * *

А теперь вернемся к университету уже в наше время, в период новой рецепции западных идей — эпохи постмодерна, пришедшей на смену модерн-проекту.

Выше были затронуты лишь некоторые аспекты вхождения России в модерн-проект. Деформации, сопровождающие процесс рецепции западных новаций (этатизм как средство осуществления модерн-проекта, полиморфизм социальных институтов и ролей, традиционалистские методы достижения утилитарных целей, «бедный рационализм» и т.д.), не исчезли и сегодня, модерн-проект до сих пор в России не завершен, в то время как на Западе произошел реально новый поворот. Наши интеллектуалы спешат выровнять ситуацию, игнорируя то обстоятельство, что на Западе эпоха постмодерна была реакцией на слишком жесткий и прямо-

[38] Там же. С. 285-286.

линейный акцент на общезначимость рациональности, на предсказуемость в реализации программ, которые выдвигались прежними бюрократическими институциями, олигархическими корпорациями, политическими и философскими учениями[39]. Спрашивается, от чего устали мы? Очередная рецепция западной научной мысли сопровождается судорожной боязнью не отстать от Запада, а на вопрос, насколько исчерпаны потенции модерн-проекта, вряд ли могут или хотят ответить. Рецепция носит характер магической завороженности «новым поворотом».

Системный подход предшествующего периода, лишенный груза грехов линейной детерминации, работая со сложными структурами, должен был ответить на вопрос о том, как система действует, и это было названо постмодернистами тоталитаризмом. Устать от этого «тоталитаризма» довольно трудно — история изучения старообрядчества имеет обширную библиографию, а вот работ, в которых был реализован системный подход чрезвычайно мало[40]. Но именно в них были выявлены высокая степень вариативности жизненных ориентаций и стратегий старообрядческих общин в процессе приспособления к трансформирующейся метасистеме при условии сохранения базовых конфессиональных ценностей. Существование статичной автомодели (в ее основе лежат доминанты, унифицирующие разнородные элементы и служащие кодом для самопознания и самодешифровки текстов[41]) предполагает функционирование и динамичной модели; которая позволяет объяснить коррекцию интеллектуальных и социальных практик, эволюцию системы ценностей[42]. Целостность такого рода представляет собой сложную комбинаторику вызовов–ответов, что позволяет понять пределы адаптации системы, эволюционирующей, но не теряющей своего культурного качества. И эта сложноорганизованная целостность и изучение ее системным подходом атрибутируется как тоталитарный акт мышления, потому что реально в постмодернистском дискурсе лишь особенное[43].

В истории России мы сталкиваемся с множеством деформаций, имевших следствием полиморфизм, отсутствие чистых форм, породивших особый тип системности, который можно назвать барочным[44]. От-

---

[39] *Рашковский*. 1999. С. 38.

[40] *Дутчак*. 2007; *Бахтина, Дутчак.* 2008.

[41] *Дутчак*. 2007. С. 29.

[42] Там же. С. 298.

[43] Манифестируется «бессвязное знание мира во всем многообразии его живых, но не сопричастных друг другу деталей». *Рашковский*. 1999. С. 33.

[44] *Шемякина*. 2009. С. 114-125.

сутствие в системах такого рода жесткой центральной оси, одновременное сосуществование различных сакральных смыслов означает не господство равнодушной эклектики и потерю центрального смысла, а бесконечную расширительность контекста интерпретаций значимого. Изучение этого типа системности предполагает поиск механизмов сопричастности оппозиций, изучение специфики функционирования исторической памяти, кардиогносии как метода познания и соединения разных смыслов. И это гораздо сложнее, чем мыслить особенное. Изучение отдельных нарративов напоминает скорее капитуляцию перед сложностью действительности, чем выход на новый уровень познания. Как справедливо отметил Г. Померанц, «на плоскости всеобщего равенства ценностей можно шагать бесконечно, не поднимаясь ни на один вершок. И охватывает великая тоска, от которой Ставрогин удавился»[45].

Запад может позволить себе роскошь мыслить чистыми формами, рожденными ясностью социальных функций и имеющими инерцию автономного существования. Вот только где их взять в России, где все сплошное оборотничество и наследие неразрешенных противоречий. До какой степени нужно раздробить действительность, чтобы она освободилась от императивов прошлого, и отшелушить ее от сопричастностей настоящего? Остается надеяться, что университеты, как консервативные и архаичные структуры проспят царство небесное «нового поворота», что было бы чрезвычайно полезно для изучения традиционной культуры — сохранилась бы почва для разговора традиционалиста с традиционалистом, существующих на осколках галактики Гутенберга. Галактика Гутенберга, смыслообраз, введенный в научный оборот канадским филологом и культурологом Маршаллом Мак-Люэном — это культура печатного текста, печатного слова, печатной речи:

> С гутенберговской эпохой были связаны «великие приобретения реформационной культуры: искусство личного погружения в текст, искусство текстологических исследований, на чем стоит вся последующая наука и культура, в частности религиозная. Ведь интенсивный анализ библейских текстов для кого-то знаменовал эрозию религиозного чувства, а для кого-то — новое вдохновение, новый стимул к духовным исканиям. Гутенберговская ситуация обусловила искусство чтения и толкования как священных текстов и, шире, вообще текстов и в индивидуальном порядке, и в малых группах.
>
> Поэтому не случайно в философии начала XX века возникают такие категории обозначения основных ценностей человеческой жизни, как “durée” Бергсона. “Durée” (фр.) длительность, субъективное время, когда

[45] *Померанц*. 1996. С. 152.

время течет в глубине нашей души и мы можем возвращаться к одним и тем же ассоциациям, пересматривать их в разных аспектах. В российской философской культуре эквивалентом durée была категория “искусства медленного чтения” М. О. Гершензона с возвращением к одному и тому же отрывку, с длительным переживанием одного и того же отрывка, с сопоставлением отрывков. Для Гершензона это была одна из величайших ценностей европейской и российской культуры»[46].

Личное собеседование человека традиционной культуры со священным текстом и поиск истины и смысла бытия в религиозных, философских текстах учащегося юношества, замыкало их в общую культурную ситуацию личного погружения в текст. Каждый искал свою потопленную Атлантиду и свое Беловодье. Именно эта общность поиска создавала поле для понимания — тексты дневников участников экспедиций содержат информацию, которая всегда шире стандартной фиксации работы по вопроснику.

До глубин познания другого, которое было возможно в видении другого сердцем (кардиогносии) нужно расти долго, и это удел немногих. Издержки бедного рационализма в сочетании с утилитаристскими методами (когда традиционная культура является средством достижения научного результата, или задач, поставленных властью) в эпоху смягчения нравов становятся все менее актуальными. А вот проблемы понимания — все более актуальными. Еще раз подчеркну, что понимание шире задач, поставленных вопросником (кто, где, когда, сколько и т.д.). Полевые дневники практически всегда содержат «избыточную» информацию. Книжное знание традиции провоцируется ситуацией живого общения, а оно всегда непрогнозируемо и обнаруживает границы понимания другого. Вот на этой информации, содержащейся в дневниках, я считаю нужным остановиться.

Культура разговора человека городской культуры и человека из деревни отличается не уровнем интеллекта и присутствием диалектизмов, а прежде всего потребностью выразить себя в слове. В. Шубарт противопоставлял культуру слова и культуру молчания:

«Нормирующие культуры римская или прометеевская — всегда были культурами слова, поскольку законы требуют слова. Цицерон с его болтливой риторикой — вечный тому прообраз… через Лютера слово само входит в святая святых. Центральным местом службы становится проповедь. Современная европейская культура — самая многословная и самая громкая из всех когда-либо существовавших. Это подлинно культура города, а не культура лесов, как у индусов, или степей — как у русских. Культура степей

[46] *Рашковский*. 2008. С. 172.

любит тишину, уединение и размышление: городская же любит суматошность и риторику. Крестьяне скупы на слова, горожане болтливы»[47].

Старообрядцы считали, что много говорить грех, это была норма, о которой староверы сообщали участникам экспедиции: Мария Петровна Селезнева рассказывала о своей свекрови как о женщине строгой веры, избегающей не только пустых, но и вообще разговоров, молящейся лишь при керосиновой лампе[48]. Немногословность была поддержана и недоверием к интеллигенции: учителя в деревне никогда так отчаянно не бедствовали, как крестьяне в колхозах, кроме того, учителя были проводниками советской идейности, борьбы с религией. Да и века гонений, необходимость «схрониться», чтобы сохраниться, не способствовали разговорчивости с чужаками. В дневнике И. Соломина содержится замечательное описание этой битвы за право молчания, в которой одержала победу над приехавшими студентами Анна Федотовна Меркушева:

> «На большинство вопросов она ухитрялась ответить «да не знаю я», или «беспутная, ничего не знаю», или «вы все это знаете лучше меня» (при том, что на каждый праздник она с Лукерьей Федотовной молится, при том, что из всех живых ныне соборных максимовцев N-ского района, она самая грамотная: 7 классов школы, при том, что у нее одна из самых больших библиотек старопечатной литературы в округе)[49]. «Так и расстались мы с Анной Федотовной несолоно хлебавши, не вытянув из нее равным счетом никакой информации, пораженные хитростью и силой характера этой простой (внешне) женщины. После трудного и крайне неудачного разговора мы пошли набраться душевных и физических сил под тенистый вековой тополь, тот, что стоит близ тропинки, ведущей к колоде. Автор сего дневника спустился к колоде, дабы остудить ключевой водицей закипающее в черепной коробке серое вещество. Как вы думаете, кого он там увидел? Верно — приснопамятную Анну Федотовну. Она стояла спиной к нему расслабленная и явно гордая тем, что спровадила двух назойливых вопрошателей. Это была совершенно другая женщина, не прятавшаяся за личиной настороженности и недружелюбия»[50].

Мария Лебедь, студентка, обладавшая острым и точным умом, попала, тем не менее, в силки, расставленные студентам Евдокией Никитьевной Снегиревой, в доме которой несколько лет хранилась соборная библиотека. Бисерным четким почерком на полях дневника написано «агностицизм» напротив записи о показе ее личной библиотеки. «При описании «Щита веры», упоминании последних времен и Антихриста

---

[47] *Шубарт*. 2003. С. 186-187.
[48] Архив… Верхокамье, 2000 г. Дневник И. Куликовой. Л. 33.
[49] Там же. Дневник И. Соломина. С. 26.
[50] Там же. С. 48.

Евдокия Никитьевна заинтересованно спросила: «Есть Бог-то?» Получив максимально уклончивый ответ, призналась: «Ни я, ни дед не знаем, до конца не верим». В подтверждение вспомнила народную мудрость: «Бог-то Бог, да не будь сам плох» и «На Бога надейся, а сам не плошай»[51]. Невестка духовницы собора с сожалением говорила о потере такой соборной (Евдокия Никитьевна ушла, рассорившись с неприятными ей людьми). В результате молится она со своим стариком дома, много читает вслух, особенно зимой[52]. Наверно, чтобы поупражняться в агностицизме (да простит Бог мне эту иронию в отношении талантливой студентки).

Современный прозаик Евгений Шкловский в романе «Нелюбимые дети» дает удивительно точную характеристику такого «непонимания»:

> «В этом смысле народ Артема восхищал, но и озадачивал. Вроде бы прямой и простодушно добрый, он вдруг выказывал какую-то непостижимую, из неведомых глубин проступающую лукавость… Всякий раз он терялся перед ней, даже некоторый страх испытывал, чувствуя себя вдруг словно просвеченным насквозь, с потрохами, со всеми тайными мыслями и намерениями, в которых, может, и сам-то не очень отдавал себе отчет.
> В том-то и дело, что это была не обычная интеллигентская ирония, эдакая вечная полунасмешка над всем и вся, включая и себя, — с этим-то он давно свыкся и уже почти не обращал внимания. Здесь же совсем иное во всяком случае, так казалось) — как бы усмешка самого бытия, которое не издевается, и не язвит, и не отрицает, а испытывает тебя, выпытывает, ускользая само, едва только возрадуешься, что ощутил твердую почву. Какое-то метафизическое “ку-ку”, подстраиваемое человеку — ему ли или кому другому. Оно словно напоминало, что в мире все относительно, переменчиво, многослойно, подвижно, странно, загадочно, страшновато — ни в чем нельзя быть твердо уверенным»[54].

И еще об одном отличии. Существуют вполне понятные в научном сообществе критерии успеха результатов полевых исследований: количество и качество привезенного материала, подготовка публикаций, выступлений на конференциях, получение ученых степеней и т.д. Иными словами, «гениальность» исследователя имеет четкую количественную меру, выраженную в «табели о ранге» ученой корпорации. Ученое достоинство как выражение внешнего параметра общественной значимости личности, зафиксированное в «табели о ранге» отражало общеевропейский принцип

---

[51] Архив… Верхокамье. 2000 г. Дневник М. Лебедь. Л. 31.
[52] Там же. Л. 30.
[54] *Шкловский*. 2008. С. 395.

иерархического строения социума[55]. Освобождение же внутреннего достоинства от внешнего возможно путем философствования[56].

Можно выстраивать научную карьеру, можно только «философствовать», самые замечательные представители ученой корпорации сочетают в своем жизненном пути и то, и другое. Считаю нужным подчеркнуть, что существуют общезначимые конвенции, позволяющие выделить понятие Личности в мире науки.

Параметризировать понятие Личность в традиционной культуре значительно сложнее. Протуберанцы активности личности, выраженные в текстах культуры (вербальных, письменных, поведенческих) должны быть вписаны в устойчивую «неподвижность» общины[57]. Любые протестные, конфликтные или конформистские формы проявления личности в традиционной культуре необходимо рассматривать с точки зрения коллизий устойчивости и изменчивости.

Появление новых толков и согласий всегда было связано с активностью конкретной личности, не случайно их название содержало часто имя собственное (федосеевцы, «Костина вера» и т.д.). Но за этими бесчисленными расколами внутри старообрядческого мира стояло создание новой общины, несущей коллективную ответственность за спасение. Поводом для разделов были «своеобычность и упрямство»[58], но результатом этого упрямства было создание новой «экклесии», и только в этом контексте протуберанцы личной активности могут быть рассмотрены. Так что никакое «свободное философствование» вне общины было невозможно, внутренний «гений» и внутреннее достоинство, в отличие от человека новоевропейской культуры, не существовали в автономии от общины. Это с одной стороны, а с другой, даже тогда, когда община была иерархически организована, формализованная иерархичность не могла превратиться в светский «табель о рангах», идея равенства во Христе несла в себе потенции эгалитаризма, а в конфликтах восточнохристианской церкви быстро всплывало обвинение в «папизме».

И вот что еще хотелось бы добавить в отношении столь значимого для новоевропейского человека концепта «гения», одаренности, имею-

---

[55] *Степанов*. 2004. С. 754.

[56] Ю. С. Степанов считает, что предельно ясно этот путь выражен словами Марка Аврелия в его книге размышлений «Путь к самому себе». «Философствовать значит оберегать внутреннего гения от поношения и изъяна, добиваться того, чтобы он стоял выше наслаждений и страданий…». — Там же. С. 755.

[57] *Дутчак*. 2007. С. 3-36.

[58] Архив… Вятка, 2001 г. Дневник А. Дадыкина и А. Исэрова. С. 61.

щих свою меру. Мера в русской культуре была индивидуализирована и ускользала от стандарта (в отличие от табели о рангах, где иерархические позиции определяло государство). Мы все меряем на свой аршин, а он у каждого разный. И речь идет не только о материях трудноуловимых для измерения, но и вполне конкретных вещах. Даже наши студенты, когда перед ними стояла задача похозяйственного описания, меряли огородные культуры не просто шагами (а у всех шаг разный), но и шажочками: «лук — 10 шагов — 6 грядок… картошки немерено густо, если считать грядки, измерение шагами длины грядок затруднялось наличием забора с одной стороны, и с другой — кустов уже далеко не молодой и безобидной крапивы, морковка уместилась в 3 шажочка, также как и свекла, чеснок в 4, фасоли и бобов было “не пришей кобыле хвост”, т.е. ни к селу, ни к городу, и с гулькин нос»[59]. Главное, что все понятно, хотя до точности далеко, и для хозяев не страшно, ведь ненастоящий обмер, не фиксируемый, его не запротоколируешь. И в этом отношении к мере горожанин-студент и деревенский житель единодушны и традиционны. Пример забавный, но симптоматичный.

Помимо индивидуализации меры (и в этом отношении каждый может быть на свой лад гениальным) для русского человека была вообще менее значима социальная, посюсторонняя мера взвешивания степени общественной значимости (одаренности) человека. Речь идет о понятии дара — оно означало некий неделимый духовный дар, «благодать божию» вообще и уже только затем различные конкретные проявления этой благодати в человеке[60].

Одаренность может быть в разных областях, но все эти дары есть милость, проявление в человеке одного и того же Божия дара, одного и того же Духа. Человеку, принадлежащему к христианской традиции, свойственно сомнение в собственной значимости, в собственных силах выстраивания успеха, который так любит изучать и фиксировать новоевропейский человек. Верующий человек хоронится от навязывания самопрезентации, даже если речь идет о вполне земных занятиях. Хозяйствующий мужик не будет хвастать своими достижениями, скорее со скрипом вообще разговорится, будет упирать на трудности и скорее переадресует исследователя к другому информанту. В итоге разговора В. Трухина с местным фермером произошла такая переадресовка: «В Никишатах Жданов Иван… хозяйственный мужик, немногословный, медлительный такой, во мужик, короче не то что я сухопарый. Мощный

[59] Архив… Верхокамье, 2000 г. Дневник А. Назаровой. С. 10.
[60] *Степанов*. 2004. С. 760-761.

мужик, работать может»[61]. Какая уж тут прущая изо всех щелей достижительность. Прикинуться ветошью, схорониться, направить по другому следу — это средства избегания активных форм контакта, выработанные культурой молчания. Человеку науки нужны для анализа тексты, в которых личность презентирует себя, а она старается стать максимально незаметной («я-то чё, я-то так, живу помаленьку»). Вот эта инаковость традиционной культуры и рационально организованный дискурс (не бедный рационализм!), стремящийся к поиску эйдоса на «форуме полей» (О. Мандельштам), сталкиваются во взаимном непонимании. Избежать помех можно только при длительном общении. Хочется особо обратить внимание на отсутствие чистых форм — смысловое поле русской культуры «барочно» по структуре, асинхронно по природе, состоит из сочетания спорящих друг с другом смыслов. А с одним и тем же информантом работают студенты разных специальностей, в результате утрачивается тот тип цельности, которая обретает себя через доминанту многообразия смыслов, сохраняющей устойчивость через взаимоупор несовпадающих друг с другом ценностей.

Неразвитость и слабость институализированных форм социальной жизни обусловили значимость личного пути в обретении смыслов, в выстраивании целеполагания. И путь этот (если человек действительно идет) невозможно стандартизировать, потому что социальность размыта, а ритм истории состоит из разломов. Достаточно вспомнить образ щели у С. Кржижановского. Человек наедине с родимым хаосом, шевелящимся под ногами (Ф. Тютчев). И обрести равновесие только молитвой сложно — практика магии была способом управления нерационализируемой и духовно непросветленной стихией. Переплетение смыслов не статично, оно подвижно, в зависимости от пути, которым идет человек. Можно от бедного рационализма и магии прийти к христианству и наоборот.

Дневники чрезвычайно ценны тем, что в них зафиксированы перипетии жизненного пути людей, с которыми велась беседа, она всегда неформализируема никаким даже самым ценным вопросником. Как правило, она содержит сведения о судьбах других людей — в условиях слабой институциализации норму или ее отсутствие человек обретает в судьбе другого. Так старообрядка Марфа Сазоновна Шатрова рассказала Н. Панкратову о настоятеле храма, который был ярым атеистом и уверовал в Бога «после того, как родилась девочка калека. Говорят страшно смотреть. С ее рождением связана интересная история. Когда

[61] Архив… Верхокамье, 2000 г. Дневник В. Трухина. С. 76.

его жена носила ребенка, он ходил на охоту и мать жены сказала: “Ты бы с ружьем поосторожнее”. Здесь считается, что пока жена на сносях, охотиться нельзя. Иначе души умерших животных могут отомстить. Но он не послушался, вот и получил. После чего стал жутко верующим»[62]. А живущий в д. Никишата Момотов Василий Александрович (православный) рассказал о том, что недавно звонила главный зоотехник фермы, спрашивала, венчаны ли, если венчаты, то ей нужно было венчальное кольцо, чтобы вывести лошадей из лога, лошади потерялись недели две назад, а найти их никак не могут. Тропы в лесу видят, а потом они вдруг исчезают»[63]. А через день в селе Соколово уже от старообрядки студентка узнала подробности гадания по кольцу.

Магия входила в повседневную практику обратного воздействия человека на природу — непокоренная, она «отменяла» созерцательную неспешность и становилась актуальной, когда необходимы были оперативные действия — потерялись ведь лошади, что тут сделаешь.

* * *

Одно из самых оригинальных и значительных направлений в русской средневековой книжной графике — тератологический орнамент, украшавший рукописи. Характерная особенность тератологии — неразрывная комбинация причудливых животных форм и плетения. «Причем в инициалах сочетание плетения со звериными мотивами не дают ясного каркаса или контура буквы. Объясняется это тем, что очертания животных, опутанных плетением, настолько произвольны, что нарушают основной контур буквы и делают ее нечеткой. Позднее, с переходом на Русь, недостаток этот в новгородской письменности восполняется синим или серовато-голубым фоном. Как в инициалах, так и в заставке, синий фон до известной степени намечает очертания инициала»[64].

Ухватить неготовность бытия русской традиционной культуры принять четкую форму, восстановить переплетение множества смыслов в исследовании, намечающим контуры, очертания традиции, не впадая в «невроз рубрикации», членящей действительность, и не вовлекаясь в новый поворот и в гуманитарном знании, для которого все смыслы существуют как рядоположенные, — задача, стоящая перед исследователями. Перед учителями и учениками.

---

[62] Архив… Верхокамье, 2001 г. Дневник Н. Панкратова. С. 37-38.
[63] Архив… Верхокамье, 1999 г. Дневник И. Редьковой. С. 42.
[64] *Щепкина*. 1974. С. 219.

Если бы не академические рамки проекта, в ракурсе изложенных задач, стоящих перед исследователями, данную статью можно было бы назвать так: «Поиск эйдоса на форуме полей и метафизическое “ку-ку” русской традиционной культуры». Необходимо расширять поле внутренних взаимосвязей в культуре, нелинейных по своей природе, чтобы собственную глухоту не приписать реальности.

БИБЛИОГРАФИЯ

Архив Археографической лаборатории МГУ. Веркокамье, 1999 г. Дневник И. Редьковой. 96 с.

Архив Археографической лаборатории МГУ. Веркокамье, 1999 г. Дневник Ю. А. Писаревского. 96 с.

Архив Археографической лаборатории МГУ. Верхокамье, 2000 г. Дневник И. Куликовой. 96 с.

Архив Археографической лаборатории МГУ. Верхокамье, 2000 г. Дневник И. Соломина. 96 с.

Архив Археографической лаборатории МГУ. Верхокамье, 2000 г. Дневник А. Назаровой. 96 с.

Архив Археографической лаборатории МГУ. Верхокамье, 2000 г. Дневник В. Трухина. 96 с.

Архив Археографической лаборатории МГУ. Верхокамье, 2001 г. Дневник Н. Панкратова. 96 с.

Архив Археографической лаборатории МГУ. Верхокамье. 2000 г. Дневник М. Лебедь. 96 с.

Архив Археографической лаборатории МГУ. Вятка, 2001 г. Дневник А. Дадыкина и А. Исэрова. 96 с.

Бахтина О. Н., Дутчак Е. Е. От «книги читаемой» к «человеку читающему»: из опыта работы археографической экспедиции Томского университета (1986–2006 гг.) // Традиционная книга и культура позднего русского средневековья. История, книжность и культура российского старообрядчества. Часть 2. Ярославль: Ремдер, 2008. С. 285-299.

Богданов А. К. О крокодилах в России. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 352 с.

Громов М. Н., Мильков В. В. Идейные течения древнерусской мысли. СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 2001. 960 с.

Джидарьян И. А. Представление о счастье в российском менталитете. СПб.: «Алетейя», 2001. 242 с.

Дулькейт Т. Лыковы. Бийск: Формат, 2005. 111 с.

Дутчак Е. Е. Из «Вавилона» в «Беловодье»: Адаптационные возможности таежных общин староверов-странников. Томск: Изд-во Том. Ун-та, 2007. 414 с.

Кропоткин П. А. Взаимопомощь как фактор эволюции. М.: Самообразование, 2007. 240 с.

Кулакова И. П. Университетское пространство и его обитатели. М.: Новый Хронограф, 2006. 336 с.

Пименова Л. А. Тело, семья, машина: игра социальных метафор во Франции XVIII в. // Одиссей: человек в истории. История как игра метафор. Метафоры истории, общества и политики. М.: Наука, 2007. С. 148-168.

Померанц Г. С. Вокруг предвечной башни // Дружба народов. 1996. № 10. С. 149-156.

Рашковский Е. Б. Постмодерн: культурная революция или культурная контрэволюция? // Постиндустриальный мир: центр, периферия, Россия. Сб. 4. Мировая культура на пороге XXI века. М.: ИМЭМО РАН, 1999. С. 9-86.

Рашковский Е. Б. Религиозная динамика эпохи постмодерна. В печати.

Рашковский Е. Б. Смыслы в истории: исследования по истории веры, познания, культуры. М.: Прогресс-Традиция, 2008. 376 с.

Смилянская Е. Б. Волшебники. Богохульники. Еретики. М.: «Индрик», 2003. 464 с.

Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2004. 992 с.

Тогоева О. И. «Мертвец возвращается к свету…»: религиозные метафоры средневекового правосознания // Одиссей: человек в истории. История как игра метафор. Метафоры истории, Общества и политики. М.: Наука, 2007. С. 111-126.

Шемякина О. Д. Концепция барочности Алехо Карпентьера и типы творческой активности российских предпринимателей // Общественные науки и современность. 2009. № 4. С. 114-125.

Шеффер К. Немой свидетель. М.: «Иностранка», 2008. 320 с.

Шкловски Е. Аквариум. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 608 с.

Шубарт В. Европа и душа Востока. М.: Эксмо, 2003. 480 с.

Щепкина М. В. Тератологический орнамент // Древнерусское искусство. Рукописная книга. Сб. II. М.: Наука, 1974. С. 219-239.

Яковенко И. Г. Манихео-гностический комплекс русской культуры // Россия как цивилизация: Устойчивое и изменчивое. М.: Наука, 2007. С. 73-194.

Яркова Е. Н. Утилитаризм как тип культуры: концептуальные параметры и специфика России. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. 392 с.

***Шемякина Ольга Дмитриевна**, старший лаборант археографической лаборатории истфака МГУ, shemyakinX3@gmail.com.*

Е. А. Осипов

ЕВРОПЕЙСКИЕ ИДЕИ ЖОРЖА ПОМПИДУ

В статье анализируются выдвинутые вторым президентом Пятой республики тезисы по «завершению, углублению и расширению» ЕЭС.

Ключевые слова: *Президент Франции, ЕЭС, «Общий рынок», конфедерация.*

Создание «объединенной Европы» — один из наиболее значимых факторов в истории международных отношений XX века. Началом европейской интеграции принято считать так называемый «план Шумана» (по фамилии министра иностранных дел Франции Робера Шумана) 1950 г., который предусматривал объединение металлургической, каменноугольной и железнодорожной промышленности. Эту идею поддержали шесть стран: Бельгия, Италия, Люксембург, Нидерланды, Франция и ФРГ. Именно тогда и образовалась «шестерка» европейских государств, которым было суждено начать строительство единой Европы.

В 1951 г. на основе «плана Шумана» появилось Европейское объединение угля и стали (ЕОУС). В 1957 г. был сделан следующий, очень важный, шаг на пути к европейской интеграции. Речь идет о двух подписанных в Риме договорах, декларировавших создание Европейского экономического сообщества (ЕЭС) и Европейского сообщества по атомной энергии (Евратом). Римский договор значительно расширил сферу интеграционного строительства. Первостепенное значение имело учреждение ЕЭС (или «Общего рынка»), предусматривавшего создание таможенного союза стран-членов, ведение общей аграрной и торговой политики, а также проведение дополнительных мероприятий, направленных на углубление сотрудничества.

Европейская составляющая голлизма предполагала строительство независимой (или «европейской», т.е. свободной от вмешательства как со стороны СССР, так и США) и конфедеративной Европы. Эти идеи вступали в противоречие с взглядами «отцов» европейской интеграции. Для де Голля создание любого наднационального института было неприемлемо. «Объединенную Европу» он видел только как «Европу отечеств», конфедеративный союз, в котором каждое государство сохраняло бы свой суверенитет: «Нет сомнения в том, что народы, которые объе-

диняются, должны сохранять свою самобытность и что путь, по которому нужно идти, это путь организованного сотрудничества государств, ведущего к образованию могущественной конфедерации»[1]. Он также заявлял, что «нужно построить конфедерацию, то есть коллективный организм, в котором различные государства, не теряя своей территории, своей души и неповторимого лица, делегировали бы часть своего суверенитета в областях стратегии, экономики, культуры»[2]. Цель де Голля заключалась «в адаптации французского общества и государства к вызовам времени, при сохранении в то же время национальной идентичности французов, их верности наследию великого прошлого страны»[3]. Для этого необходимо было создать инструменты гармонизации экономических, научных, технических и политических усилий стран «Общего рынка».

Жорж Помпиду, многолетний соратник де Голля, в основных чертах продолжил политику генерала. В 1969 г., когда он стал президентом Франции, «Общий рынок» находился на переходном этапе своего существования. Таможенный союз к тому времени уже был создан, теперь странам ЕЭС предстояло перейти к следующей фазе интеграции.

В июле 1969 г. Помпиду выдвинул свою европейскую программу, ставшую в итоге стержнем всей его внешней политики. Программа подразумевала «завершение, углубление и расширение» ЕЭС. Под «завершением» имелись в виду конец переходного этапа, приведшего к созданию таможенного союза, выработка единой сельскохозяйственной политики и создание однородного экономического пространства в рамках «Общего рынка». «Углубление» означало развитие кооперации в различных сферах. Речь шла о сотрудничестве в таких областях, как «техника, наука, энергетика, транспорт, права человека и, что очень важно, финансовое и валютное сотрудничество»[4]. Планировалось создание экономического и валютного союза. Предполагалось и развитие сотрудничества в сфере политики, то есть в конечном итоге «углубление» означало превращение союза шести стран в настоящее сообщество. «Расширение» же должно было привести к принятию в ЕЭС новых стран, в том числе Великобритании.

На совещании в Гааге в декабре 1969 г. программа Помпиду была принята всеми странами ЕЭС. По выражению известного журналиста Андре Фонтена «саммит в Гааге закончился с успехом, на который ни-

---

[1] Цит. по: *Прат.* 1996. С. 57.
[2] *Gaulle*. 1970. P. 574.
[3] *Рубинский*. 2004. С. 40.
[4] Цит. по: *Cousté, Visine*. 1974. P. 105.

кто не надеялся еще несколько месяцев назад»[5]. В ходе переговоров удалось прийти к соглашению по вопросу об общей сельскохозяйственной политике, важность которой Помпиду неоднократно подчеркивал в своих выступлениях. Так, 22 декабря 1971 г. он заявил следующее: «Если общий сельскохозяйственный рынок будет подорван, то в тот же момент… исчезнет надежда на экономический и валютный союз, не будет больше перспективы для политического союза»[6]. В Гааге участники совещания договорились, что все вопросы, касавшиеся сельского хозяйства, должны быть урегулированы еще до конца 1969 г., что являлось безусловным успехом французской делегации и лично президента.

В 1970 г. в соответствии с решениями гаагского саммита был создан так называемый «комитет Вернера» (по фамилии премьер-министра Люксембурга Пьера Вернера). В феврале 1971 г. он был утвержден на Совете Министров ЕЭС. За 10 лет участники союза собирались в три этапа решить следующие задачи: ввести полную взаимную обратимость валют, обеспечить свободу передвижения капиталов, объединить все официальные золотовалютные резервы и создать фонд валютного сотрудничества; твердо зафиксировать обменные курсы и, возможно, перейти к единой валюте[7]. Однако, «план Вернера» не был осуществлен из-за разразившегося экономического кризиса.

Европейская программа Помпиду, будучи планом действий на ближайшее время, предусматривала развитие политического сотрудничества, однако, строительство подлинного политического объединения, то есть Европейского союза, в качестве конечной цели в ней не значилось. Европейский союз был делом отдаленного будущего.

Помпиду, как и де Голль, в единой Европе видел прежде всего средство усиления французского государства, защиты национальных интересов. Франция должна была сама решать свою судьбу, следовательно, не могло быть и речи о делегировании суверенитета какому-либо наднациональному органу. С другой стороны, Франция стремилась к повышению своей роли в международных делах, что подразумевало политическое сотрудничество между странами ЕЭС, так как в одиночку она не имела возможности противостоять США или СССР. Все это неизбежно вносило некоторые противоречия во взгляды французского президента. Историк Шарль Деббаш верно отмечает, что «Помпиду отказывался от политического союза, но при этом был первым

---

[5] *Fontaine*. 1970. № 190. P. 16.
[6] *Pompidou*. 1975. P. 90.
[7] Европейский союз… 2003. С. 134.

сторонником политического взаимопонимания между “девяткой”»[8]. Действительно, политическая составляющая европейской концепции Помпиду не шла дальше консультаций, обменов мнениями или переговоров для сближения позиций. Наследник де Голля никогда не отвергал саму идею Европейского союза, но выступал за постепенное, поэтапное движение к конечной цели, до которой было еще очень далеко. В выступлении от 2 июля 1970 г. Помпиду заявил: «Все зависит от того, что называть политическим сотрудничеством. Я сторонник того (и мы уже на это согласились), чтобы правительства и министры иностранных дел встречались и обсуждали не только внутренние проблемы, но и проблемы политики в целом. В ходе таких встреч они могли бы не только информировать друг друга, но и консультироваться, и по возможности гармонизировали свои позиции. Что касается мыслей о том, что завтра будет создана общая европейская политика… Европейская политика станет реальностью в тот день, когда, по меньшей мере, будет создана европейская конфедерация. Со своей стороны я нахожу возможным и желательным двигаться к европейской интеграции поэтапно». В том же выступлении он пояснил, что страны-участницы ЕЭС руководствуются слишком разными целями и ведут разную политику, «поэтому на настоящий момент нет никаких шансов, что политика будет общей»[9].

Аналогичные мысли Помпиду высказывал и относительно властных институтов сообщества. Он выступал против расширения полномочий таких органов, как Комиссия европейских сообществ и Европейский парламент: «Я враждебно отношусь к расширению власти Комиссии. Никто не должен думать, что однажды Европой станет управлять этот орган <…> Позже, возможно будет создано правительство Европы, состоящее из собрания высших представителей стран-членов, а не из комиссии, которая должна выполнять только второстепенную роль координации и исполнения <…> В целом я не против всеобщих выборов в Европейский парламент, но это произойдет не завтра. И в любом случае, даже избранные напрямую народом, европейские парламентарии не должны стоять выше, чем национальные законодательные органы»[10].

Помпиду последовательно выступал за конфедеративную «Европу государств», идентичную «Европе отечеств» де Голля. Он много раз повторял, что наднациональная Европа невозможна в существующих условиях и что единственный реальный вариант интеграции — объеди-

---

[8] *Debbasch*. 1974. P. 157.
[9] *Pompidou*. Op. cit. P. 79-80.
[10] *Roussel*. 1984.

нение по конфедеративному принципу. В большинстве случаев Помпиду не уточнял, что конкретно имеется в виду под термином «конфедерация». Однако, 19 мая 1971 г. в интервью бельгийской газете «Суар» он сделал следующее заявление: «Для меня речь идет о конфедерации государств, которые отказываются от своих прерогатив по отношению к институтам сообщества только на добровольной основе и только ради развития самого сообщества. Важно сохранить внутри союза богатство национальных различий»[11]. 21 января 1971 г. Помпиду снова высказался по этому вопросу: «Речь может идти только о создании на основе того, что существует, конфедерации государств, решивших гармонизировать свою политику и интегрировать свою экономику, и если так будет, то мы увидим, что спор о наднациональности — ложный спор»[12].

Очевидно, что именно «Европа государств» отвечала национальным интересам Франции, так как в федеративной, наднациональной Европе, неизбежно увеличилось бы влияние других членов Сообщества (особенно, если учитывать планы расширения ЕЭС), что автоматически снизило бы влияние Франции. Сохранению лидирующего положения Франции внутри Европы должен был помочь и принцип принятия важных решений путем единогласного голосования. Для Помпиду этот вопрос имел большое значение. Он говорил: «Если все придерживаются одного мнения, то все хорошо; если нет, возникает большинство и меньшинство. В этом случае, меньшинство, понимая, что вопрос не жизненно важен, уступает, или думает наоборот и раскалывает коалицию. Вполне очевидно, что при нашей европейской концепции нельзя ничего разрывать, иначе все разрушится. Отсюда я делаю вывод, что важные решения могут приниматься только единогласно»[13]. Такой принцип голосования позволял Франции быть застрахованной от невыгодных ей решений со стороны других участников «объединенной Европы».

Таким образом, политическую часть европейской программы Помпиду составляли мысли о поэтапном, медленном строительстве единой Европы, в которой каждая страна сохраняла бы свою национальную идентичность. Полноценный политический союз как конечная цель всего европейского проекта французским президентом не отвергался, но пока для Помпиду строительство единой политической Европы означало прежде всего координацию действий между лидерами го-

---

[11] Цит. по: *Cousté, Visine*. Op. cit. P. 32.
[12] Ibid. P. 113.
[13] Ibid. P. 42.

сударств и гармонизацию отношений между странами. Только в этом смысле можно было говорить о единой европейской политике.

Помимо «завершения» и «углубления» программа Помпиду предполагала еще и «расширение» ЕЭС. Пожалуй, это была одна из главных дипломатических задач Франции в рассматриваемый период. Политика, направленная на «расширение», должна была открыть двери в Сообщество для новых стран, и, прежде всего, для Великобритании. Известно, что в период президентства де Голля отношения между Францией и Англией были достаточно сложными. Переговоры о вступлении Великобритании в ЕЭС открылись еще в начале 1960-х гг., но прийти к соглашению стороны так и не смогли. Генерал дважды, в 1963 и 1967 гг., накладывал вето на продолжение переговоров с британской делегацией.

Де Голль был настроен против кандидатуры Великобритании в первую очередь из-за «особых отношений» между США и Англией, которые, в случае вступления последней в «Общий рынок», могли бы изменить саму сущность ЕЭС. Великобритания, по его мнению, вела недостаточно «европейскую» политику и, следовательно, не соответствовала принципу «европейской» Европы. Отметим, что изначально для де Голля единая Европа была союзом между Францией и ФРГ, а Англия могла стать его частью только в качестве ассоциированного партнера.

В период президентства Помпиду Великобритания все-таки стала членом «Общего рынка». Было ли это связано с изменением курса французской дипломатии, или же стороны пошли на взаимные уступки в силу объективных причин, которые нельзя было игнорировать? Более логичным представляется второй вариант.

По словам французских исследователей Кусте и Визина, «Европа для де Голля была возможностью, а для Помпиду — необходимостью»[14]. Действительно, для генерала в 1963 и 1967 гг. достижение договоренности с Великобританией не было жизненно важной целью, да и английское правительство не имело достаточной воли, чтобы преодолеть все трудности, возникшие в ходе переговоров. Для Помпиду же Европа стала приоритетным направлением внешней политики. Расширение ЕЭС и принятие в него Англии было на самом деле необходимо для Франции в рассматриваемый период по целому ряду причин.

Главной причиной была все усиливающаяся экономическая мощь ФРГ. Как мы уже говорили, основой первоначальной европейской концепции голлизма был союз между Францией и ФРГ. Однако, со временем в нее пришлось вносить коррективы. Елисейский договор 1963 года

[14] *Cousté, Visine*. Op. cit. P. 10.

стал одновременно и кульминацией и началом охлаждения во франко-западногерманских отношениях. С одной стороны, он предусматривал активизацию сотрудничества, регулярные встречи на высшем уровне, но с другой стороны, в текст договора по настоянию германского правительства была включена статья о приоритетных отношениях с НАТО, что не входило в планы французской дипломатии.

К 1969 г. экономическое лидерство Западной Германии в Европе было очевидным для всех. Без сомнения, у Франции были свои неоспоримые преимущества перед ФРГ в других областях, прежде всего военной. Но в годы президентства Помпиду мир был уже не таким как в 1950–60-е гг. Достижение военного паритета между СССР и США привело к понижению роли военной силы. На первый план в международных делах выходила экономическая мощь, в которой Франция (как и Англия) сильно уступала Западной Германии. Усиление ФРГ ставило под угрозу лидерство Франции в «объединенной Европе». Было понятно, что со временем именно Западная Германия будет диктовать свою волю в ЕЭС. Великобритания же могла стать неким противовесом (речь идет о триумвирате Париж-Лондон-Бонн, в котором все три страны будут взаимно уравновешивать друг друга). Скорее всего именно поэтому Помпиду выступил инициатором расширения Сообщества. Такого мнения придерживаются многие исследователи данного вопроса. Например, Андре Фонтен пишет: «Помпиду понимал, что Бонн рано или поздно будет доминировать в Сообществе»[15].

Зимой 1968–1969 гг. Помпиду еще будучи премьер-министром в разговоре с английским дипломатом заявил, что, «если он станет президентом, то не будет противиться вступлению Соединенного Королевства в “Общий рынок”». А 14 мая 1969 г., во время предвыборной президентской кампании, он отметил, что «было бы неразумно оставлять Англию за пределами Европы»[16]. Таким образом, еще не став президентом, Помпиду уже четко сформулировал свое положительное отношение к вопросу о расширении Сообщества.

Помпиду, как и де Голль, был сторонником «европейской» Европы, независимой от американского влияния. Существует мнение, что к концу 1960-х гг. «особые» англо-американские отношения ушли в исто-

---

[15] *Fontaine*. 1982. P. 159. А. Гроссер писал: «Вступление Великобритании в Сообщество, без сомнения, не состоялось бы, если бы Париж не беспокоился по поводу усиления ФРГ» (*Grosser*. 1984. P. 242).

[16] Цит. по: *Roussel*. Op. cit. P. 369.

рию[17]. Для нас важно, что сам Помпиду по-прежнему находил англо-американские отношения «особыми». Такой вывод следует из выступления президента на пресс-конференции, где он говорил: «…Мы видим Великобританию, которая хочет войти в Сообщество, но в то же время, сохраняет особые отношения с США, которые находятся не в Европе…»[18]. Но эти отношения были «особыми» в политической или военной сферах. Помпиду же в первую очередь думал об экономике[19].

Расширение ЕЭС было необходимо для Помпиду еще и потому, что все остальные пять партнеров Франции по европейскому строительству, жизненно заинтересованные во вступлении Великобритании в ЕЭС, отказывались от дальнейшего продвижения по пути интеграции, пока не будет положительно решен британский вопрос. Став президентом, Помпиду однажды сказал: «Когда я пришел к власти, Европа, в действительности, была в тупике. Наши партнеры по Европе шести не хотели, чтобы Англия оставалась за ее пределами. Великобритания не могла мириться с Европой шести, которая в какой-то степени ей напоминала о наполеоновской империи и континентальной блокаде»[20]. Расширение ЕЭС позволило «объединенной Европе» развиваться дальше. Добавим к этому, что на гаагском совещании, по словам самого французского президента, все проблемы, касающиеся функционирования общей сельскохозяйственной политики, были улажены в обмен на возобновление переговоров с Англией. Таким образом, быстрое решение важного для Франции сельскохозяйственного вопроса стало возможным благодаря вступлению Великобритании в «Общий рынок».

Расширение ЕЭС было выгодно Франции и тем, что английское руководство тоже представляло будущую Европу как конфедеративный союз государств. Известно, что страны Бенилюкса стояли на федералистских позициях относительно будущего развития Европы. Они выступали за такую структуру Европы, в которой решения принимались большинством голосов, что заставило бы более крупные страны учиты-

---

[17] Известный историк Ф. Бедарида отмечает: «Лишь растущее отчуждение между всемогущей заокеанской державой и утрачивающей влияние Великобританией, слишком поздно вернувшей свое благорасположение Европе, в шестидесятые годы показало, что выражение «особые отношения» безнадежно устарело, а обозначаемого им понятия давным-давно не существует». — *Бедарида*. 2009. С. 267.

[18] *Pompidou*. Op. cit. P. 79-80.

[19] По словам Ю. И. Рубинского, «в его прагматичной шкале приоритетов независимость и величие Франции определялись не столько политическими или военными, сколько прежде всего экономическими категориями». — *Рубинский*. 2004. С. 40.

[20] *Pompidou*. Op. cit. P. 127.

вать их интересы. За федеративную Европу выступала и ФРГ. Таким образом, Франция в лице Англии нашла себе союзника в решении очень важного вопроса о политической структуре будущего объединения.

Немаловажной причиной были и интересы торговли. Дело в том, что франко-британская торговля в 60-е гг. развивалась крайне медленно. Так, Франция в 1969 г. экспортировала в Соединенное королевство товаров на сумму примерно в 3 миллиона франков, что составляло всего 4% от общего экспорта[21]. Примерно такие же цифры можно привести и относительно французского импорта из Великобритании. Выше приведенные данные показывают, что для развития франко-британской торговли расширение ЕЭС было необходимо.

Отметим еще и тот факт, что Великобритания была лидером ЕАСТ, альтернативного европейского объединения, конкурирующего с ЕЭС. Вступление Англии в «Общий рынок» означало, что отныне будущее проекта по объединению Европы будет связано именно с ЕЭС.

Итак, расширение «Общего рынка» и вступление в него трех новых стран, включая Великобританию, не было изменением французской дипломатии и отходом от голлистских принципов[22]. Голлистская внешнеполитическая концепция, как и любая другая доктрина, предполагает постановку глобальной цели. Но методы ее достижения меняются в зависимости от времени и обстоятельств. Сам де Голль неоднократно менял направления своей дипломатии, и это не было отходом от голлизма. В целом, переговоры закончились удачно благодаря обоюдному желанию идти на компромисс, вызванному объективными факторами.

Европейская политика Помпиду, конечно, была более прагматичной и не такой эмоциональной, как дипломатия до Голля, но она оставалась в рамках голлизма.

Подводя итоги, отметим, что в годы президентства Помпиду произошло первое расширение «Общего рынка». «Шестерка» стала «девяткой», соперничество между двумя проектами европейского объединения разрешилось в пользу ЕЭС. Начала функционировать общая сельскохозяйственная политика. Единая Европа развивалась по конфедеративному принципу. Сотрудничество в области политики не выходило за рамки консультаций, совещаний и попыток гармонизации позиций. Что касается экономического развития, то в рассматриваемый период странам ЕЭС

---

[21] Notes et études documentaries… P. 48.

[22] По мнению французской обозревательницы Женевьевы Табуи: «Ликвидация конфликта основана на сближении взглядов двух правительств. Это не является результатом изменения французской политики». (Цит. по: *Лебедев*. 1988. С. 55).

не удалось добиться в этой области значительных успехов. Амбициозный «план Вернера» в силу объективных причин осуществлен не был. Однако, в начале 1970-х гг. получили свое дальнейшее развитие многие глобальные экономические идеи (например, введение единой европейской валюты), которые были реализованы позднее.

БИБЛИОГРАФИЯ

Бедарида Ф. Черчилль. М.: Молодая гвардия, 2009.

Европейский союз: справочник-путеводитель / Под ред. О. В. Буториной, Ю. А. Борко, И. Д. Иванова. М.: Деловая литература, 2003.

Лебедев А. А. Очерки британской внешней политики. М.: Международные отношения, 1988.

Прат А. Франция в Европе. М.: Воскресенье. 1996.

Рубинский Ю. И. Национальная идея в политической культуре Франции. М.: Огни, 2004.

Cousté P.-B., Visine F. Pompidou et l'Europe. P.: Litec, 1974.

Debbasch Ch. La France de Pompidou. P.: P.U.F., 1974.

Fontaine A. Histoire de la «detente», 1962–1981: Un seul lit pour deux rêves. P.: Fayard, 1982.

Fontaine A. Une diplomatie moins ombrageuse // Le monde diplomatique. 1970. № 190.

Gaulle Ch. de. Discours et messages. Dans l'attente. P.: Plon, 1970.

Grosser A. Affaires extérieures: La politique de la France, 1944–1984. P.: Flammarion, 1984.

Notes et études documentaries. 1970. № 3725-3726.

Pompidou G. Entretiens et Discours. 1968–1974. P.: Plon, 1975.

Roussel E. Le Président d'avant la crise. Saint-Amand: Marabout, 1984.

***Осипов Евгений Александрович**, аспирант Государственного академического университета гуманитарных наук; kolesnicegonitel@yandex.ru.*

Н. И. Пупыкин

ОТ ГОЛЛИЗМА К НЕОГОЛЛИЗМУ

ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕОЛОГИИ И ПОЛИТИКИ

В статье представлен анализ эволюции идеологии голлизма на рубеже XX–XXI вв. Рассматриваются основные постулаты идеологии голлизма, особенности неоголлизма как идейно-политического течения, социально-экономическая и политическая эволюция базовых принципов идеологии голлистской партии в разных сферах государственного развития.

***Ключевые слова**: ОПР, ЮМП, голлизм, неоголлизм, Ш. де Голль, Ж. Ширак, Н. Саркози, Конституция Франции, НАТО, ЕС.*

Голлизм занимает особое место среди идейно-политических течений современной Франции. На протяжении всей истории Пятой республики важную политическую роль играла голлистская партия. Следует отметить, что за это время партия несколько раз меняла свое название. Все началось с появления в 1946 г. Объединения французского народа (РПФ). Основанный в 1958 г. Союз за новую республику (ЮНР) в 1962 г. после присоединения к нему левоголлистского Демократического союза труда (ЮДТ) стал ЮНР-ЮДТ. В 1967 г. партия была переименована в Союз демократов за Пятую республику (ЮД-У), перед парламентскими выборами 1968 г. она поменяла название на Союз демократов за республику (ЮДР). Все эти партии были созданы еще при жизни генерала де Голля и за редким исключением придерживались идеологии традиционного, ортодоксального голлизма.

В декабре 1976 г. Жаком Шираком была образована партия Объединение в поддержку республики (ОПР). Именно в этот период появились понятия «ширакизм» и «неоголлизм», с которыми многие исследователи связывают обновление традиционной идеологии и появление неоголлизма как политического течения. В 2002 г. после первого тура президентских выборов был образован Союз за президентское большинство (ЮМП) с целью поддержки кандидатуры Ж. Ширака. Данный блок включил в свои ряды представителей ОПР, либеральных демократов и некоторых членов центристской партии Союз за французскую демократию (СФД). Позже новая политическая сила была переименована в Союз за народное движение (ЮМП).

Вхождение ОПР в ЮМП вызвало бурю возмущений со стороны многих голлистов. В прессе появились гневные статьи, заявлявшие о «смерти» голлизма. Известный историк Рене Ремон заявил: «Похоронив свою партию, представители ОПР порвали с идеологией Генерала. Вот почему это объединение правых символизирует исчезновение голлизма»[1]. Однако инициаторы создания ЮМП говорили о другом. Министр обороны кабинета Доминика де Вильпена Мишель Алльё-Мари объявила лишь о сближении партий, обвиняя всех критиков в архаизме[2].

Современные неоголлисты постоянно обращаются к наследию основателя Пятой республики. Однако все больше исследователей, особенно во Франции, говорят о смерти голлизма как политического течения: «То, что носит имя голлизма находится отныне в правом лагере <…>, а неоголлизм, который воплощает ширакизм, является узким голлизмом <…>, обедненным идеологически»[3]. В 1990 г. Жак Ширак заявил, что необходимо «строить современный голлизм»[4]. В связи с этим невозможно изучать идеологию современного неоголлизма, не обратившись к его корням.

Наиболее очевидная связь современных неоголлистов с наследием генерала де Голля просматривается в их взглядах на государственный строй Франции. Свои идеи по вопросу конституционного строительства де Голль изложил еще в послевоенные годы. Они заключались в том, что исполнительная и законодательная власть должны быть разделены, и что более широкими полномочиями должен обладать президент: «Именно ему должно принадлежать право назначать министров и, прежде всего, премьер-министра, который руководит политикой и работой правительства»[5]. После принятия Конституции 1958 г. многие современники оценили новый режим как систему персонализированной власти де Голля. Однако преданные голлисты так не считали. Давний соратник генерала Мишель Дебре говорил, что исторически во Франции «всякая концепция демократии видит априори в президенте и главе государства опасность и угрозу для Республики»[6] и призывал отказаться от этих пережитков. Советский исследователь голлизма Н. Новиков указал на то, что «по существу, в Пятой республике действуют буржуазно-демократические инсти-

---

[1] *Rémond.* 2002.
[2] *Rossi-Landi.* 2002.
[3] *Rémond*. 1982. P. 334-335.
[4] См.: *Lachaise*. 1994. P. 25.
[5] Discours du général de Gaulle à Bayeux... 1959. P. 191.
[6] *Debré.* 1959. P. 21-22.

туты, которые приобрели авторитарный характер в силу исключительных социально-политических условий»[7]. Хотя полностью авторитарной власть президента считать нельзя, поскольку переход ему больших полномочий не означал искоренения демократических свобод, завоеванных предшествующими революциями и республиками, а наоборот, помог перейти к более эффективному централизованному руководству экономикой, что принесло позже ощутимые плоды.

Политическая система Пятой республики выдержала испытание временем на протяжении сорока с лишним лет. Это в особенности доказали два президентства социалиста Ф. Миттерана (1981–1995). Вплоть до 2000 г. в Конституцию 1958 г. было внесено всего 12 поправок, которые по существу не затронули основ государственных институтов. Однако постепенно представители ОПР поменяли свое отношение к институту президентства. Здесь прослеживается первый разрыв с идеологией традиционного голлизма. Ж. Ширак предложил сократить срок президентских полномочий с семи до пяти лет. Его главным аргументом стало наличие во Франции практики «сосуществования» президента и премьер-министра, представляющих разные политические лагеря. По его замыслу, выборы главы государства и в Национальное собрание должны проходить в один год. Подобное предложение вызвало широкую полемику в политических кругах. После принятия данной поправки политолог Роббер Понсейри заявил, что это изменение характеризует «не поворот в истории Пятой республики, как это было в случае роспуска Национального собрания в 1997 г., а конец “деголлевской Республики”»[8]. Свое мнение о новой редакции Конституции высказывали и видные правые деятели. Руководитель фракции ОПР в Национальном собрании Жан-Луи Дебре отметил, что «эта реформа идет в разрез с желанием создателей Конституции 1958 г., так как ускоряет политические ритмы. Но, в конце концов, наши институты постоянно обеспечивают легитимность, преемственность и эффективность политической власти»[9].

При этом у большинства французов данная поправка не вызвала особого интереса. В референдуме 24 сентября 2000 г. приняли участие 30,19% от числа лиц, имеющих право голоса (самый низкий процент участия), из них положительный ответ дали 73,2%, отрицательный — 26,8%. Многие аналитики отметили также значительное число воздер-

---

[7] *Новиков.* 1984. С. 58.
[8] *Boissieu.* 2006.
[9] *Debré.* 2006.

жавшихся граждан, оставивших бюллетени для голосования пустыми — 16,09% принявших участие в народном волеизъявлении.

После референдума усилились призывы созвать Конвент в поддержку Шестой Республики «с подлинной парламентской властью» ради развития демократии. Голлистские деятели полагают, что подобные призывы исходят от сторонников «европейского федерализма» и «регионализма» и направлены на ликвидацию Пятой республики с помощью «парламентских олигархий»[10]. Накануне выборов 2007 г. вновь развернулись дебаты о необходимости реформы государственных институтов, поскольку опросы общественного мнения показывали, что 53% французов считали, что демократия во Франции не функционирует как положено[11]. Тем не менее, лидеры правых отказывались от любых идей по пересмотру Конституции 1958 г. На партийном съезде ЮМП в феврале 2007 г. кандидат на пост президента Николя Саркози заявил, что «французская демократия не нуждается в новой конституционной революции»[12]. Однако он не отрицал возможного введения пропорциональной системы избрания в Сенат, что позволило бы оппозиционным и небольшим партиям получить представительство в верхней палате парламента. После победы на выборах Саркози не предпринял значимых шагов в данном направлении.

Другой разрыв неоголлизма с голлистской практикой кроется в политической ответственности главы государства перед нацией. С момента своего прихода к власти де Голль не переставал говорить о доверии народа, упомянутом им еще в 1962 г. во время первого референдума Пятой республики. Следуя этому принципу, генерал ушел в отставку с поста президента республики на следующий день после поражения на референдуме 1969 г. по вопросу о поддержке региональной реформы и преобразования Сената. В 1997 г. Ширак, имевший на своей стороне подавляющее большинство правых депутатов в Национальном собрании (до весны 1998 г.), решился распустить парламент и назначить досрочные выборы. Однако лидер правых отказался покинуть свой пост после убедительной победы левых сил. Не сделал он это и в 2005 г., после провала проекта европейской конституции на всенародном референдуме.

---

[10] *Новиков.* 2001. С. 24.

[11] Le Monde, 26 mars 2007.

[12] Discours de Nicolas Sarkozy… URL: http://www.u-mp.org/site/index.php/ump/s_informer/discours/le_congres_de_l_u mp_le_14_janvier_2007 (время доступа 10.10.2008).

Но не стоит полагать, что современные правые полностью отказались от наследия генерала. Голлистская преемственность проявляется в полной мере во внешнеполитическом курсе Франции. В свое время внешняя политика де Голля вызывала критику «атлантистов» и «европеистов», центристских и даже некоторых правых группировок. Тем не менее, его внешнеполитические принципы воспринимались всеми основными французскими политическими партиями, хотя и в разной мере. Они остались основой государственной политики на международной арене во время президентства и лидера независимых республиканцев В. Жискар д'Эстена, и социалиста Ф. Миттерана.

Именно во внешней политике можно увидеть продолжение и развитие идей Шарля де Голля. Жесткая позиция Жака Ширака против американского вторжения в Ирак в 2003 г. неразрывно связана с представлениями де Голля о роли Франции, являющейся союзницей Соединенных Штатов, но независимой от них. Генерал был полон решимости вернуть Франции ее былую международную роль. Он был убежденным сторонником самостоятельной политики Французской республики. Однако существование НАТО лишало Францию независимости в своих действиях. В связи с этим, де Голль был намерен вывести свое государство из военной организации Североатлантического Альянса и снабдить Францию мощным ядерным оружием. В конце концов, он реализовал все эти замыслы, что, безусловно, придало его стране престижа на международной арене. Американский исследователь Вальтер Шультц выделил три основных фактора, побудивших Францию выйти из военных структур НАТО: 1) значительная роль США в принятии решений в Альянсе; 2) несоответствие НАТО военным и стратегическим реалиям времени, поскольку на первый план вышло обладание оружием массового поражения; 3) НАТО в условиях биполярной системы мира лишало Европу самостоятельности в вопросе проведения интеграции[13].

Несмотря на то, что с 5 декабря 1995 г. Жак Ширак вернул Францию в Военный комитет НАТО, он сохранил приверженность нейтральному атлантическому вектору внешней политики. Некоторое углубление сотрудничества Франции с НАТО вызвано двумя основными причинами. Во-первых, европейские и французские вооруженные силы не могли самостоятельно решать военные задачи, что показали события в бывшей Югославии. Во-вторых, отсутствие Франции в военных органах Альянса ограничивало ее возможности участвовать в решении мировых проблем. К тому же Ширак стремился таким образом выторговать у

[13] См.: *Schutze*. 1966. P. 112.

США право для европейцев распоряжаться силами НАТО в Европе по своему усмотрению, однако получил жесткий отказ.

Значительное изменение идеологии неоголлистов в атлантическом вопросе произошло уже после ухода Ширака из Елисейского дворца. В марте 2009 г. Николя Саркози заявил, что «настал момент полностью вернуть страну в военные структуры НАТО»[14]. Саркози напомнил, что курс на постепенное сближение с НАТО был инициирован его предшественниками — Франсуа Миттераном и Жаком Шираком, но проводился «негласно». С резкой критикой президентской инициативы выступили два бывших премьер-министра Франции Ален Жюппе и Доминик де Вильпен. Последний в частности посчитал этот шаг «ошибкой, которая заставит Францию пойти на унизительные условия другой страны»[15]. Тем не менее, предложение президента было одобрено парламентом.

Наиболее острые споры в неоголлистской среде вызвало другое направление внешнеполитического курса Франции — европейское строительство. Голлистская Европа — это, с одной стороны, «Европа государств», исключающая всякую наднациональность, с другой, — «европейская Европа», то есть свободная и независимая от сверхдержав, точнее от США. Де Голль считал возможным объединение Европы только при сохранении суверенитетов государств. Он не раз указывал, что «каждый народ отличается от других своей несравнимой, постоянной и не подлежащей изменению индивидуальностью. Если вы хотите объединить народы, не пытайтесь сделать это, как смешивают каштаны в пюре»[16]. Французский историк Филипп Ульмон убедительно доказывает, что генерал «не верил в европейское Отечество, но допускал возможность прихода к согласию европейских государств посредством принятия межправительственных соглашений»[17]. Следуя идеям де Голля, Франция участвовала в создании «общего рынка» и стремилась убедить Великобританию перестать «увлекать за собой Запад к атлантической системе, несовместимой с возможностями европейской Европы»[18].

Эти два тезиса и являются предметом противоречий среди представителей французских правых партий. Значительная их часть критикует современное европейское строительство, указывая на то, что оно наносит удар по национальным суверенитетам. Депутат-голлист Николя

---

[14] L'Express, 8 mars 2009.

[15] L'Express, 1 avril 2009.

[16] *Gaulle de*. URL: http://gaullisme.free.fr/GEIIAReorienter.htm (время доступа 12.02.2009).

[17] *Oulmont.* 2008. P. 88.

[18] *Антюхина-Московченко*. 1971. С. 101.

Дюпон-Энян раскритиковал «единый ультралиберальный рынок 1990-х гг. и строительство супергосударства, развитие которого вот уже 20 лет возложено на плечи граждан»[19]. Однако большая часть голлистов заявляет лишь о делегировании части суверенитета, а не о полном отказе от него. Ширак в частности придерживался лозунга «Европа наций»: «Европейский Союз, федерация государств-наций, будет продвигаться вперед, уважая самобытность и оригинальность каждой из стран, которые входят в него»[20]. В программе ЮМП, представленной перед парламентскими выборами 2007 года, был сделан акцент на следующие направления европейской интеграции: соблюдение принципов субсидиарности и пропорционального представительства стран; введение постов президента и министра иностранных дел ЕС; усиление роли национальных парламентов в европейском строительстве; разрешение для некоторых стран более углубленной интеграции[21].

Что касается атлантической политики в отношениях с Европой, то социалист Жак Делор наиболее четко определил «европейский тупик голлизма»: «Если мы желаем настоящей европейской внешней политики, мы должны держать в уме тот факт, что большинство правительств одновременно и европейские, и атлантические… Если Франция исключит атлантические страны, то с кем она будет строить политическую Европу?»[22]. Концепция Шарля де Голля «европейской Европы», независимой от США, объясняет оппозицию голлистов плану создания Европейского оборонительного сообщества в 1954 г. и противостояние европейских государств французскому проекту политического союза Европы (план Фуше 1962 г.). Некоторые нотки атлантической политики проявились в позиции Франции по вопросу вступления в ЕС стран Восточной и Юго-Восточной Европы, которые в определенной степени находятся в политической зависимости от США. Во многом по этой причине неоголлисты выступают против вхождения Турции в Союз, особенно после 2005 г., объясняя это иными причинами: «В историческом контексте Турция не участвовала ни в одном из главных событий в европейской истории. Что касается географии, только 5% ее территории и 8% населения находятся в Европе»[23].

---

[19] *Boissieu.* 2005.

[20] *Chirac*. URL: http://www.elysee.fr/elysee/elysee.fr/francais/interventions/discours_et_declarations/2004/juin/juin_200 4.12663.html (время доступа 15.02.2009).

[21] См.: Projet UMP… 2007. P. 48.

[22] *Boissieu.* 2006.

[23] Turquie: NON à l'adhésion... URL: http://www.u-m-p.org/site/index.php/ump/debattre/dossiers/europe (время доступа 15.12.2008).

Преемственность политики французских правых прослеживается и в отношениях с Россией. Де Голль выстраивал внешнюю политику на Востоке в духе «привилегированного» партнерства. Еще во время Второй мировой войны генерал сознательно пошел на сближение с СССР, что принесло свои результаты при построении послевоенного мира. Позиции руководителей Французской республики и Советского союза совпадали по многим международным проблемам: арабо-израильский конфликт, война во Вьетнаме. Отношения с СССР были для генерала своеобразным козырем в проведении в жизнь идеи «величия» Франции. В 1990-х гг. после некоторого похолодания в отношениях, связанного с распадом СССР и политикой Москвы в Чечне, Ширак предпринял ряд мер по нормализации отношений, указывая, что «Россия и Франция всегда оставались внимательными партнерами, уважающими друг друга, стремящимися понять друг друга и обеспечить будущее Европы»[24]. Похожей позиции придерживается и Н. Саркози, который продолжает развивать российско-французские отношения по всем направлениям, особенно в экономике. К тому же президент Франции принял активное участие в переговорах по урегулированию конфликта в Южной Осетии и в реализации плана «Медведев-Саркози». Лидер неоголлистов проявил себя как посредник между ЕС и Россией и активно выступал против возможного применения санкций к Российской Федерации.

Довольно неоднозначна социально-экономическая политики неоголлистов. Одной из главных «ударных идей» генерала было проведение реформы в духе «ассоциации труда и капитала», которая «предполагалась в качестве альтернативы существовавшей системе социальных отношений»[25]. По мнению представителей голлистского РПФ, она дала бы возможность рабочим и служащим стать соучастниками производства наравне с предпринимателями при сохранении частной собственности. Н. Н. Наумова полагает, что «противопоставляя классовой борьбе трудящихся классовое сотрудничество… голлисты стремились заменить все ранее существовавшие организации рабочего класса»[26]. Это была своеобразная форма «участия» рабочих в капитале предприятий.

Руководство ОПР с момента образования этой партии очень активно пропагандировало идею «участия». Преобразование социальных отношений в «третий путь» общественного развития рассматривалось ими как прагматическая мера, нацеленная на повышение эффективно-

---

[24] *Ширак*. 1997. С. 51.
[25] *Арзаканян*. 1991. С. 49.
[26] *Наумова*. 1991. С. 42.

сти производства методами материального стимулирования наемных работников в прежней системе «свободного предпринимательства». Как это ни парадоксально, но идея единения нации путем интегрирования рабочего класса была реализована в основном к концу 1980-х гг. благодаря социальным реформам социалистов.

В связи с рассмотрением социально-экономической политики традиционного голлизма уместно задать вопрос: были ли национализации и создание Плана, проведенные де Голлем, проявлением дирижистской идеи, или же они вызваны лишь обстоятельствами, диктуемыми восстановлением хозяйства? В первом случае, неолиберализм, который начал доминировать как на правом, так и на левом политическом фланге с 1983 г., означал бы, что в экономических вопросах голлизм не отличается от других правых течений. Эволюция голлистских идей свидетельствует о том, что дирижизм, хотя и соответствовал «политической философии» голлизма, вовсе не был неизменным ее элементом. Проникновение либеральных идей в политический курс ОПР представляется одним из наиболее явных разрывов с деголлевскими представлениями. Французский политолог Ж. Бадуэн заявил, что «ОПР последовательно освобождалось от деголлевского наследия <…>, чтобы предаться шарму неолиберализма»[27]. Во втором же случае получается, что каждый волен сам в зависимости от собственного понимания ситуации воплощать тот или иной тип экономической политики. Это частично подтвердило то, что в 1990-х гг. правые правительства Э. Балладюра и А. Жюппе провели серию приватизаций, значительно уменьшив долю государственной собственности и, тем самым, несколько ослабив возможности государства проводить дирижистскую политику.

Безусловно, современные неоголлисты не могут слепо продолжать реализацию идей де Голля. Во-первых, изменилась экономическая обстановка в стране, и уже нет необходимости проводить жесткое планирование хозяйственной деятельности, поскольку многое в современном мире диктует рынок. Во-вторых, некоторые из методов голлистов-основателей не смогут дать тот результат, который они приносили раньше. Однако при этом французская модель управления хозяйством до сих пор является одним из ярких примеров индикативного планирования при сохранении всех институтов рыночной экономики, и никто во Франции не собирается менять что-либо в сложившейся практике, особенно в свете разразившегося в 2008 г. экономического кризиса.

---

[27] *Baudouin.* 1984. P. 55.

В целом, стоит отметить, что цели, поставленные де Голлем в социально-экономической сфере, так и не были достигнуты в полном объеме. Современные правые, похоже, оставили в стороне эту часть идеологии традиционного голлизма, поскольку в данном направлении не предпринимается до сих пор сколько-нибудь значимых шагов.

В основном неоголлисты придерживаются наследия генерала де Голля. В ноябре 2000 г. газета Фигаро провела опрос общественного мнения на тему «Голлизм 30 лет спустя», где был задан вопрос «Какая партия больше всего придерживается идей де Голля?». Большинство респондентов отдали свой голос за ОПР Ширака (36%), при этом на втором месте оказался ответ — «никакая» (32%)[28].

«Наследники» генерала де Голля действуют уже в иных внутренних и внешних обстоятельствах, что, конечно, не может не влиять на их политический курс. Основоположник голлизма был нацелен на создание новой политической системы, стабилизацию экономического развития, возвращение Франции в ранг основных акторов международных отношений. В целом в идеологии традиционного голлизма акцент делался на политических целях, в то время как социальные и экономические вопросы отходили на второй план. Голлисты-основатели противопоставляли идеям и атлантистов, и марксистов концепцию «третьего пути», которая была слабо подкреплена теорией. В связи с этим антиатлантизм стал постепенно смягчаться, и в итоге неоголлисты вообще отказались от идеи построения особой экономической модели. Они стали увлекаться неолиберальными методами. В экономике произошел отказ от полного доминирования государства и переход к указательному планированию. Хотя полностью исключать идею «особости» неоголлисты не стали. Она до сих пор прослеживается в позиции Франции по различным вопросам мировой политики и европейского строительства.

БИБЛИОГРАФИЯ

Антюхина-Московченко В. И. Шарль де Голль // Новая и новейшая история. 1971. № 6. С. 86-112.

Арзаканян М. Ц. Шарль де Голль // Вопросы истории. 1991. № 2-3. С. 38-61.

Наумова Н. Н. Голлизм в оппозиции. Партия «Объединение французского народа» в политической жизни IV республики. М.: Издательство Московского университета, 1991. 190 с.

Новиков Г. Н. Голлизм после де Голля. Идейная и социально-политическая эволюция. 1969–1981. М.: Наука, 1984. 302 с.

Новиков Г. Н. Два этюда о де Голле и голлизме. Иркутск: Оттиск, 2001. 56 с.

[28] Le Figaro, 10 novembre 2000.

Ширак Ж. Франция и Россия // Международная жизнь. 1997. № 10. С. 51-57.
Baudouin J. “Gaullisme” et “chiraquisme”: reflexions autour d'un adultere. Le RPR // Pouvoirs. 1984. № 28. P. 53-66.
Boissieu de L. Querelles sur la pensée européenne de Charles de Gaulle // La Croix, 12 avril 2005.
Boissieu de L. Que reste-t-il du gaullisme // La Croix, 11 novembre 2006.
Chirac J. Déclaration sur l'accord pour une Constitution pour l'Europe. 19 juin 2004 [Электронный ресурс]: [сайт]. URL: http://www.elysee.fr/elysee/elysee.fr/francais/interventions/discours_et_declarations/2004/juin/juin_2004.12663.html (время доступа 15.02.2009).
Debré J.-L. Entretien dans La Croix // La Croix, 9 novembre 2006.
Debré M. La nouvelle Constitution // Revue française de science politique. 1959. Vol. 9. № 1. P. 7-29.
Discours de Nicolas Sarkozy au Congrès de l’UMP. 14 janvier 2007 [Электронный ресурс]: [сайт]. URL: http://www.u-m-p.org/site/index.php/ump/s_informer/ discours/le_congres_de_l_ump_le_14_janvier_2007 (время доступа 10.10.2008).
Discours du général de Gaulle à Bayeux (16 juin 1946) // Revue française de science politique. 1959. Vol. 9. № 1. P. 188-192.
Gaulle de Ch. Réorienter la construction européenne [Электронный ресурс]: [сайт]. URL: http://gaullisme.free.fr/GEIIAReorienter.htm (время доступа 12.02.2009).
Lachaise B. Le RPR et le gaullisme. Les infortunes d’une fidélité // Vingtième Siècle. Revue d'histoire. 1994. Vol. 44. № 1. P. 25-30.
L'Express, 8 mars 2009.
L'Express, 1 avril 2009.
Le Figaro, 10 novembre 2000.
Le Monde, 26 mars 2007.
Oulmont Ph. De Gaulle. Paris: Editions Le Cavalier Bleu, 2008. 126 p.
Projet UMP 2007. Contrat de législature. 2007–2012. Paris, 2007. 70 p.
Rémond R. La seconde mort du gaullisme // Le Nouvel Observateur, 19 septembre 2002.
Rémond R. Les droites en France. Paris: Editions Aubier-Montaigne, 1982. 544 p.
Rossi-Landi G. Mort du gaullisme? // La Lettre politique et parlementaire, 23 septembre 2002.
Schutze W. La France et l'OTAN // Politique étrangère. 1966. Vol. 31. № 2. P. 109-118.
Turquie: NON à l’adhésion, OUI au partenariat privilégié [Электронный ресурс]: [сайт]. URL: http://www.u-m-p.org/site/index.php/ump/debattre/dossiers/europe (время доступа 15.12.2008).

***Николай Иванович Пупыкин**, аспирант кафедры всеобщей истории исторического факультета Орловского государственного университета; nickset@mail.ru.*

С. М. Гаврилова

СОВРЕМЕННАЯ ИТАЛИЯ ГЛАЗАМИ РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ

Данная статья посвящена обзору исследований российских ученых, рассматривающих события политической жизни Итальянской Республики в 1991–2008 гг. В ней показаны основные тенденции российской историографии, касающиеся оценки событий, предшествующих переходу от Первой ко Второй Республике в Италии, а также причины этого перехода и последовавшие структурные изменения в политической, социальной и экономической сферах.

Ключевые слова: *республика, парламент, партийная система, экономика, интеграция, конституция, выборы, референдум*.

История Итальянской республики последнего десятилетия XX – начала XXI в. представляет собой уникальный процесс изменения политической структуры государства. При сохранении существующего государственного строя наблюдается его частичная трансформация: изменяется соотношение политических сил в стране. Спустя почти полвека после принятия Итальянской Конституции начинается чередование левых и правых политических сил у власти. Коррупционные скандалы приводят к обновлению политической элиты. Перемены, касающиеся властных структур, неизбежно приводят к последствиям экономического, культурного и социального характера; перед новыми политическими силами страны встают проблемы европейской интеграции, тесно связанные с внутриполитическим развитием.

Политические, экономические и социальные преобразования итальянского государства в рассматриваемый период находятся в центре внимания зарубежных исследователей. Рассмотрим подробнее посвященные этому периоду работы отечественных исследователей.

С 1990-х гг. начинаются переломные процессы в политическом развитии Италии. «Последние десятилетия Первой республики в Италии были отмечены глубоким кризисом политических институтов, погрязших в коррупции, интригах “партократии”, выхолащивающих демократическое содержание представительной системы»[1], — пишет К. Г. Холодковский. Важным моментом в политической истории Италии конца XX в., по мнению автора, становится реорганизация деятельности

[1] *Холодковский.* 1999. С. 4.

парламента: «Кампания против тайного голосования в 1988 году привела к реформе регламента палаты депутатов, что фактически положило начало преобразованиям всей политической системы, постепенному переходу от Первой республики ко Второй»[2]. В. П. Любин утверждает: «Италия вступила в полосу политической нестабильности, которую пыталась преодолеть в конце XX - начале XXI в. Трансформация, переходный этап от Первой ко Второй республике связаны с сущностным изменением итальянской демократии, приданием ей более совершенных форм»[3].

Большинство исследователей считают, что к кризису итальянской демократии привели как внутренние, так и внешние факторы, в том числе падение «режимов так называемого реального социализма в Восточной Европе»[4]. Многие ученые считают крушение СССР одним из ключевых моментов перехода ко Второй республике в Италии. Так, Н. П. Комолова отмечает, что «важным катализатором политических сдвигов в Италии стал тот цивилизационный слом, который произошел во второй половине 80-х и в 90-е гг. в России»[5].

Относительно перестройки политической системы Италии И. В. Григорьева замечает: «В последнее десятилетие XX в. страна вступила под знаком кризиса, затронувшего не только отдельные политические институты (парламент, партии), но самые основы ее государственного устройства, оформленного республиканской конституцией 1947 г. Стало распространяться утверждение о начавшемся переходе от Первой Республики ко Второй»[6]. Начинают происходить изменения в партийной системе: традиционные партии Италии вступают в полосу кризиса, меняется их структура. Так, к 1991 г. перестала существовать в прежней форме вторая по политическому весу партия Италии — Итальянская коммунистическая партия (ИКП), а с ее уходом изменилась и вся политическая система Первой республики. В. П. Любин полагает, что «с изменением курса ИКП рухнула скреплявшая итальянскую партийно-политическую систему подпорка в виде антикоммунизма»[7].

---

[2] *Холодковский.* 1997. С. 158.

[3] *Любин.* 2007в. С. 418.

[4] См., например: *Любин.*1999б. С. 105.

[5] *Комолова.* 2000. С. 211.

[6] *Григорьева.* 2006. С. 232.

[7] *Любин*. 2007в. С. 436. Ю. П. Лисовский пишет, что «кризис этой противоречивой и шаткой политической системы не повлек за собой, как можно было ожидать, победы и торжества традиционных оппонентов коммунизма, которых объединяла и сплачивала враждебность к общему противнику». — *Яхимович, Григорьева, Лисовский, Любин, Павлова*. 1997. С. 46.

К. Г. Холодковский отмечает, что «“фактор К” (коммунистический характер оппозиции) препятствовал эффективной политической конкуренции, обновлению правящей элиты и политического курса, ограничивал круг государственных деятелей и высших чиновников одними и теми же лицами в течение многих лет»[8]. Действительно, с исчезновением «коммунистической угрозы» ситуация оказалась разблокированной, но большинство исследователей связывают крах партийно-политической системы в Италии именно с уходом с политической арены ИКП, считая идеи антикоммунизма связующим звеном всей системы. И. В. Григорьева подчеркивает, что «к началу 90-х годов роль ХДП как постоянного противовеса коммунистам оказалась исчерпанной — как потому, что ИКП в ее прежнем виде перестала существовать, так и в силу кардинальных изменений международной ситуации (распад СССР и конец “холодной войны”). В этих условиях ХДП лишалась защитного барьера, ограждавшего ее от расплаты за коррупцию, связи с преступным миром и другие последствия, по существу, монопольного распоряжения властью»[9].

Преобразования политической системы в Италии происходят в несколько этапов. В. П. Любин пишет о том, что итальянские историки выделяют три фазы трансформации прежней и возникновения новой системы в Италии в 1990-е гг. и в начале XXI в. «Первая фаза началась с распада прежней системы в конце 80-х годов и продолжалась до парламентских выборов 1992 г. В тот период на политической арене появились и закрепились силы наподобие Лиги Севера. Вторая фаза (1992-1994) связана с операцией “Чистые руки”, когда выяснилось, насколько политический класс коррумпирован. Тогда же была распущена опорная партия прежней системы (ХДП) и произошел ее окончательный распад. Третья фаза знаменовалась возникновением и консолидацией новой партийной системы»[10]. Автор указывает на то, что «начальной датой перехода от Первой ко Второй республике одни считают начавшееся весной 1992 г. преследование политиков-коррупционеров. Другие ведут отсчет с образования весной 1993 г. первого правительства технократов во главе с Карло Адзелио Чампи»[11]. Российские ученые называют и другие даты. По-видимому, можно говорить лишь об этапах перехода, связанных с определенными политическими событиями.

В 1991 г. начинает осуществляться реформа избирательной системы, касавшаяся и парламентских, и местных выборов. Согласно рефор-

---

[8] *Холодковский.* 1999. С. 15.
[9] *Григорьева.* 2006. С. 232.
[10] *Любин*. 2007в. С. 434.
[11] Там же. С. 440.

ме, по пропорциональной системе избиралась теперь лишь четверть депутатов, остальные места распределялись по мажоритарной системе в одномандатных округах. М. Д. Диманс так пишет, что реформа избирательной системы была проведена «в попытках устранения чрезмерной фрагментации политической системы»[12]. Фактически, новая система предопределила соотношение сил на политической арене Италии и чередование коалиций у власти в последующие годы.

Парламентские выборы 1992 г., прошедшие по старой системе голосования, не зафиксировали существенных изменений в расстановке сил: Христианско-демократическая партия (ХДП) набрала 29,7% голосов, Демократическая партия левых сил (ДПЛС) и Партия коммунистического воссоздания (КВ) — наследницы ИКП — 16,1% и 5,6% соответственно. Тем не менее, В. П. Любин утверждает, что «главным результатом выборов можно считать крах функционировавшей на протяжении почти полувекового периода старой партийно-политической системы»[13]. В. П. Любин и Ю. П. Лисовский пишут также, что итоги этих выборов «свидетельствовали об утрате доверия избирателей к традиционным политическим партиям (эта тенденция выявилась уже в ходе выборов и многочисленных референдумов 80-х годов)»[14]. Весной 1992 г. премьер-министром страны становится социалист Джулиано Амато. Менее чем через год его сменяет кабинет Карло Адзелио Чампи.

В 1990-х гг. в стране состоялись важные референдумы, главный из которых касался изменений в избирательной системе, введения мажоритарного (взамен пропорционального) голосования. Его исход (83% “за”) вынудил кабинет Амато уйти в отставку. «Начался период переходных правительств, первым из которых стал кабинет Чампи»[15]. И. Б. Левин подчеркивает, что теперь «гарантии незыблемости Основного закона стали призрачными, ибо то большинство, которое требуется для его пересмотра (и которое так трудно было собрать при пропорциональной системе) теперь оказалось легко достижимым»[16].

Референдумы, касающиеся реорганизации правил формирования парламентских палат проводились в Италии в 1991 и 1993 гг. В 1993 г. большинство граждан проголосовало за изменение правил выборов в сенат. В. П. Любин считает, что «пришедшее на смену правительству Амато правительство технократа Чампи было создано главным образом

---

[12] *Диманс.* 1999. С. 21.
[13] *Любин.* 1997б. С. 37.
[14] *Лисовский, Любин.* 1996. С. 51.
[15] *Любин.* 2007в. С. 418.
[16] *Левин.* 2001а. С. 57.

для того, чтобы помочь президенту страны подготовить в короткий срок новый избирательный закон, регулирующий выборы, в том числе и в Палату депутатов»[17]. Согласно новому закону, принятому в августе 1993 г., сенат избирался на региональной основе. «Изменения коснулись механизмов голосования и распределения мест в сенате и палате депутатов, критериев формирования списка кандидатов... Они затронули и такие важные моменты, как порядок определения мест в одномандатных округах, способ занятия освободившихся мест, границы избирательных округов»[18]. Закон 1993 г., как замечает А. Г. Антонос, также отменил государственное финансирование партий, а «для контроля отчетов по расходам партий, движений, списков и групп кандидатов был создан специальный орган»[19]. Изменения в структуре государственных и партийный органов фактически стали следствием антикоррупционных кампаний, о которых следует сказать подробнее.

Поворотным моментом для истории Первой республики, и с этим согласны все исследователи, стало проведение операции «Чистые руки» под руководством следователя Антонио Ди Пьетро. Операция выявила разветвленную систему коррупционных связей представителей политической элиты и крупного бизнеса с преступным миром: «тесное переплетение мафиозной деятельности с коррупцией высших эшелонов политической власти в Италии стало знамением времени <...>, дело приобретало общенациональный масштаб»[20]. Разоблачения затронули в первую очередь ХДП и ИСП, поскольку обе долгое время имели доступ к высшим эшелонам власти[21]. «Партии правительственного лагеря теряли почву под ногами, раскалывались на мелкие группы и исчезали с политической сцены»[22], — пишет И. В. Григорьева. В. П. Любин и Ю. П. Лисовский полагают, что «в Италии глобальные и устрашающие размеры приобрело развитие коррупции в гипертрофированных бюрократических структурах и рост организованной преступности. Коррупция такого масштаба способна парализовать любые государственные системы управления и любые реформы»[23]. Итогом операции стали аресты многих крупных предпринимателей, государственных чиновников,

---

[17] *Любин.* 1997а. С. 27.

[18] Там же. С. 28.

[19] *Антонос.* 2004. С. 90.

[20] *Лисовский.* 1997. С. 52-53.

[21] В. П. Любин считает, что «фактически, деньги получали и правившие партии, и оппозиционные». — *Любин*. 2007в. С. 414-415.

[22] *Григорьева*. 2006. С. 233.

[23] *Лисовский, Любин.* 1996. С. 62.

политических деятелей различного уровня (члены парламента пользовались иммунитетом и аресту не подлежали), четверых бывших премьер-министров. В. П. Любин подчеркивает, что «анализ причин краха Первой республики не может проводиться без обращения к вопросу о финансировании системы итальянских партий»[24], тесно связанной с разоблачениями кампании «Чистые руки». И. Б. Левин заявляет: «кампания разоблачений обернулась подлинным политическим землетрясением, обрушившим всю партийно-политическую конструкцию предыдущего полувека и похоронившим под ее руинами главные правительственные партии, ХДП и ИСП»[25]. Таким образом, операция «Чистые руки» стала одной из основных вех в процессе перехода от Первой республики в Италии ко Второй.

Теперь остановимся на изменениях в политической структуре Итальянской республики. Параллельно с уходом традиционных партий, начинают появляться и новые политические организации. Самой заметной из них стала партия медиамагната Сильвио Берлускони «Вперед, Италия» (ВИ). К активной политической деятельности переходят такие организации как региональная партия Лига Севера и неофашистский Национальный альянс (НА). Г. А. Антонос пишет: «после периода громких скандалов и почти полной политической дестабилизации произошла перегруппировка политических сил, и наступило некоторое политическое равновесие: главные и второстепенные действующие силы итальянской политической сцены определились, и появилась потребность в большей стабильности»[26].

Парламентские выборы 1994 г. принесли победу правому блоку (ВИ — НА — Лига Севера) «Полюс свободы», получившему 43% голосов. Согласно новой избирательной системе правый блок получил 58% мест в парламенте. Премьер-министром нового правительства становится лидер ВИ С. Берлускони. Примечательно, что неофашисты собирают 13% голосов избирателей, и это «был знак уже явно патологической реакции на переживаемые обществом потрясения»[27]. С. В. Карпов также считает, что «успех на выборах не мог быть достигнут без переворота в массовом сознании, коренного изменения отношения итальянцев к этой партии»[28]. Раздробленная ХДП в общей сложности набрала

---

[24] *Любин.* 1997а. С. 22.
[25] *Левин.* 2001а. *С.* 53.
[26] *Антонос*. 2004. С. 90-91.
[27] *Левин.* 1995. № 2. С. 49.
[28] *Карпов, Любин.* 2004. С. 134.

около 15% голосов, а левые партии собрали больше голосов, чем на предыдущих выборах (ДПЛС — 20,4%, КВ —6%). ИСП и ДПЛС, объединившись в Альянс прогресса, получили в итоге незначительное число мест в парламенте. В. П. Любин в связи с этим отмечает, что «обновленные левые силы, учитывая накопленный ранее исторический опыт рабочего, коммунистического и социалистического движения, должны по-новому подходить к проблеме завоевания политической власти»[29].

Мелкие традиционные партии, занимавшие место в центре партийной системы Итальянской республики (Республиканская, Либеральная, Социал-демократическая), по итогам выборов в парламент не прошли. Как замечает И. В. Григорьева, «главным итогом стало то, что впервые за время существования республики к власти пришла коалиция правых сил»[30]. Относительно результатов выборов 1994 г. для левых партий И. Б. Левин пишет: «исход голосования выявил как минимум два просчета левых. Во-первых, они недооценили эффект масмедийных политтехнологий, пущенных в ход Берлускони в поддержку своей партии. Во-вторых, стало очевидно, что для победы на выборах уже недостаточно избирательного блока, составленного путем присоединения к главной силе — ДПЛС — “младших партнеров”, отобранных по критерию политической “совместимости”»[31].

В. П. Любин считает, что «преимущественное голосование итальянских избирателей за правые партии можно объяснить, прежде всего, психологическими, социальными и экономическими причинами». Он отмечает, что «выборы 1994 г. и приход к власти правых сил означали несомненный шаг вперед в дальнейшем развитии процесса перехода от Первой ко Второй республике. Правые партии стали такой же признанной частью политического истэблишмента страны, как и традиционные партии»[32]. И. Б. Левин считает, что именно после выборов 1994 г. «одна эпоха кончилась, началась другая: Первая республика в Италии умерла — родилась Вторая»[33]. Ю. А. Вялков также отмечает, что «выборы 1994 г. по новому избирательному закону ознаменовали начало перехода Италии к новой партийно-политической системе»[34].

---

[29] *Любин.* 1999а. № 7. С. 100.

[30] *Григорьева.* 2006. С. 234. В. П. Гайдук также подчеркивает, что «в конце марта 1994 г. итальянцы впервые в истории республики избрали парламент с абсолютным большинством правых партий». — *Гайдук.* 1998. С. 267.

[31] *Левин*. 2001а. С. 53.

[32] *Любин.* 1997а. С. 38.

[33] *Левин*. 1995. С. 44.

[34] *Вялков.* 2004. С. 119.

Правительство Берлускони просуществовало всего 7 месяцев и в декабре 1994 г. ушло в отставку. Причиной тому послужили невыполненные предвыборные обещания, попытка проведения пенсионной реформы, вызвавшая массовые протесты, и распад правительственной коалиции: под воздействием внутренних разногласий из нее выходит Лига Севера. И. Б. Левин обращает внимание на то, что «центральной проблемой итальянской экономики (да и политики тоже) был государственный долг <...>, решая эту проблему Берлускони начал с сокращения “непроизводительных расходов”, выбрав в качестве объекта пенсионную реформу, но, получив в ответ всеобщую забастовку, тут же отступил»[35]. С конца 1994 г. до парламентских выборов апреля 1996 г., прошедших досрочно, во главе «технического правительства», состоявшего из беспартийных специалистов, стоял Ламберто Дини, занимавший ранее пост министра иностранных дел.

Парламентские выборы 1996 г. принесли успех коалиции левых сил «Олива», объединившей ДПЛС и левых католиков во главе с Романо Проди. Однако разрыв между правыми и левыми составил всего 1,3% (43,4% у левых и 42,1% у коалиции правых). При этом Лига Севера, не присоединившаяся к союзу «Вперед, Италия» и Национального Альянса, набрала 10,1% голосов. Таким образом, налицо был парадоксальный перекос симпатий избирателей вправо. И. Б. Левин отмечает: «становится очевидным, что левые силы в Италии могут демократически прийти к власти лишь в союзе с другими, центристскими политическими силами»[36]. В. П. Любин относительно итогов выборов пишет: «ситуация в стране качественно поменялась, когда правые оказались в меньшинстве после парламентских выборов апреля 1996 г. <...> была сразу же сделана заявка на широкое представительство в объединении "Олива" разнообразных политических направлений»[37].

Приход к власти левых оценивается в литературе как весьма значительный поворот в развитии политической ситуации в Италии в переходный период. В. П. Любин пишет: «так, бывшие коммунисты после постоянного пребывания в оппозиции, наконец, оказались у власти на национальном уровне <...>. Этот факт был расценен как коренная перемена в итальянской политической жизни, дальнейший шаг на пути процесса перехода, трансформации современного итальянского государства

---

[35] *Левин*. 1995. С. 55. В. П. Любин также пишет о том, что «предложенные правой коалицией методы лечения больной экономики за счет уменьшения расходов в социальной сфере не встретили поддержки у населения». — *Любин.* 1997а. С. 32.

[36] *Левин*. 2001в. С. 435.

[37] *Любин.* 1997а. С. 164-165.

из “Первой” во “Вторую” республику»[38]. Таким образом, автор, говорит о начале Второй республики после выборов 1996 г., в отличие от своих коллег, называющих 1994 год. И. Б. Левин пишет, что «факт прихода к власти левых воспринимался как “исторический поворот”, <...> позитивной была реакция рынков, наиболее влиятельная часть экономических кругов делала ставку именно на левых»[39]. Таким образом, правительство левых могло опираться на различные группы общества. И. В. Григорьева, однако, обращает внимание на то, что «переход правительственной власти к блоку “Олива” не означал принципиальных изменений во внутриполитическом курсе — в частности, в сфере экономической и социальной политики»[40]. Как считает В. П. Гайдук, «новое правительство не преминуло выдвинуть в качестве приоритетной задачу, требующую безотлагательного решения, — поднять уровень присутствия Италии в Европе»[41]. Рассмотрим подробнее этот вопрос.

В 1993 г. Италия присоединяется к Маастрихтскому договору. И. Г. Животовская подчеркивает, что «экономическое развитие Италии в 90-е годы <...> определялось “европейскими вызовами” и необходимостью соответствовать требованиям Маастрихтского договора. Для Италии было принципиально важным стать полноправным членом Экономического и валютного союза (ЭВС) и перейти на единую европейскую валюту <...>, в противном случае, она рисковала потерять свое влияние на европейской арене, а также экономические преимущества от европейской интеграции»[42]. Эти внешнеполитические задачи во многом определили дальнейший курс левого правительства.

Присоединение к Маастрихтскому договору возлагало на страну ряд серьезных обязательств, связанных с сокращением государственного регулирования экономики, необходимостью снижения государственного долга и дефицита бюджета. В связи с этим начинают возникать проблемы социального характера: курс на жесткую экономию был несовместим с широкими социальными льготами государства. Попытки правительства сократить социальное обеспечение натолкнулись на широкое сопротивление. «Провести действительно необходимые преобразования в социальной сфере, — пишет И. В. Григорьева, — можно было лишь путем согласования различных позиций, поисков компромисса — и именно такой линии старались придерживаться левые силы как до,

[38] Там же. С. 166.
[39] *Левин.* 2001а. С. 55.
[40] *Григорьева.* 2006. С. 236.
[41] *Гайдук.* 1998. С. 268.
[42] *Животовская.* 2004. С. 30-31.

так и после того, как они стали участвовать в правительстве»[43]. Еще в 1992 г., по соглашению профсоюзов, Конфедерации промышленников и правительства, была отменена подвижная шкала заработной платы. О. Н. Барабанов указывает на то, что «жесткая налоговая и финансовая политика левых привела к заметному падению популярности правительства Проди, в том числе и среди левых социальных слоев. Помимо этого, правительство столкнулось с жесткой оппозицией своему курсу как справа, так и слева»[44]. Он также акцентирует внимание на том, что «итальянские события 1996-1998 гг. могут быть рассмотрены как весьма характерный пример адаптации экономики и политики конкретного государства к изменившимся международным требованиям»[45].

В 1996 г. в качестве одной из мер оздоровления экономики с целью вступить в «зону евро» вводится специальный евроналог, который сыграл положительную роль в выравнивании дефицита бюджета. Помимо экономических препятствий вступлению Италии в «зону евро», сложности существовали, в сфере «оптимизации регионального финансового управления; <...> не менее важной проблемой являлась недостаточная координация действий между ключевыми министерствами»[46]. И. Б. Левин считает, что «переход на единую валюту был вызовом европейской интеграции и означал более серьезное, чем любое предыдущее, умаление национального суверенитета», и обращает внимание на положительные результаты финансовой политики левых в противовес деятельности правого правительства: «Левоцентристская коалиция “Олива”, опиравшаяся отчасти на поддержку крупных промышленных компаний, <...> исходила из стратегических выгод, которые давал Италии переход на евро в числе передовой группы стран ЕС. Именно эта линия, в конечном счете, одержала верх и в дальнейшем стала восприниматься как главный успех, который левоцентристская коалиция ставила себе в заслугу»[47].

Острой проблемой в 90-е гг. становится для Италии массовая, часто нелегальная, иммиграция из развивающихся стран. Правительственный курс в этом вопросе был сформулирован как «открытые двери для тех, кто прибыл, чтобы трудиться, и суровая рука для тех, кто едет, чтобы преступить закон»[48]. В 1997-98 гг. Палата депутатов и Сенат принимают новый закон об иммиграции, который ужесточил нормы в отно-

---

[43] *Григорьева.* 2006. С. 236.
[44] *Барабанов.* 2002. С. 69.
[45] Там же. С. 74.
[46] Там же. С. 90.
[47] *Левин.* 2004/2005. № 4 (10). С. 95, 105.
[48] Цит. по: *Григорьева.* 2006. С. 237.

шении нелегальных иммигрантов и существенно расширил компетенции местных органов управления. И. Б. Левин отмечает: «складывалась чрезвычайно противоречивая ситуация. С одной стороны, национальная экономика и общество испытывали потребность в расширении иммиграции, <...> с другой, наплыв чужестранцев вызывал раздражение, рост ксенофобии, питавшей популярность правоцентристской оппозиции»[49].

О. Н. Барабанов вполне справедливо указывает на то, что «масштабность и укорененность в итальянском обществе всех этих проблем (социальных, финансовых, иммиграционных — С. *Г.*) усложняли работу кабинета Проди по оздоровлению финансово-экономической системы. Поэтому большим успехом правительства следует считать включение Италии в ЭВС с самого начала. Этот успех воспринимается еще более серьезно, поскольку “борьба за ЕВРО”, приведшая к серьезной перестройке и экономики, и общественного мнения в стране, была вызвана, прежде всего, внешними причинами и вызовами. Пожалуй, именно преобразования 1996-98 гг. впервые так прочно закрепили в Италии представления о необходимости соответствия внутренней политики государства вызовам современного мира, а не противодействия им»[50].

Как отмечает В. П. Любин, важным моментом стало то, что «в итоге победы на парламентских выборах 1996 г. коалиции левых сил ситуация в стране изменилась, и обозначилась тенденция воссоединения всех политических группировок социалистической ориентации»[51]. При этом главным достижением левых автор считает «тот факт, что коалиционному правительству Проди при парламентской поддержке других политических сил удавалось находить путь посередине между суровой необходимостью экономии и удовлетворением социальных нужд»[52]. И. Б. Левин считает, что «левые стали жертвами результативности собственной политики, затронувшей некоторые болевые точки национальной идентичности <...>, попытки левого центра упорядочить социальное государство и повысить его эффективность с помощью рыночных механизмов повлекли за собой скорее разочарование и недовольство масс»[53].

Важным моментом политического развития Италии стало образование в 1997 г. с целью пересмотра Основного закона специальной Двухпалатной комиссии (Бикамерале), деятельность которой, однако, не принесла серьезных результатов. Комиссия представила проект новой

---

[49] *Левин*. 2001а. С. 61.
[50] *Барабанов*. 2002. С. 120.
[51] *Любин.* 1998. С. 155.
[52] *Любин*. 1997а. С. 35.
[53] *Левин*. 2001а. С. 66.

Конституции (в неприкосновенности оставались демократические и социальные основы государства, но изменялось его устройство: вводился принцип федерализма, должность президента становилась всенародно выборной, ужесточались условия проведения референдумов), который «был позитивно оценен обществом как реальный шанс разрешения проблем итальянской демократии»[54]. И. Б. Левин пишет, что «очевидно было четкое намерение сделать более действенной и прочной исполнительную ветвь власти»[55]. Представленный комиссией проект предусматривал переход от парламентской республики к президентской, уменьшение числа членов палат парламента, более четкое разграничение функций палаты депутатов и сената, внесение элементов федерализма в государственную структуру. Проект не был принят из-за отказа партии «Вперед, Италия» от сотрудничества с левыми при его обсуждении в палате депутатов и низкой явки избирателей на назначенный по этому поводу референдум. В связи с этим И. В. Григорьева замечает: «судьба конституционной реформы в Италии свидетельствует о том, что процесс перехода от Первой республики ко Второй не может к началу XXI в. считаться завершенным. В то же время примечательно, что избиратели проявили слабый интерес к референдуму относительно пересмотра конституции. Такая политическая пассивность — немаловажный симптом настроений, распространившихся в обществе»[56].

В октябре 1998 г. правительство Проди получает вотум недоверия при обсуждении проекта бюджета в парламенте и уходит в отставку. Новый кабинет возглавляет один из лидеров левых демократов Массимо Д'Алема. Как отмечает И. В. Григорьева, «правление блока "Олива" вызывало нараставшее разочарование избирателей, что проявилось на проходивших в конце 90-х годов муниципальных и провинциальных, а весной 2000 г. — областных выборах. Левые проигрывали повсюду»[57]. И. Б. Левин пишет о том, что «левый центр не смог избежать типичной — для итальянской политической традиции — частой смены министерств, хотя и мог продержаться у власти все пять лет, от выборов до выборов — правда, ценой все большего смещения оси внутреннего равновесия коалиции вправо»[58]. В результате Д'Алема вынужден был уйти в отставку, и правительство возглавил социалист Джулиано Амато. И. Б. Левин отмечает, что «блок "Олива", состоявший в момент прихода

[54] Там же. С. 59.
[55] *Левин.* 2001б. С. 333.
[56] *Григорьева*. 2006. С. 239.
[57] Там же. С. 240.
[58] *Левин*. 2001в. С. 445.

к власти из семи политических организаций, в результате расколов и размежеваний к концу легислатуры насчитывал уже вдвое больше субъектов. Это и послужило одной из причин, предопределивших поражение левоцентристов на выборах 2001 г.»[59].

«Начало XXI века, — пишет З. П. Яхимович, — ознаменовалось новым всплеском дискуссий о путях сохранения целостности итальянского государства, о судьбах и перспективах нации и о новых формах национальной идентичности. Переход к федерализму оказался сопряжен с бурным ростом сепаратистских, местнических настроений как на Севере, так и в других регионах»[60]. В результате парламентских выборов 2001 г. у власти вновь оказывается правая коалиция «Дом свобод» во главе с Берлускони (45,4% голосов против 43,7% у «Оливы»). По сравнению с предыдущими выборами партия Левые демократы потеряла 4,5% голосов избирателей, политика «Оливы» вызвала противоречивые последствия. А. И. Моргунова отмечает, что «“Левые демократы” получили на выборах 2001 г. самое низкое число голосов в своей политической жизни»[61]. «Одной из причин неудачи на выборах стало неприятие осуществляемой правящей коалицией конституционной реформы»[62], — заключает В. П. Любин.

Кабинет Берлускони, переформированный весной 2005 г. в результате неудачи на местных выборах, просуществовал в итоге весь период легислатуры (до 2006 г.). И. Б. Левин замечает, что «летом 2004 г. правительство Берлускони побило рекорд продолжительности пребывания у власти, но одновременно потерпело поражение на “европейских” и муниципальных выборах»[63]. Он считает, что «уже после первых двух лет господства “Дома свобод” наметилась тенденция к сокращению его электоральной поддержки»[64]. В период правления Берлускони существенно активизируются тенденции федерализма, осуществляются попытки передачи ряда властных полномочий из центра на места. В. П. Любин указывает на то, что «на рубеже веков в Италии на смену концепции децентрализации пришла концепция федерализации. Принимались новые законы, изменяющие конституционные основы государства»[65]. Курс кабинета Берлускони встретил мощное сопротивление оппозиции левых.

---

[59] *Левин*. 2004/2005. С. 107.
[60] *Яхимович.* 2004. С. 23.
[61] *Моргунова*. 2004. С. 149.
[62] *Любин*. 2006. № 3. С. 89.
[63] *Левин.* 2004/2005. С. 112.
[64] *Левин.* 2007. С. 267.
[65] *Любин*. 2006. С. 88-89.

Закон о федерализации страны в 2005 г., пройдя через палату депутатов и сенат, вступает в силу, однако, левая оппозиция объявила его «шагом назад». «Вопрос о федерализации страны стал острейшей темой политической борьбы двух противостоящих блоков»[66].

Ряд реформ, проведенных правительством Берлускони, затронул разные социальные слои. Жесткие меры в экономике и социальной сфере встречали резкий протест: частыми становятся забастовки и манифестации. В 2001 г. в силу вступает конституционная реформа, инициированная еще левым правительством, а в 2002 г. регионы получают компетенцию законодательства в сфере образования, здравоохранения и охраны общественного порядка. В. П. Любин положительно оценивает действия правительства в этой области, считая, что «с помощью нового регионализма удается преодолеть прежние государственные рубежи, содействуя восстановлению общности соседних территорий...»[67].

В 2005 г. правительство проводит через парламент закон о новых правилах выборов, согласно которому полумажоритарная система заменялась на ранее практиковавшуюся пропорциональную. Весьма противоречивую реакцию вызвала отмена правительственным законом налога на наследство и экономическая «амнистия» (легализация утаенных состояний, льготные условия для возврата капиталов в страну). В июле 2002 г. был принят «закон Босси – Фини», регулирующий вопросы иммиграции, согласно которому вводилось обязательное сотрудничество на государственном уровне со странами, из которых в Италию идет поток иммигрантов. В. П. Любин подчеркивает, что «лидер ВИ был занят внешнеэкономическими проблемами, формированием госбюджета, предоставлением большей автономии регионам, радикальной конституционной реформой, в процессе которой предполагается превратить Италию в президентскую республику по голлистскому образцу»[68].

Парламентские выборы 2006 г. приносят победу левому блоку «Союз», главными участниками которого становятся Левые демократы, Европейские республиканцы и партия «Ромашка». В. П. Любин отмечает, что «коалиция изначально являлась довольно рыхлой»[69]. Число избирателей партии Берлускони снижается почти на 6%, и «Союз» получает в палате депутатов незначительное большинство. Однако И. Б. Левин считает, что «победа левых происходит с таким ничтожно малым перевесом — менее 25 тыс. голосов (0,07%), что впору говорить

---

[66] Там же. С. 90.
[67] *Любин.* 2004б. С. 62.
[68] *Любин.* 2004а. С. 109.
[69] *Любин*. 2006. С. 87.

не о победе, а “ничьей”»[70]. Результаты выборов большинство ученых объясняет тем, что оба блока — правый и левый — совершили ряд тактических просчетов. Так, союзники Берлускони, не рассчитывая на победу, дистанцировались от своего лидера, а участники левой коалиции старались в преддверии победы выдвинуться в качестве лидера. Сыграла свою роль и новая избирательная система. «Против авторов избирательной реформы (правых — С. *Г.*) обернулись два введенных ими новшества: принцип “премии большинству” и предоставление права голоса зарубежным соотечественникам»[71].

В том же 2006 г. президентом страны был избран один из бывших руководителей ИКП Джорджо Наполитано. В июне был проведен референдум по конституционной реформе, содержащей поправки к Основному закону, центральной из которых была та, «которая значительно расширяла автономию областей в вопросах организации образования, здравоохранения и — особенно — охраны порядка, <...> сепаратисты из “Лиги Севера” рассматривали ее как первый шаг к образованию отдельного от остальной Италии государства — Падании — из шести северных областей»[72]. Большинством в 62% голосов закон был отвергнут.

Важным моментом в развитии политической ситуации в Италии в начале XXI в. становится нарастающее ухудшение экономического положения страны. И. Б. Левин считает, что «политическое представительство экономических интересов ныне определяется соображениями выгоды, и второй приход левого правительства на смену правому — лучшее тому подтверждение <...>, итог минувшего политико-электорального цикла свидетельствует, вместе с тем, что процесс перехода от Первой республике ко Второй далеко не завершен»[73]. В данном вопросе автор противоречит ранее высказанной им точке зрения о том, что переход ко Второй республике в Италии произошел еще в 1994 г.

В сложившейся в начале XXI в. в Италии политической ситуации, дальнейшее развитие институтов Второй республики, осложняется, по мнению З. П. Яхимович, позициями правого блока: «правый центр претендует на роль защитника либеральных и демократических ценностей, европеизма и неоатлантизма и стремится внедрить эту позицию через средства массовой информации и систему образования, отказывая своим оппонентам в праве отстаивать их воззрения»[74]. При этом левоцен-

[70] *Левин*. 2007. С. 268.
[71] Там же. С. 270.
[72] Там же. С. 268.
[73] *Левин.* 2007. *С.* 276.
[74] *Яхимович.* 2004. С. 13.

тристы «ведут поиск новой стратегии, способной сочетать императивы глобализации и модернизации с защитой гуманистических, демократических и общецивилизационных ценностей»[75]. И. Б. Левин в 2007 г. считал, что «даже наталкиваясь на постоянные обструкции в парламенте, кабинет левого центра имеет лучшие, чем принято считать, шансы продержаться и принести пользу стране; помимо всего прочего, ближайшие три года в Италии обещаю быть “электорально спокойными”»[76]. Однако события 2008 г. — победа на внеочередных парламентских выборах правого блока — свидетельствуют об обратном.

Согласимся с тем, что «на рубеже веков в Италии в отличие от аномальной партийной системы периода Первой республики, утвердилась, хотя и неустойчивая, двухблоковая система, партии объединены в правую и левую коалицию»[77]. При этом «хотя основные политические силы и оказались сгруппированы в двух объединениях — правом и левом, тем не менее, в партийный спектр, представленный в парламентских структурах и в органах местной власти, входят вместо полутора десятков партий в период Первой республики теперь уже более двух десятков партий и движений. В завершающее десятилетие XX в. левые пытались перестроиться и создать блок с партиями центра. Противоположный правый блок тоже пытался создать устойчивое правоцентристское большинство. Эти процессы протекали в контексте биполяризации партийной системы»[78]. И. Б. Левин считает, что «важность перемен невозможно приуменьшить. В Италии наконец-то возникла равновесная политическая система. На месте прекратившего существование расплывчатого центра (ХДП) обозначились два противостоящих друг другу блока — правый и левый, — вроде бы легитимно претендующие на власть; после полувекового бездействия заработал механизм ротации политических сил у власти, <...> возросла устойчивость правительств»[79]. При этом «из пепла Первой республики странным образом воскресало довольно точное подобие все той же “республики партий”»[80].

Итак, в работах российских исследователей, посвященных истории современной Италии, переходному периоду от Первой ко Второй республике уделяется особое внимание. Одни ученые сходятся во мнении, что именно итоги парламентских выборов 1994 г. и приход к власти

---

[75] Там же. С. 22.
[76] *Левин*. 2006. С. 63.
[77] *Любин*. 2007в. С. 460.
[78] *Любин.* 2006. С. 85-86.
[79] *Левин*. 2006. С. 60.
[80] *Левин*. 2001б. С. 339.

правой коалиции являются рубежом перехода ко Второй республике, другие считают, что это происходит в 1996 г. Большинство исследователей приходят к убеждению, что, несмотря на значительные прогрессивные изменения в партийно-политической системе Италии в 90-е годы (чередование правых и левых коалиций у власти, привнесение элементов федерализма в государственное устройство, проекты конституционной реформы и реформирование избирательных законов), процесс перехода ко Второй республике еще не завершен, и политическая система до сих пор не является подлинно демократической.

В заключение согласимся с В. П. Любиным в том, что «ранее почти не было исследований, посвященных переходу от одного типа демократии к другому из-за недостатка подобного исторического опыта. Тому, что происходит в Италии, можно найти лишь некоторое соответствие во Франции, а именно переход от Четвертой к Пятой республике»[81]. Опыт Италии является уникальным.

БИБЛИОГРАФИЯ

Антонос Г. А. Парламентские выборы и финансирование партий (обзор) // Современная Италия: сборник обзоров и рефератов. Москва: Центр научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем ИНИОН, 2004. С. 79-93.

Барабанов О. Н. Италия после Холодной войны: от «средней державы» к «миру протагонистов». Москва: РОССПЭН, 2002.

Вялков Ю. А. Лига Севера: проекты отделения Севера от Юга (обзор) // Современная Италия: сборник обзоров и рефератов. Москва: Центр научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем ИНИОН, 2004. С. 112-126.

Гайдук В. П. Россия и Италия в переходный период (90-е годы) // Россия и Италия. Вып. 3. Москва: Наука, 1998. С. 264-275.

Григорьева И. В. Италия в XX веке. М.: Дрофа, 2006.

Диманс Д. М. Будущее демократии и перспективы многопартийности в Европе // Политические партии Европы: стратегия и тактика в период между выборами. М. ИНИОН РАН, 1999. С. 12-23.

Животовская И. Г. Экономика Италии (обзор) // Современная Италия: сборник обзоров и рефератов. Москва: Центр научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем ИНИОН, 2004. С. 26-42.

Карпов С. В., Любин В. П. Эволюция неофашистов: Национальный альянс // Современная Италия: сборник обзоров и рефератов. Москва: Центр научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем ИНИОН, 2004. С. 127-140.

[81] *Любин.* 2007в. С. 440-441.

Комолова Н. П. Италия в поисках новой демократической альтернативы // Политика и власть в Западной Европе XX в. Москва: ИВИ РАН, 2000. С. 186-211.

Левин И. Б. Италия в поисках национальной идентичности // Космополис. М., Зима 2004/2005. № 4 (10). С. 93-113.

Левин И. Б. Италия: в чью пользу электоральная ничья? // Год планеты. М., 2007. С. 267-280.

Левин И. Б. Италия и «третий путь» (уроки «оливкового пятилетия» в Италии) // Социал-демократия Запада перед вызовами современности. Сборник статей. Москва: Институт мировой экономики и международных отношений РАН, 2001а. С. 49-70.

Левин И. Б. Италия: пейзаж после битвы // Мировая экономика и международные отношения. Москва, 2006. № 12. С. 53-63.

Левин И. Б. Италия после Первой республики // Политические институты на рубеже тысячелетий. Дубна: Феникс+, 2001б. С. 330-357.

Левин И. Б. Первое «пятилетие левых» в Италии // Левые в Европе. Москва: ИВИ РАН, 2001в. С. 426-463.

Левин И. Б. Размышления об итальянском кризисе // Полис. Проблемно-тематический сборник. Москва, ИНИОН РАН 1995. № 2. С. 44-56.

Лисовский Ю. П. Терроризм в Италии // Актуальные проблемы Европы: проблемы терроризма. Проблемно-тематический сборник. Москва: ИНИОН, 1997. С. 34-83.

Лисовский Ю. П., Любин В. П. Политическая культура Италии. Москва ИНИОН, 1996.

Любин В. П. Берлускони и «Вперед, Италия» // Современная Италия: сборник обзоров и рефератов. Москва: Центр научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем ИНИОН, 2004а. С. 96-110.

Любин В. П. Европейские левые: Дискуссия о проблемах и перспектива // Мировая экономика и международные отношения. Москва: Институт мировой экономики и международных отношений РАН, 1999а. № 7. С. 98-107.

Любин В. П. Итальянская партийно-политическая система в 90-е годы: переход от Первой ко Второй республике. Москва, ИНИОН РАН, 1997а.

Любин В. П. Итальянская партийно-политическая система на переходе от Первой ко Второй республике // Политические партии Европы: стратегия и тактика в период между выборами. М. ИНИОН РАН, 1999б. С. 96-120.

Любин В. П. Итальянская социалистическая партия: славная история и бесславный конец? // Актуальные проблемы Европы: Социал-демократия в Европе на пороге XXI века. Проблемно-тематический сборник. Москва: ИНИОН РАН, 1998. С. 152-156.

Любин В. П. Итальянские партии в 90-е годы // Из истории европейского парламентаризма: Италия. Москва: ИВИ РАН, 1997б. С. 161-168.

Любин В. П. Левые партии Италии: Споры о прошлом и будущем // Актуальные проблемы Европы: Социал-демократия в Европе на пороге XXI века. Москва, 2006. № 3. С. 80-91.

Любин В. П. Социалисты в истории Италии: ИСП и ее наследники. Москва: Наука, 2007в. 462 с.

Любин В. П. Федерализация Италии // Современная Италия Современная Италия: сборник обзоров и рефератов. Москва: Центр научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем ИНИОН, 2004б. С. 52-67.

Моргунова А. И. Итальянские политологи о модели правительства (обзор) // Современная Италия: сборник обзоров и рефератов. Москва: Центр научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем ИНИОН, 2004. С. 148-154.

Холодковский К. Г. Парламент Первой республики: положительный и отрицательный опыт // Из истории европейского парламентаризма: Италия. Москва: ИВИ РАН, 1997. С. 151-159.

Холодковский К. Г. Партийно-парламентская система Первой республики в Италии: историческая обусловленность и кризис // Эволюция политических институтов на Западе. Москва, Институт Мировой экономики и международных отношений, 1999. С. 4-17.

Яхимович З. П. Италия перед вызовами XXI столетия // Современная Италия: сборник обзоров и рефератов. Москва: Центр научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем ИНИОН, 2004. С. 10-25.

Яхимович З. П., Григорьева И. В., Лисовский Ю. П., Любин В. П., Павлова Т. В. Проблемы демократии в теоретической мысли итальянского социализма. Материалы Круглого стола, посвященного 100-летию со дня основания газеты «Аванти». Москва: ИВИ РАН, Университет итальянской культуры, 1997.

***Гаврилова Светлана Михайловна**, аспирантка Государственного академического университета гуманитарных наук; lana.come@gmail.com.*

ЧИТАЯ КНИГИ

О. В. БОДРОВ, И. И. ШАРИФЖАНОВ, Б. М. ЯГУДИН

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

***Ключевые слова**: Б. Г. Могильницкий, история исторической мысли, историографическая революция, методология истории.*

В 2008 г. был опубликован заключительный том фундаментальной трилогии по истории исторической мысли XX в., автором которой является известный российский ученый, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков Томского государственного университета Борис Георгиевич Могильницкий[1].

Трилогия Б. Г. Могильницкого — не первая попытка в отечественной историографии подвести итоги ушедшего века, провести своеобразную интеллектуальную инвентаризацию всемирного «Дома истории», поразмышлять о судьбе профессии, о достижениях и упущенных возможностях, о месте человека в истории и роли самой истории в обществе в трагическую эпоху, когда, казалось, сбылось пророчество Ницше и наступили «сумерки богов». Усилия по реконструкции целостной картины развития исторической науки в XX в. с разной долей успешности и с разных точек зрения, предпринимались с 2000 г.[2].

Трилогия выделяется из этого ряда по глубине замысла, содержательности и форме изложения материала. Она на сегодняшний день является, без преувеличения, уникальной профессиональной лоцией в безбрежном океане истории, хотя сам автор скромно представил ее в качестве учебного пособия. Работа эта действительно выросла из цикла спецкурсов под общим названием «История исторической мысли XX в.», которые профессор Могильницкий читал студентам истфака Томского университета с конца 1980-х гг., когда впервые в учебных планах появилась новая дисциплина «Методология истории». Именно поэтому стиль произведения предельно отточен, отсутствует излишняя детализация, текст не перегружен специальными и «новомодными» на-

---

[1] *Могильницкий Б. Г.* История исторической мысли XX века: курс лекций. В 3-х вып. Вып. 1. Кризис историзма. Томск, 2001. 206 с.; Вып. 2. Становление «новой исторической науки». Томск, 2003. 178 с.; Вып. 3. Историографическая революция. Томск, 2008. 554 с.

[2] Историография истории нового и новейшего времени…; *Биск*. 2007; *Смоленский*. 2007; *Калимонов*. 2006; *Румянцева*. 2002; *Репина*, *Зверева*, *Парамонова.* 2004.

учными терминами и «фактологическими айсбергами». Автор уделяет внимание, прежде всего, анализу гносеологических основ исторической науки, ее глубинным мотивациям, обусловленным внутренними закономерностями трансформации исторического познания. Во-вторых, он стремится охватить онтологические корни исторического познания, охарактеризовать влияние на него глобальных процессов, пронизывающих насквозь парадоксальный и драматичный XX век.

Б. Г. Могильницкий называет свой труд «историей исторической мысли» и в таком ключе до сегодняшнего дня в России не было обобщающих работ, включающих общественную и философскую мысль, идеологические постулаты различных идейно-политических течений и доктрин, собственно теоретико-методологические концепции и конкретно-исторические практики, а при этом еще и содержательный анализ биографий творческих носителей этих идей.

Именно ***проблемно-биографический подход***, на наш взгляд, делает структуру работы более репрезентативной, удобной и интересной для восприятия, когда узловые проблемы на том или ином этапе развития исторической мысли доносятся до читателя не из абстрактного «мира идей», а прорастают из гущи действительности, из творческих судеб и жизненных коллизий реальных персонажей истории. В этом и заключается тот несмолкаемый «диалог во времени», в котором прошлое (в лице историка) и настоящее (в лице его исследователя) встречаются лицом к лицу. Только тогда, когда это происходит, начинаешь глубже осознавать мотивы поступков, понимать, что теоретико-методологические взгляды и концепции — не что-то надуманное, отвлеченное и формальное, но это твоя жизненная позиция, способ включенности в общественную жизнь и, в конечном итоге, — твоя судьба. Именно так воспринимаешь биографию и социальный активизм историков-солдат: М. Блока, А. Пиренна, И. Хейзинги, Ф. Броделя, Л. Февра.

Трилогия Б. Г. Могильницкого отличается также спецификой ***страноведческого подхода***. Это означает, что в ней присутствует «биение и дух» интеллектуальной жизни Франции, когда речь заходит об «Анналах»; Германии и Англии, когда повествуется о М. Вебере и А. Тойнби. Автор сумел охватить не только западноевропейскую историческую мысль: российская и американская также присутствуют в тексте в фигурах своих ярких представителей и в проблемах их творчества.

Первый том «Кризис историзма», открывающий трилогию, охватывает период с последней трети XIX в. до 1960-х гг., т.е. почти 100 лет. Автор прослеживает сложный путь развития исторической мысли в самое трудное «сумеречное» время истории XX в. — в эпоху двух миро-

вых войн и выделяет в ней несколько узловых проблем и этапов. Он дает развернутое определение таким фундаментальным понятиям, как «парадигма» в истории и некоторым другим. Но все же ключевое понятие, которому уделено основное внимание, — это кризис исторической науки и здесь автор вносит несколько принципиально новых штрихов. В его понимании, кризис — это не только выражение упадка науки, но и необходимая предпосылка ее дальнейшего развития, своеобразный «момент истины». По меткому выражению Б. Г. Могильницкого, это тот «питательный бульон», из которого вырастает новая научная парадигма. Но кризис в исторической науке имеет еще и ярко выраженный социальный аспект, который существенно осложняет положение предшествующей научной парадигмы. На наш взгляд, можно назвать это своеобразной обратной связью исторической науки и жизни, или, по Тойнби, алгоритмом «вызов-ответ». Поэтому Б. Г. Могильницкий употребляет понятие кризиса в двух смыслах: узком (как методологический) и широком (как общий кризис исторической науки в XX в.).

Второй том трилогии озаглавлен «Становление «новой исторической науки» и, на первый взгляд, хронологически совпадает с первым выпуском. Тем не менее, в нем представлена совершенно иная, альтернативная картина развития исторической мысли, зажатая годами «военного лихолетья» и эрой двух мировых катастроф, когда строго говоря, было, в общем-то, не до истории. Однако, именно эта эпоха предстает под пером автора с жизнеутверждающей силой, полной интеллектуальной энергии и с жаждой борьбы за свое собственное будущее.

Если общая тональность первого тома проникнута пессимизмом, утратой старого образа истории XIX в., потерей веры в ее могущество и в высшее предназначение как «царицы наук», то второй том дает обнадеживающий ответ на эти вызовы. Красной нитью проходит главная мысль о бескомпромиссных и беспощадных «боях за историю», которые вели ее лучшие представители (в том числе и ценою собственной жизни), для которых победа в войне с фашизмом и бои за преодоление «кризиса основ» слились в единое силовое и духовное поле. Не случайно столь большое место автор уделяет деятельности первого «боевого» поколения выдающихся анналистов М. Блока и Л. Февра, в предвоенные и военные годы теоретически сформулировавших и обосновавших в своей конкретно-исторической практике основные принципы построения «новой истории», несмотря на то, что востребованными они оказались в мировой науке в 1960-е и, особенно, 1970-е гг., в пору на-

чавшейся методологической революции. Они оказались своеобразным мостом между «старой» XIX в. и «новой» историей века двадцатого.

Вторая половина тома посвящена анализу послевоенной ситуации в духовной и научной жизни стран Запада, когда живительные и плодотворные для исторической мысли идеи неопозитивизма и марксизма способствовали укреплению общенаучного статуса истории, преодолению кризиса и обновлению ее фундаментальных теоретических основ.

Третий том «Историографическая революция» венчает собою плоды многолетних усилий ученого в изучении полного драматизма и противоречий развития исторической мысли в XX в. Хронологически он охватывает период с последней трети XX в. и включает первое десятилетие XXI в. В этом томе представлена широкая панорама напряженных теоретических поисков и практических усилий в окончательном преодолении «кризиса основ», а также выработке новых методологических принципов, отражающих новые веяния в социогуманитарном знании и укрепляющих сциентистский и социальный статус исторической науки.

Данный том, как и два предыдущих, имеет собственную специфику. По словам автора, речь идет практически о современном историографическом процессе, еще не вылившимся в законченные формы. Поэтому в основе своей он остается недостаточно отрефлексированным[3]. Следующую особенность автор увязывает с множественностью и полицентризмом нарождающихся познавательных принципов и исследовательских стратегий, что намного осложняет проблему отбора историографических фактов для их последующего анализа. И здесь ученый полноправно вступает в свое авторское право выбора наиболее ярко проявившихся тенденций, а посему речь может идти только об идеально-типической картине историографического процесса, имеющей гипотетический характер. Выбранный автором подход позволяет в масштабной и полифоничной интеллектуальной «картине мира» рубежа веков убедительно и последовательно выделить две разнонаправленные тенденции, первая из которых — «сциентизация исторической науки», вторая — «субъективный поворот» (или «вызов постмодернизма»). Именно они обе отразили глубокие перемены, происходившие в общественном сознании, порожденные, в первом случае, научно-технической революцией с ее культом науки и научного знания, а во втором — бурными социально-политическими процессами последних десятилетий XX в., начало которым положил взрыв студенческого движения в 1968 г.[4]

---

[3] *Могильницкий*. 2008. С. 3.

[4] Там же. С. 4.

Хотелось бы указать еще на одно отличие третьего тома, а, именно, с каким неослабным, проницательным и по отечески мудрым взглядом автор наблюдает за современной историографической ситуацией в нашей стране. В тексте представлены наиболее заметные фигуры отечественных историков, плоды усилий которых Б. Г. Могильницкий поднимает на уровень теоретико-методологического осмысления, вступает с ними в незримый диалог и, таким образом, включает в качестве равноправных участников в процесс историографической революции, охватившей научный мир Запада.

И еще одно, центральное, понятие присутствует в книге — это, собственно, сама «историографическая революция», являющаяся ключевым феноменом рассматриваемого периода. В ее характеристике автор исходит из броделевской трактовки революции как диалектического единства кратковременных событий — взрывов и длительных латентных процессов, их подготавливавших. Речь идет о некоем ***историческом и историографическом континууме***, в котором происходит нарастание критической массы, завершаемое революционным взрывом. Другими словами, историографическая революция, утверждает историк, это и событие, и процесс, имеющий свою предысторию, освещению которой были посвящены предыдущие тома. Это именно процесс, а не серия спонтанных, дискретных, разнонаправленных взрывов, подготовленный как внутренней логикой развития исторической науки, так и всепроникающим влиянием жизни, многообразными импульсами, исходящими от общества, на которые она всегда чутко реагирует[5].

Автор указывает на принципиальное отличие историографической революции последней трети XX в. и «образа истории XIX в.». Первая органически связана с преодолением общего кризиса историзма, поставившего профессию историка на грань выживания как научную дисциплину, способную дать адекватное знание о прошлом. В общественно-историческом сознании была восстановлена связь времен, открывшая возможность постижения закономерностей движения истории. Но это не было реанимацией правившей в XIX в. эмпирико-позитивистской парадигмы истории. Между этой последней и «новой исторической наукой» стоял опыт XX в., отразившийся на ее эпистемологических основаниях и на общем облике. Историческая наука утратила былую самоуверенность всезнайства, но, обогащенная реалиями XX в., обрела новое понимание ***человека в истории*** как ее настоящего предмета[6].

---

[5] Там же. С. 5.
[6] Там же. С. 11-12.

Каковы же основные этапы развития историографической революции, можно ли их с уверенностью выделить? Б. Г. Могильницкий дает на это утвердительный ответ. Он считает, что в самом общем виде этот процесс имеет три периода: объективистский (сциентистский), субъективистский (постмодернистский) и синтезирующий. Первый из них падает на 1960–1970-е гг., второй охватывает 1980-е – начало 1990-х гг., третий начинается в 1990-е гг. Автор подчеркивает при этом, что периодизация носит достаточно условный характер, ибо в одно и то же время сосуществовали и конкурировали различные методологические подходы и исследовательские практики, — но она помогает выделить присущие каждому этапу доминанты[7].

Ученый артикулирует важнейшую, по его мнению, характеристику сциентистского этапа — рывок истории к социальным наукам. Его следствием стало широкое обращение к междисциплинарным исследованиям, придавшим дисциплине новое измерение. В этот период главной доминантой была «новая научная история», а ее сердцевиной — проект «глобальной истории» Ф. Броделя. В то же время, отмечая триумфальное шествие по научному миру «школы Анналов» и приоритет социологизированной истории, автор указывает и на ее слабые места, которые, в конечном итоге, приведут к ее смене другой доминантой. Так, кризис школьного преподавания истории во Франции, на что обращал внимание, в том числе, и президент Ф. Миттеран, был связан с опасностью растворения истории в социальных науках и вытекающей отсюда ее фрагментаризации. А быстрый рост разнокачественных в методологическом плане субдисциплин создал реальную угрозу целостности исторической науки, которая стала «превращаться в дом с наглухо закрытыми дверями, но зато широко распахнутыми окнами»[8].

Второй этап начинается в 1980-е гг., когда пришло осознание исчерпанности эвристического потенциала «новой научной истории», а, вместе с нею, вся сциентистски ориентированная историография представлялась уже анахронизмом, не дающим ответа на запросы общества. Параллельно этому развертывался процесс переключения интереса историков со структур — на человека, их творца. Наступало время второго этапа историографической революции, когда вместо глобальных макроисторических построений доминантой становится микроистория, изучение единичного события, индивидуальной ситуации, даже казуса. Это не было возвращением к неокантианскому идиографизму, так как в

[7] Там же. С. 20.
[8] Там же. С. 26-27.

каждом единичном случае отражалось общее, что и привлекало к нему внимание исследователя. «Душой» нового этапа стал «антропологический поворот», когда представители микроистории погрузились в мир внутренних переживаний отдельной личности, ее мировосприятия и жизненных установок в различных исторических ситуациях[9]. Это, в свою очередь, оживило интерес к субъективному началу в истории, а с ним накатила новая волна релятивизма и постмодернистской критики. Автор обоснованно замечает, однако, что постмодернистский этап историографической революции, взятый в его чистом виде, был самым коротким в ее бурном течении. От себя добавим, что насколько коротким он был, настолько же революционным и взрывным, он принес с собою идеи радикального обновления теоретико-методологических основ профессии историка и поставил больше вопросов, чем дал ответов.

Третий этап, интегрирующий достижения первых двух, очень точно определяется автором как синтезирующий. Фокусируя историческую профессию на изучении мира человеческой субъективности, он не только не исключает, но и прямо предполагает обращение к широкому социальному контексту, в который погружен человек. Личность так же творит социальные, политические и иные структуры, как и они формируют ее: возможно именно здесь, по мнению автора, в поле, очерченном диалектикой объективного и субъективного в историческом процессе и познании, и следует искать черты новой парадигмы истории — XXI в.[10]

Говоря о состоянии, переживаемом мировой исторической наукой на рубеже XX–XXI вв., автор отмечает, что эта «историографическая революция» не первая и, скорее всего, не последняя[11]. В такие переломные моменты только возрастает глубокая зависимость историков от современной эпохи и ее перипетий, когда под воздействием внешних импульсов и осмысления роли и места в них исторической науки, ее теоретической, статусной и «целевой» составляющих, ученым приходится пересматривать взрастившую их историографическую традицию, опыт и знания, накопленные поколениями предшественников, менять перспективу своего видения прошлого. «Вот почему, — пишут авторы содержательного учебного пособия по методологии истории, — так необходимо рассматривать изменения в проблематике исторических исследований, развитие и анализ научных концепций, подходов, интер-

[9] Там же. С. 33-34.
[10] Там же. С. 39.
[11] *Патрушев*. 2000. С. 413 и др.

претаций в контексте личных судеб и общественных процессов сквозь призму индивидуального и профессионального восприятия…»[12].

В этом смысле Б. Г. Могильницкий остается верным своему проблемно-биографическому подходу и прослеживает новейшие тенденции в мировой историографии через творчество и ценностные установки их носителей на примере представителей «школы Анналов», изначально объединенных общими методологическими установками и общим целеполаганием. Творчество яркого выразителя идей третьего поколения анналистов Ж. Ле Гоффа автор определяет как промежуточное звено в движении к антропологизации исторического познания, сопровождающегося отказом от историко-социологических построений в духе «глобальной» истории Броделя. Это был качественно новый этап в «трансформации «Анналов», который обозначается как «антропологический поворот»[13]. Но особенно кризис макротеорий, подобных структурализму и марксизму, нарастание тенденций неокантианского идиографизма и субъективизма, постмодернистский вызов с определенной антисциентистской направленностью (что все вместе являлось содержанием второго, субъективистского этапа историографической революции), по мнению Б. Г. Могильницкого, получил наиболее развернутое выражение в творчестве четвертого поколения «Анналов». Автор подробно анализирует два его программных манифеста 1988 и 1989 гг., за которыми стояли такие историки, как Бернар Лепти, Жак Ревель, Роже Шартье, Пьер Нора, Жак-Ив Гренье, провозгласившие поворот к субъективности как генеральную линию развития современной исторической мысли[14]. Творчество перечисленных историков и наиболее репрезентативного из них, по выбору автора, П. Нора, с его акцентированным вниманием к проблеме исторической памяти, отразило основные направления современной французской историографии. Начатое уже в рамках третьего поколения превращение школы в широкое научное движение получило здесь свое логическое завершение.

Таким образом, в спорах об «Анналах», которые ведутся на протяжении последних десятилетий в мировой историографии, российский историк занял четкую и оптимистичную позицию. Эта авторская линия определена им в главе V «Новая научная история», в которой утверждается, что творчество третьего поколения «Анналов» предельно раскрыло познавательные возможности «новой научной истории». Именно во

---

[12] *Репина, Зверева, Парамонова*. 2004. С. 280.
[13] *Могильницкий*. 2008. С. 98.
[14] Там же. С. 243.

Франции, впервые были сформулированы и получили блестящую реализацию в исследовательской практике фундаментальные принципы центрирующейся ***вокруг человека*** «новой социальной истории»[15]. Подробно характеризует автор и другие дисциплины «новой научной истории», такие как история ментальностей, психоистория, клиометрия и др. Б. Г. Могильницкий особо выделяет тот факт, что именно с «новой научной историей» был связан определенный поворот во взаимоотношениях между западными и советскими историками. Среди достижений последних он справедливо выделяет такие направления, как изучение западноевропейской средневековой культуры (А. Я. Гуревич) и применение количественных методов и математических моделей к изучению истории (И. Д. Ковальченко). Данный факт, на наш взгляд, не просто дань уважения к коллегам по «профессиональному цеху», но и одно из доказательств наличия «всемирно-исторического контекста в историографической революции», общих магистральных путей ее поисков.

Эта мысль Б. Г. Могильницкого о «включенности» и достойном вкладе российской исторической науки в «копилку» «историографической революции» особенно громко звучит в заключительных IX и X лекциях III тома. Автор прорисовывает отчетливое «женское лицо» отечественной историографии рубежа XX–XXI вв. в творческих портретах наших уважаемых профессоров Л.П. Репиной, Н. Л. Пушкаревой и И. Ю. Николаевой. Каждая из них внесла свой вклад в теорию и практику женских и гендерных исследований. Первооткрывательницей направления «женской истории» в России Б. Г. Могильницкий называет Н. Л. Пушкареву, перу которой принадлежит фундаментальная монография[16] и ряд других содержательных работ[17]. Он отмечает их новаторский характер не только в российской, но и в мировой науке. Выполненные в режиме большого времени, ее труды по истории частной жизни русской женщины основываются на органическом включении гендерных сюжетов в широкий исторический контекст. Благодаря им в современной гендерной истории был освоен широкий массив ранее неизвестного уникального материала, касающегося русской цивилизации. Знаковым событием называет Б. Г. Могильницкий создание в 2007 г. Российского национального комитета Международной федерации по изучению женщин, председателем которого стала Н. Л. Пушкарева[18].

---

[15] Там же. С. 138-139.
[16] *Пушкарева*. 2002.
[17] *Могильницкий*. 2008. С. 359.
[18] Там же. С. 385-386.

Дальнейшее развитие женских и гендерных исследований в России автор связывает с научным коллективом, сформировавшимся на базе ИВИ РАН, под руководством Л. П. Репиной, президента Общества интеллектуальной истории, главного редактора известных периодических изданий «Адам и Ева» и «Диалог со временем», автора капитальной монографии[19], выход в свет которой Б. Г. Могильницкий называет событием в научной жизни страны. Главный посыл ее творчества связан с изучением очередной «стадиальной формы исторической науки», смысл которой — в синтезе новейшей социальной и интеллектуальной истории, постепенно трансформирующихся в социокультурную историю. Именно в такой широкий контекст Л. П. Репина органично вписывает женские и гендерные исследования[20]. Следующим шагом в их осмыслении стала еще одна содержательная книга Л. П. Репиной[21].

На примере трудов Н. Л. Пушкаревой и Л. П. Репиной автор делает вывод, что в своих личностных выражениях женские и гендерные исследования в России быстро обрели концептуально самостоятельный характер, коренящийся в отечественной традиции широких историко-социологических построений[22].

В качестве примера интенсивного развития современных женских и гендерных исследований в регионах России Б. Г. Могильницкий приводит деятельность Центра гендерных исследований в Томском университете под руководством проф. И. Ю. Николаевой. Результатом научно-исследовательской и учебно-методической работы Центра, по мнению Б. Г. Могильницкого, стало рождение в рамках Томской историографической школы особого научного направления, концентрирующегося на изучении гендерной идентичности в России и Западной Европе в Средние века и раннее Новое время[23]. Магистральное направление обозначено в недавнем капитальном труде И. Ю. Николаевой[24], где центральное место занимает исследование бессознательного, рассматриваемого в широком социально-историческом контексте посредством привлечения взаимодополняющих исследовательских стратегий, выработанных в различных областях гуманитарного знания (так называемый метод междисциплинарного изучения ментальных явлений на базе компле-

---

[19] *Репина*. 1998.
[20] *Могильницкий*. 2008. С. 386-388.
[21] *Репина*. 2002.
[22] *Могильницкий*. 2008. С. 397.
[23] Там же. С. 432-433.
[24] *Николаева*. 2005.

ментарных концепций)[25]. Гендерная же составляющая данной проблемы связывается с приближением к пониманию различий гендерного сознания и поведения на разной культурно-исторической почве[26].

Заключительная лекция X озаглавлена «Исторический синтез в перспективе «долгого времени»: новые подходы» и посвящена третьему, синтезирующему этапу историографической революции, который становится заметным с 1990-х гг. В пестрой палитре красок, характеризующих нынешнюю интеллектуальную ситуацию, Б. Г. Могильницкий усматривает все отчетливее проступающие «макроисторические тона», позволяющие говорить о новом витке интереса к крупномасштабным построениям, ориентированным на выявление общих закономерностей исторического процесса. Вновь возвращается парадигма общих законов истории, уходящая своими корнями к Геродоту, но отвергнутая неокантианским идиографизмом на рубеже XIX-XX вв., то самое «золотое руно» нашей науки, за которое весь XX век шли «бои за историю».

Автор анализирует указанную традицию на двух ярких примерах, воплощенных в концепции миросистемного анализа и теории цивилизаций. Он подчеркивает существенную черту этих подходов, указывающих не только на движение истории к социальным наукам, но и ***на обратное движение***. Тем самым проблема междисциплинарности приобретает новый аспект. «Если до этого, — пишет историк, — она рассматривалась в наших лекциях под углом зрения обращения истории к социальным и гуманитарным наукам, то сейчас речь идет о включении этими последними **исторического измерения как базового** в их социокультурных проектах, эффективно использующих язык долгого социально-исторического времени. Сам этот факт может рассматриваться как свидетельство возросшего в годы историографической революции научного потенциала истории. Вопреки постмодернистским попыткам «убийства истории» как науки, ее научность явилась фактором трансформации социальных наук, их **историзации**»[27].

Основателем миросистемного анализа стал один из самых ярких и парадоксальных современных мыслителей, американский социолог И. Валлерстайн. Говоря о формировании его взглядов, Б. Г. Могильницкий указывает на особую роль марксизма, леворадикальных идей и методологии «школы Анналов». Классический образец концепции Вал-

---

[25] *Могильницкий*. 2008. С. 406-407.
[26] Там же. С. 409.
[27] Там же. С. 437.

лерстайна представлен в его фундаментальной трилогии[28]. В ней базовым объектом социально-исторического исследования является не общество, не формация или цивилизация, а миросистема. Это не система в мире, а ***система, которая сама есть мир***. Могильницкий подчеркивает, что многочисленные выступления Валлерстайна 1990-х гг., собранные в недавнем сборнике[29], проникнуты верой в социологию XXI в. как ***единую историческую социальную науку***, построенную на прочных нравственных основаниях, что свидетельствует об органическом единстве его теоретических взглядов и исследовательской практики[30].

Наряду с миросистемным анализом свидетельством интереса к макроисторическим построениям являются оживленные дискуссии вокруг проблем глобальной истории или глобалистики. Автор отмечает, что последняя позиционируется как одно из самых перспективных направлений макроистории[31]. В этих разработках активно присутствуют и труды российских исследователей А. С. Ахиезера, В. П. Булдакова, И. Н. Ионова, М. А.Чешкова, В. М. Хачатурян и др. Предметом изучения глобалистики являются локальные цивилизации, рассматриваемые во взаимосвязи с другими цивилизациями. Именно в такой форме глобальные исследования получают сегодня широкое распространение в отечественной историографии, а также внедряются в учебный процесс в качестве школьных учебников[32]. Цивилизационный подход возвращается в историческую науку и образование на качественно новом этапе макроисторических исследований, поскольку российский локальный феномен цивилизации прочно вписан во всемирно-историческую канву.

Подводя итог третьему тому, да и всей трилогии в целом, следует подчеркнуть исторический оптимизм и уверенность ее автора в познавательных возможностях исторической науки. Б. Г. Могильницкий утверждает тезис о востребованности истории в грядущем мире:

> «Чтобы создавать его и жить в нем, человек должен владеть историей, соединяющей настоящее и прошлое в одну цепь, и чем более настоящее не походит на прошлое, тем настоятельнее становится необходимость прояснения его корневой системы, чтобы в нашем сознании не прервалась великая связь времен. В этом смысле мы вправе именовать **XXI век историческим**, разумея под этим возрастающее значение исторического измерения в его пости-

[28] *Валлерстайн*. 1974–1989.
[29] *Валлерстайн*. 2003.
[30] *Могильницкий*. 2008. С. 438.
[31] Там же. С. 458.
[32] Там же. С. 473.

жении, а значит, и в социальной адаптации человека к быстро и кардинально меняющимся реалиям его жизни»[33].

Тем более что катастрофический по своим последствиям XX век дает наглядный пример выживания и борьбы истории за свои права и свое предназначение, что так блестяще и масштабно продемонстрировал Б. Г. Могильницкий в своем фундаментальном труде.

БИБЛИОГРАФИЯ

Биск И. Я. Методология истории. Курс лекций. Иваново, 2007.

Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI в. М., 2003.

Валлерстайн И. Современная миросистема. В 3 тт. 1974–1989.

Историография истории нового и новейшего времени стран Европы и Америки: Учеб. пособие для студентов / Под ред. И. П. Дементьева, А. И. Патрушева. М., 2000.

Калимонов И. К. Основы научных исследований: зарубежная история. Учеб. пособие. Казань, 2006.

Могильницкий Б. Г. История исторической мысли XX века: курс лекций. В 3-х вып.
Вып. 1. Кризис историзма. Томск, 2001. 206 с.
Вып. 2. Становление «новой исторической науки». Томск, 2003. 178 с.
Вып. 3. Историографическая революция. Томск, 2008. 554 с.

Николаева И. Ю. Проблема методологического синтеза и верификация в истории в свете современных концепций бессознательного. Томск, 2005.

Патрушев А. И. Некоторые тенденции в развитии западной исторической науки на пороге XXI века // Историография истории нового и новейшего времени стран Европы и Америки: Учеб. пособие. М., 2000.

Пушкарева Н. Л. Русская женщина: история и современность. Два века изучения женской темы российской и зарубежной наукой. 1800–2000. Материалы и библиография. М., 2002.

Репина Л. П. Женщины и мужчины в истории: новая картина европейского прошлого. М., 2002.

Репина Л. П. Новая историческая наука и социальная история. М., 1998.

Репина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю. История исторического знания: Пособие для вузов. М., 2004.

Румянцева М. Ф. Теория истории. М., 2002.

Смоленский Н. И. Теория и методология истории: Учеб. пособие. М., 2007.

***Бодров Олег Вячеславович**, к.и.н., доцент кафедры новой и новейшей истории Казанского государственного университета; hist.dep@ksu.ru.*

***Шарифжанов Измаил Ибрагимович**, д.и.н., профессор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Казанского государственного университета; Izmail.Sharifzhanov@ksu.ru.*

***Ягудин Булат Мухамедович**, к.и.н., доцент кафедры новой и новейшей истории Казанского государственного университета; Boulat.Iagoudin@ksu.ru.*

[33] Там же. С. 529.

А. В. Юдин

ПОРТРЕТ ИСТОРИКА

***Ключевые слова**: В. И. Герье, русские дореволюционные историки, преподавание всеобщей истории в XIX в.*

Владимир Иванович Герье, без сомнения, является уникальной фигурой как в отечественной исторической науке, так и в истории российского образования. Однако его жизненный и творческий путь, научные изыскания и поистине титанические усилия в деле организации высшего женского образования и учреждения самостоятельной университетской кафедры всеобщей истории сравнительно мало освещены в нашей науке. Недавно вышедшая в свет книга Татьяны Николаевны Ивановой представляет В. И. Герье как исследователя широкого круга проблем всеобщей истории, педагога и организатора образования[1].

В. И. Герье занимался широким кругом проблем всеобщей истории от Античности до Нового времени, особенно Франции XVIII в., он касался ряда важнейших тем методологии и истории исторического знания. В. И. Герье стоит в одном ряду с его старшими современниками М. С. Куторгой и С. В. Ешевским, и с младшими современниками — М. М. Хвостовым, В. М. Хвостовым, В. И. Модестовым, И. М. Гревсом, Д. М. Петрушевским, в том числе и с его учениками Р. Ю. Виппером, М. С. Корелиным, Н. И. Кареевым и П. Г. Виноградовым[2].

Появление монографических исследований о В. И. Герье в 2003–2009 гг. представляется в определённом отношении знаковым явлением, которое следует рассматривать в общем контексте современной российской исторической науки, отличающимся всплеском интереса к персоналиям отечественных историков предшествующих поколений. Ярким проявлением этого исследовательского интереса стала публикация серии сборников «Портреты историков: время и судьбы» в 2000–2004 гг. (статья о В. И. Герье написана Е. С. Кирсановой). Важно, что большинство авторов книг и статей о русских дореволюционных историках продолжают

---

[1] *Иванова Т. Н.* Владимир Иванович Герье: портрет российского педагога и организатора образования. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2009. 382 с.

[2] Начало комплексного монографического изучения персоналий русских дореволюционных историков приходится на вторую половину 1970-х годов, когда вышли в свет книги Б. Г. Сафронова «Историческое мировоззрение Р. Ю. Виппера и его время» (1976 г.) и А. С. Шофмана «Михаил Михайлович Хвостов» (1979 г.).

свои исследования, вводя в научный оборот новые архивные данные и по-новому освещая те или иные вопросы, связанные с их деятельностью.

Монография Т. Н. Ивановой основана на большом количестве архивных источников, в ней рассмотрены практически все работы В. И. Герье, в том числе и неопубликованные, в контексте главных проблем истории русской исторической науки и системы высшего образования последней трети XIX – начала XX в.

Открывает монографию очерк изучения творчества В. И. Герье историками разных поколений, с выделением этапов «герьеведения». Во вводной части также дана характеристика структуры личного архива В. И. Герье в ОР РГБ, обоснованы актуальность и новизна исследования, заключающиеся, главным образом, в осуществлении всестороннего анализа научного наследия, педагогической деятельности и частной жизни учёного — всего того, без чего портрет Герье был бы не полон.

Первая глава книги посвящена происхождению В. И. Герье, его детским и юношеским годам и становлению как молодого учёного, в том числе генезису ряда его идей и подходов к оценкам многих событий всеобщей истории, которые будут развиты в лекционных курсах, статьях и монографиях уже в годы его профессорства. Так, по мнению автора, уже в монографии «Борьба за польский престол в 1733 г.», вышедшей в свет в 1862 г., Герье высказал свои самые ранние воззрения на сущность революционных событий во Франции конца XVIII в., которая представлялась ему как «буря», уничтожившая остатки «дряхлого и обветшалого» феодального строя (С. 59). Также в первой главе показано влияние научных командировок В. И. Герье за границу и личных контактов с зарубежными учёными на его становление как исследователя римской истории, истории Средних веков и Нового времени.

Отдельную часть первой главы книги Т. Н. Иванова посвящает первому лекционному курсу В. И. Герье, опубликованному под названием «Очерк развития исторической науки» в 1865 г. Действительно, это было важным событием и в истории русской исторической науки, и в истории университетского образования. «Очерк развития исторической науки» представляет собой практически первое в России обобщающее исследование основных фактов, закономерностей и этапов истории мировой исторической мысли и первый самостоятельный курс историографического содержания, читанный в русском университете. Не вдаваясь в детальный анализ историографических и методологических исследований В. И. Герье, заметим, что в «Очерке…» едва ли не впервые в отечественной исторической науке употребляется термин

«школа» применительно к сообществу учёных-историков на примере Бартольда Нибура[3]. Многие мысли, изложенные в «Очерке…», Герье развил в другой своей работе, — «Философия истории от Августина до Гегеля» (1915 г.), ставшей дополненным и заметно расширенным продолжением «Очерков…». Вместе с тем, между «Очерками…» и «Философией истории…» лежат практически неизученные и почти не введённые в научный оборот лекционные курсы В. И. Герье историографического и методологического содержания, которые ожидают их исследования. Одним из таковых является фактически отдельное специальное исследование историографии истории Античности — лекционный курс 1893–1894 гг. «Римская история. Историография до Моммзена», в котором рассматривается история исследований Древнего Рима через призму накопления источников, эволюции отношения учёных к вопросу о степени их достоверности (особенно по отношению к истории царского и раннереспубликанского Рима) и развития проблематики работ историков, филологов, правоведов и специалистов в области искусства[4].

---

[3] *Герье.* 1865. С. 83. Вводя в оборот названную дефиницию, Герье в качестве критерия выделения «школ» использует ведущий метод познания прошлого, который они применяли в своих исследованиях — филологический или историко-критический, выводя «историко-критическую школу Нибура» из «филологической школы» XVIII века. «Как первые серьёзные занятия историей связаны с возникновением классической филологии в XVI столетии, — писал Герье, — так и первая научная обработка истории была следствием высокого процветания, которого достигла филология в конце прошлого столетия (т. е. в конце XVIII в. — *А. Ю.*) в Германии. Из строгой филологической школы вышел Нибур, первый историк в современном смысле этого слова» (там же. С. 83-84).

[4] В лекциях по истории изучения Древнего Рима В. И. Герье как бы вскользь, не вдаваясь в детализацию терминологии, употребляет важные для историографического исследования понятия — «школа», «научное движение» и др. Под словом «направление» Герье, как десятилетием позже В. П. Бузескул (*Бузескул*. 2005. С. 426, 447, 448, 544) и двумя десятилетиями позже И. Н. Бороздин (*Бороздин*. 1914. С. 85-86), понимает подход к интерпретации источников и к оценке их достоверности. Так, говоря о Вико, Герье упоминает о двух «направлениях» (подходах) исследования им римской истории: «признание традиционной римской истории недостоверною» и замена её «другой, согласной с общей теорией Вико», причём оба «направления» «обуславливают друг друга и находятся в тесном взаимодействии». (ОР РГБ. Ф. 70. К. 3. Ед. хр. 3. Л.д. 9, 9об., 27об., 28). Рассуждая же о подходах к оценке и интерпретации сведений античной традиции представителей «популярного рационализма» XVIII века, Герье упоминает «скептическое направление», к которому относит П. Бейля, Дж. Толанда, Я. Перизония и др., и «гармоническое направление», старавшееся «при передаче различных исторических фактов согласовать разноречивые данные, обходить противоречия или устранять их», к которому отнесён Ш. Роллень (там же. Л.д. 35, 35об.). В. И. Герье также выделяет в истории изучения

Т. Н. Иванова корректно полемизирует с другими современными исследователями творчества Герье. Она аргументировано опровергает тезис П. Ю. Савельева и А. Ф. Киселёва о том, что причиной провала Герье при избрании в первый раз на должность профессора Московского университета в 1868 г. было мнение о нём как о консерваторе (С. 98-99). С опорой на материалы личного фонда Герье в ОР РГБ, исследовательница корректирует предложенную Д. А. Цыганковым датировку, уточняет хронологию некоторых фактов, связанных с преподавательской деятельностью Герье, в особенности год начала работы его «семинария» Герье — 1865 год (С. 81).

Во второй главе монографии автор, используя широкую источниковую базу, подробнейшим образом описывает педагогическую деятельность учёного в Московском университете, в Лазаревском институте восточных языков и на Московских высших женских курсах. Кроме того, в книге получили детальное освещение взгляды Герье на гимназическое и университетское образование в целом и о месте в образовании учащихся разных поколений курсов по разным разделам истории. Весьма полезна сравнительная хронологическая таблица лекционных курсов и основных научных работ Герье (С. 138-140). При этом по лекционным материалы и текстам собственно научных исследований Герье, автору удалось выявить и в систематизированном виде представить основные черты концепции всеобщей истории учёного (С. 141-172), а также показать его вклад в изучение Великой Французской революции (С. 172-195).

Третья глава монографии посвящена деятельности В. И. Герье в Московском университете по совершенствованию системы преподавания различных разделов всеобщей истории, отдельных курсов по историографии и методологии истории и системе подготовке молодых учёных, призванных в дальнейшем занять университетские кафедры. Выделение особой главы, посвященной деятельности В. И. Герье в Московском университете, представляется вполне оправданным. Практически впервые в данной монографии проведён тщательный анализ взглядов Герье на необходимость развития университетской автономии, увеличения штата профессоров, расширения лабораторной базы, организации публичных лекций и курсов общеобразовательного содержания, призванных поднять просветительскую роль университе-

---

Древнего Рима ключевые события, например, «первую научную попытку внести критический элемент в историю», предпринятую Перизонием, «знаменательный момент» выхода в свет исследования Бофора, «переворот» в изучении римской истории, связанный с деятельностью Нибура (там же. Л.д. 18, 37об., 60).

та в интеллектуальной жизни города, в котором он находится. Эти вопросы, поднятые в своё время Герье, не утратили актуальности и в наши дни, что ещё раз доказывает необходимость уделить особое внимание взглядам Герье относительно «университетского вопроса».

Весьма интересна предпринятая Т. Н. Ивановой попытка реконструировать «некий общий алгоритм действий, позволявший Герье планомерно готовить из студентов профессиональных учёных» (С. 223-230), что вполне отвечает актуальному интересу многих современных российских историков к проблематике зарождения и функционирования научных школ. В этом отношении монография Т. Н. Ивановой продолжает исследования школы Герье, предпринятые за последнее десятилетие Е. С. Кирсановой[5], Д. А. Цыганковым[6], А. В. Антощенко[7], В. П. Золотарёвым[8], В. А. Филимоновым[9] и др.

Четвёртая глава книги посвящена деятельности Герье в Московской городской думе, особенно на посту руководителя Комиссии о пользах и нуждах общественных, и как организатора высшего женского образования. Отрадно, что Т. Н. Иванова уделила особое внимание роли учёного в становлении высшего женского образования в России и организации им Высших женских курсов в Москве (С. 125-128, 242-269), правопреемником которых является Московский педагогический государственный университет, по праву считающий его своим отцом-основателем. Тот факт, что не только передовая российская общественность, но и органы власти Российской Империи довольно скоро по основании курсов 1 ноября 1872 года признали их несомненную пользу, лишний раз доказывает ключевую роль В. И. Герье не просто в становлении, но и в развитии отечественного высшего женского образования. Так, в итоговом докладе межведомственной комиссии министерства внутренних дел, министерства народного просвещения, III отделения собственной Его Величества императорской канцелярии и товарища главноуправляющего IV отделением собственной Его Величества императорской канцелярии от 2 июля 1875 г. курсы Герье характеризуются как имеющие «пользу»[10] «профессорские курсы», как «особые курсы, читаемые профессорами университета в объёме университетского образования»[11].

---

[5] *Кирсанова*. 2003. С. 14-22.
[6] *Цыганков*. 2008. С. 176-233.
[7] *Антощенко*. 2008. С. 105-151.
[8] *Золотарёв*. 2008. С. 152-173.
[9] Н. И. Кареев и В. И. Герье… 2008. С. 174-188.
[10] РГИА. Ф. 733. Оп. 191. Д. 292. Л.д. 141, 141об.; л.д. 181, 181об.
[11] Там же. Л.д. 180, 180об.

В пятой главе монографии рассматриваются последние годы жизни Герье и пережитый им жизненный кризис, к которому привели смерть сына в 1893 г., любимого ученика М. С. Корелина в 1899 г., изменение отношения к нему студентов и коллег, болезни и кончина любимой жены, революционные потрясения 1905 и 1917 гг. Особое внимание уделено политическим взглядам и политической деятельности В. И. Герье в начале XX в. При этом, что не менее важно, проводятся постоянные параллели между политическими идеалами и принципами Герье и его научными идеями и мировоззренческими установками. В качестве одного из примеров Т. Н. Иванова приводит мнение Герье о необходимости усиления роли государства в направлении исторического движения общества, в том числе посредством усиления охраны общественного порядка, проведения путей сообщения, стимулирования промышленности (С. 309-323). Важным также представляется проведённый в книге анализ последней незавершённой работы Герье «О необходимом условии прочности государства» (он писал ее в университетской клинике в апреле 1919 г.), с рассуждениями проблемного характера о частной собственности как о главном залоге стабильности государства и общества.

Т. Н. Иванова предельно корректно рассматривает интересные факты и сюжеты из частной жизни В. И. Герье на разных этапах его научной, педагогической и административной карьеры, показывая их прямую или косвенную взаимосвязь с его деятельностью как учёного и как педагога. Само по себе изучение частной жизни учёного является делом деликатным, и эту деликатность по отношению к Герье автору вполне удалось выдержать. Например, рассматривая первые опыты его преподавания Е. И. Токаревой, ставшей впоследствии его супругой, и воспитанницам пансиона г-жи Брок, Т. Н. Иванова показывает, как зарождались у молодого учёного идеи организации высшего женского образования в России (С. 105-114). Другой пример — исследование влияния печальных обстоятельств семейной жизни Герье рубежа веков на эволюцию тематики и направленности его научных исследований (С. 291-296).

Монография Т. Н. Ивановой представляет собой современное актуальное, глубоко фундированное исследование, представляющее читателю В. И. Герье как основателя научной школы, как новатора в системе высшего образования своего времени и как интересную личность.

Вместе с тем, даже уже изученные и введённые в научный оборот архивные материалы, прежде всего лекционные курсы, неопубликованные отдельные исследования учёного, а также его статьи о проблемах университетского и женского образования, оставляют широкое поле

возможностей для новых их интерпретаций и оценок. Во-вторых, до сих пор остаётся довольно много архивных материалов по общественной, преподавательской и научной деятельности В. И. Герье, которые не введены в научный оборот. В частности, это историографические лекционные курсы, содержание которых лишь частично вошло в опубликованные в виде отдельных книг работы «Очерк развития исторической науки» (1865 г.) и «Философия истории от Августина до Гегеля» (1915 г.). Особенно хотелось бы отметить курсы «Римская история. Лекции заслуженного ординарного профессора В.И. Герье, читанные в 1893–94 году в I, II, III и IV семестрах. Историография до Моммзена» (ОР РГБ. Ф. 70. К. 3. Ед. хр. 3) и «Обзор историографии и археологии. Лекции по римской истории заслуженного ординарного профессора В. И. Герье, читанные на 1 и 2 курсах историко-филологического факультета в 1895–96 ак. году» (ОР РГБ. Ф. 70. К. 3. Ед. хр. 4).

В названных, как и в ряде других, лекционных курсах Герье можно проследить эволюцию подходов учёного к изучению и освещению наиболее важных фактов и проблем истории исторической науки в целом и истории изучения тех или иных вопросов из разных разделов всеобщей истории. Кроме того, интересны черновые материалы учёного к его лекциям, поскольку далеко не все его исследовательские подходы нашли отражение в литографированных лекциях, статьях и монографиях. Например, в черновом автографе лекций «Пропилеи римской истории» на первом же листе дан их план, в котором в качестве отдельных пунктов в части обзора истории изучения Древнего Рима выделены внутри эпохи Возрождения «первая эпоха», «эпоха комментаторов» и «эпоха монографических изданий» (ОР РГБ. Ф. 70. К. 2. Ед. хр. 3. Л.д. 1, 1об.); вместе с тем, тезис об эпохах в изучении римской истории весьма мало отражён в публикациях лекционных курсов и в монографиях Герье.

Несмотря на то, что вопрос о влиянии европейских и отечественных историков на формирование философско-исторического мировоззрения В. И. Герье в значительной мере изучен, остаётся не до конца исследованным влияние идей и взглядов разных учёных Европы и России конца XVIII – первой половины XIX вв. на отдельные концептуальные положения Герье относительно конкретных вопросов и событий античной и средневековой истории (в меньшей мере истории Нового времени, что хорошо изучено Е. С. Кирсановой, А. В. Малиновым, Л. П. Лаптевой, В. В. Носковым, С. Н. Погодиным и др.), а также истории религии, государства и права.

Ввиду названных обстоятельств остаётся пожелать Т. Н. Ивановой продолжить исследование в этом направлении. Вместе с высказанными пожеланиями заметим, что монография Т. Н. Ивановой призвана вызвать интерес у широкого круга специалистов, занимающихся как историей исторической науки, так и конкретными проблемами всеобщей истории, к личности Герье и к изучению его научной, преподавательской и общественной деятельности.

БИБЛИОГРАФИЯ

Антощенко А. В. Учитель и ученик: В. И. Герье и П. Г. Виноградов (к вопросу о московской исторической школе) // История идей и воспитание историей: Владимир Иванович Герье / под ред. Л. П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2008.

Бороздин И. Н. К вопросу о современных направлениях в изучении древней истории // Сборник статей в честь проф. В. П. Бузескула. Харьков: Типография «Печатное дело», 1914.

Бузескул В. П. Введение в историю Греции. Обзор источников и очерк разработки греческой истории в XIX и в начале XX в. / Вступ. ст. и общ. ред. проф. Э. Д. Фролова. СПб.: Издательский дом «Коло», 2005.

Герье В. И. Очерк развития исторической науки. М.: Университетская типография (Катков и Ко), 1865.

Золотарёв В. П. В. И. Герье и Н. И. Кареев: к истории взаимоотношений // История идей и воспитание историей: Владимир Иванович Герье / Под ред. Л. П. Репиной М.: ИВИ РАН, 2008.

Кирсанова Е. С. Консервативный либерал в русской историографии. жизнь и историческое мировоззрение В. И. Герье. Северск, Изд. СГТИ, 2003.

Н. И. Кареев и В. И. Герье: опыт реконструкции межличностных коммуникаций // История идей и воспитание историей: Владимир Иванович Герье / Под ред. Л. П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2008.

Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 70.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 191. Д. 292.

Цыганков Д. А. В. И. Герье и Московский университет его эпохи. Вторая половина XIX – начало XX века. М.: Изд-во ПСТГУ, 2008.

***Юдин Алексей Владимирович**, к.и.н., доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Московского педагогического государственного университета; alexyudin@bk.ru.*

Н. Г. Лисевич

МЕМУАРНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ КОМИ В XX В.

СЕРИЯ «ЛЮДИ НАУКИ» КОМИ НАУЧНОГО ЦЕНТРА УРО РАН

***Ключевые слова**: мемуаристика, история Коми, серия «Люди науки».*

Одна из актуальных тем в исторической науке последних лет — история повседневности. Изучение ее разных аспектов необходимо, поскольку кажущиеся незначительными детали жизни представителей разных социальных групп, на самом деле, играют чрезвычайно важную роль при попытках реконструкции досуга, быта, трудовой деятельности в ту или иную историческую эпоху. Увлечение глобализацией научных исследований нередко приводило к тому, что за раскрытием основных направлений развития общества забывалась обыденная жизнь человека. История повседневности имеет важное значение для понимания проблемы преемственности поколений, сохранения и возрождения традиции — возможно, в несколько модернизированном виде.

Мемуары или воспоминания — это записки современников, повествующие о событиях, в которых автор принимал участие или которые известны ему от очевидцев. В отличие от дневника мемуары подразумевают обращение к достаточно отдаленному прошлому и переоценку событий с высоты накопленного мемуаристом опыта. Воспоминания становятся новой возможностью выразить свое видение происходившего, дать собственную оценку событиям, определить свое место в них.

Данное сообщение преследует цель более подробно охарактеризовать как явление региональной культуры серию книг «Люди науки», которая издавалась в 1992–2001 гг. в Коми научном центре Уральского отделения РАН. Созданный в 1944 г., к настоящему времени, Коми НЦ является крупнейшим академическим центром на европейском северо-востоке страны. В его структуре насчитывается семь специализированных институтов, более 100 отделов и лабораторий, уникальные комплексы оборудования. В центре города Сыктывкар построен своеобразный академический городок с собственной типографией, амбулаторией, общежитием и пр. В стенах учреждения работают около 1,5 тыс. чел. Научный центр стал одним из важнейших центров формирования интеллигенции Республики Коми. Во многом благодаря научному центру, республика превратилась в развитый индустриальный регион[1].

---

[1] *Самарин.* 2006. С. 196.

Решение об издании работ в серии «Люди науки»» (с утверждением Положения о серии) было принято 14 января 1993 г. на заседании Президиума Коми НЦ УрО РАН. После продолжительных споров члены Президиума пришли к мнению, что очерки должны быть посвящены сотрудникам, ушедшим из жизни, и издания необходимо дополнить библиографией научных трудов, а также включить в публикации воспоминания современников. Одной из главных причин появления серии именно в этот период была смена идеологии в стране. Если в советский период главной политической установкой было коллективное развитие, судьба конкретного отдельного человека отодвигалась на второй план, то с падением коммунистического режима появилась возможность рассматривать историю с персонифицированных позиций. Серия «Люди науки» создавалась для всесторонней и объективной оценки вклада ученых Коми НЦ в развитие народного хозяйства, науки, культуры и искусства Республики Коми и Российской Федерации; с целью воспитания у молодежи интереса и уважения к науке, ее деятелям, их благородному труду. Руководителям научных учреждений было поручено обсудить на заседаниях ученых советов предложения для формирования перспективного плана выпуска книг в серии «Люди науки»[2].

Всего опубликовано 34 очерка, посвященных ветеранам, работавшим в Базе АН СССР в Коми АССР (преобразована в 1949 г. в Коми филиал АН СССР, в 1989 г. — Коми НЦ УрО РАН). Анализ творческого и жизненного пути ученых позволяет увидеть два объединяющих начала: научные достижения отдельных сотрудников и их роль в формировании творческого, дееспособного и перспективного коллектива[3].

Динамика издания книг серии «Люди науки» (1992-2001 гг.)

Год	Кол-во изданий
1992	1
1993	4
1994	3
1995	4
1996	8
1997	7
1998	2
1999	1
2000	1
2001	2
2009	1

[2] НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 501. Л. 12, 21.
[3] *Самарин.* Указ соч. С. 19.

Как видно из таблицы, не существует строгой системы в последовательности появления биографических очерков. Издания рассказывают о сотрудниках Коми НЦ, стоявших у истоков новых направлений науки, ориентированных на Коми регион[4].

Среди героев книг 12 имели звания докторов наук: Г. В. Канев[5], В. И. Чалышев[6], Н. Е. Кочанов[7], П. П. Вавилов[8], А. С. Сидоров[9], К. А. Моисеев[10], В. И. Лыткин[11], В. А. Космортов[12], А. К. Микушев[13], А. И. Толмачев[14], В. А. Дедеев[15], Е. Н. Иванова[16]. 21были кандидатами наук: М. А. Плотников[17], А. Н. Лащенкова[18], А. И. Першина[19], Б. И. Гуслицер[20], А. А. Дедов[21], О. С. Зверева[22], Н. А. Лазарев[23], Е. С. Кучина[24], Л. А. Братцев[25], О. А. Полынцева[26], Л. Н. Жеребцов[27], Н. И. Непомилуева[28], В. И. Маслов[29], П. И. Чисталев[30], В. М. Болотова[31], Ю. П. Юдин[32], И. С. Хантимер[33], В. Н. Охотников[34], Р. Г. Тимонина[35],

---

[4] К примеру, ботаник И. С. Хантимер первым стал заниматься темой борьбы с сорняками на колхозных полях республики; П. П. Вавилов и В. И. Маслов впервые занялись исследованиями радиационного фона. *Подоплелов В. П.* 1993. Вып. 2.

[5] *Подоплелов В. П.* 1993. Вып. 2.

[6] *Елисеев А. И.* 1993. Вып. 3.

[7] *Иванова Г. М.* 1993. Вып. 4.

[8] *Забоева И. В*. 1994. Вып. 7.

[9] *Жеребцов И. Л.* 1995. Вып. 9.

[10] *Мишуров В. П*. 1995. Вып. 10.

[11] *Жеребцов И. Л.* 1997. Вып. 21.

[12] *Мишуров В. П*. 1997. Вып. 23.

[13] *Демин В. Н*. 1998. Вып. 28.

[14] *Мартыненко В. А*. 1998. Вып. 29.

[15] *Елисеев А. И.* 1999. Вып. 30.

[16] *Забоева И. В., Караваева Н. А*. 2009. Вып. 34.

[17] *Молин В. А*. 1992. Вып. 1.

[18] *Котелина Н. С*. 1993. Вып. 5.

[19] *Цыганко В. С.* 1994. Вып. 6.

[20] *Лосева Э. И.* 1994. Вып. 8.

[21] *Забоева И. В*. 1995. Вып. 11.

[22] *Гецен М. В.* 1995. Вып. 12.

[23] *Забоева И. В., Бобкова К. С.* 1996. Вып. 13.

[24] *Забоева И. В*. 1996. Вып. 14.

[25] *Подоплелов В. П.* 1996. Вып. 16.

[26] *Забоева И. В*. 1996. Вып. 17.

[27] *Жеребцов И. Л.* 1996. Вып. 18.

[28] *Котелина Н. С.* 1996. Вып. 19.

[29] *Попова О. Н*. 1996. Вып. 20.

[30] *Кудряшова В. М*. 1997. Вып. 22.

[31] *Котелина Н. С.* 1997. Вып. 25.

[32] *Забоева И. В*. 1997. Вып. 26.

Н. Н. Кузькокова[36]. Одно издание посвящено М. М. Чарочкину, не имевшему ученого звания. Михаил Михайлович Чарочкин — известный дендролог, проработал в Коми филиале АН СССР в должности младшего научного сотрудника с 1945 по 1976 гг. Его вклад в развитие науки в Коми трудно переоценить. По его инициативе была заложена основа нынешнего ботанического сада Института биологии Коми НЦ. Многие улицы, скверы и парки г. Сыктывкара и его окрестностей, озеленены под руководством и при личном участии М. М. Чарочкина[37].

17 очерков посвящены сотрудникам Института биологии; по шесть очерков — ученым Института геологии и Института языка, литературы и истории; два очерка рассказывают об ученых-экономистах. Наибольшее число публикаций о сотрудниках Института биологии объясняется следующими обстоятельствами. Институт был образован одним из первых (1962 г.)[38] У истоков его создания стоял крупный ученый-биолог, талантливый организатор науки, чл.-корр. АН, академик ВАСХНИЛ — Петр Петрович Вавилов (1918–1984), с 1956 г. ставший председателем Президиума Коми филиала АН СССР[39]. В Институте биологии сложился сильный научный коллектив, с большим творческим потенциалом.

Структура изложения материала однотипна. Вначале приводится краткая биография ученого, названы его научные интересы. В следующем разделе более подробно описывается его деятельность. Затем следуют разделы: «Основные даты жизни и деятельности», перечень научных трудов, список литературы об ученом. Составной частью серии являются помещенные в книгах воспоминания современников. С даты кончины до выхода в свет очерка о научном работнике проходит довольно много времени (20-45 лет). Для написания книг использовались воспоминания сотрудников, лично знавших ученых, учеников, воспоминания героев очерков, а также материалы, предоставленные родственниками: личная переписка, фотографии из семейных альбомов.

Все ученые, о которых рассказывается в серии, были ровесниками одной эпохи. Многие родились до Октябрьской революции, в семьях крестьян и служащих. Выходцы из низших социальных слоев получили возможность учиться в высших учебных заведениях страны. Им при-

---

[33] *Котелина Н. С.* 1997. Вып. 15.
[34] *Фишман М. В.* 2000. Вып. 31.
[35] *Фишман М. В.* 2001. Вып. 32.
[36] *Фишман М. В.* 2001. Вып. 33.
[37] *Волкова Г. А.* 1997. Вып. 24.
[38] НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
[39] *Забоева И. В.* 1994. Вып. 7. С. 4, 7.

шлось пройти нелегкий путь к науке, через Гражданскую и вторую мировую войны, через голод и лишения. Ученые начинали работу в Базе АН СССР в Коми АССР в период, совпавший с Великой Отечественной войной и послевоенным восстановлением хозяйства. Обстановка того времени требовала максимального использования природных ресурсов. Это определяло направленность исследований: изучение рек и озер, возможности строительства на вечномерзлых грунтах, приспособляемости человека к северным условиям жизни, разработке новых месторождений и добыче полезных ископаемых (в том числе золота и алмазов), по проблемам растениеводства и животноводства в северных районах.

Многие, кому посвящены издания, принадлежали к тому поколению, юность, надежды и мечты которого перечеркнула Великая Отечественная война. Становление ученых происходило довольно трудно. Композитор, научный сотрудник Института языка, литературы и истории Прометей Ионович Чисталев получил высшее математическое образование, имел большой опыт педагогической работы, но математика не стала его призванием. Будучи преподавателем Сыктывкарского музыкального училища, П. И. Чисталев обучался в этом же училище по классу баяна[40]. В воспоминаниях о геологе и археологе Борисе Исааковиче Гуслицере отмечается, что когда он учился после войны в Крымском пединституте (с 1947 г.), то был старше однокурсников почти на 10 лет. В очерке о геологе Антониде Ивановне Першиной рассказывается о студенческой жизни в годы войны: «Надолго отрываясь от занятий, они, в основном девчата, стоговали сено, убирали урожай, сплавляли лес. […] успевала поработать в колхозе и помочь пожилым родителям»[41]. Некоторые ученые подвергались репрессиям (филологи В. И. Лыткин и А. С. Сидоров, ботаник И. С. Хантимер). Тем не менее, пройдя различные жизненные испытания, они не сломались, смогли сохранить тот внутренний стержень, который помог им в дальнейшем научном творчестве. Василий Ильич Лыткин, осужденный в 1933 г., защитил докторскую диссертацию в 1946 г., реабилитирован в 1956 г.; Исмаил Сыддыкович Хантимер (осужден в 1929 г.) смог защитить кандидатскую диссертацию в 1976 г., уже после выхода на пенсию, реабилитирован в 1990 г.[42] Оторванность ученых, на продолжительное время от исследований, несомненно, тормозила развитие науки, но идеи, в конечном итоге, становились достоянием специалистов.

---

[40] *Кудряшова В. М.* 1997. Вып. 22. С. 4.
[41] *Цыганко В. С.* 1994. Вып. 6. С. 3.
[42] *Котелина Н. С.* 1997. Вып. 15. С. 5.

Ученые работали в маленьком провинциальном городке. В Сыктывкаре не было других (кроме педагогического института) научных учреждений. Одна из характерных особенностей научных сотрудников: потребность работать в команде. Принятие совместных решений сформировало способность коллективистского мышления. Опубликованные в серии мемуары отражают становление нового типа советских ученых.

Воспоминания содержат все особенности мемуарной литературы. В них присутствует субъективность, так как рассказывается только о достижениях ученых и отсутствует скептическая или негативная оценка. Воспоминания богаты деталями повседневной жизни, дают представление о жилищных условиях, одежде, питании, досуге работников.

В очерках отражена не только научная, но и широкая общественная деятельность сотрудников Коми филиала. Они руководили научными семинарами в институтах; были агитаторами, читали лекции в школах и на предприятиях республики, выступали по радио, писали статьи в газеты; руководили шефской работой в колхозах и школах. Многие были активными коммунистами.

Сотрудники Коми НЦ не останавливались только на одной области научных изысканий. Борис Исаакович Гуслицер (геолог) и Вячеслав Ильич Канивец (археолог) совместно открыли и изучали несколько археологических памятников. Б. И. Гуслицер играл в шахматы, ходил на лыжах, участвовал в спортивных состязаниях, пел в хоре филиала и ансамблях. Нередко в экспедициях, после трудового дня, отдыхая у костра, напевал романсы и задушевные песни, знал массу стихов и нередко их цитировал. Гидробиолог Ольга Степановна Зверева писала стихи, музицировала. Она происходила из интеллигентной семьи. Ее отец Стефан (Степан) Егорович Зверев основал Воронежский краеведческий музей и стал его первым директором. Брат О. С. Зверевой — Митрофан Степанович Зверев (астроном, зам. директора Пулковской обсерватории, член-корр. АН СССР) окончил Московскую консерваторию и наряду с профессиональной деятельностью, периодически давал концерты в конференц-зале обсерватории, в доме-музее А. Н. Скрябина в Москве[43]. Семейные традиции имеют непосредственное отношение к формированию личности и дальнейшему общественному становлению конкретного человека.

Работы ученых Коми филиала высоко ценились и признавались современниками, что подтверждается высказыванием американского палеонтолога о геологической коллекции Антониды Ивановны Перши-

[43] *Гецен М. В.* 1995. Вып. 12. С. 35.

ной, собранной на севере Урала: «Коллекция […] — первый сорт, шедевр, Коми академия может гордиться такой коллекцией. Она украсила бы институт палеонтологии любой из стран, которые мне довелось посетить»[44]. Научный уровень монографии Леонида Александровича Братцева о переброске стока северных рек Печоры и Вычегды в бассейн Каспия превосходил аналогичные зарубежные разработки, а ее практическая значимость выходила за рамки рассматриваемого района. Его монография была переведена на английский язык и издана в Канаде[45].

Интересная черта межнационального общения научных сотрудников отражается том, что люди приезжие стремились выучить язык местного населения. Поучителен и любопытен в этом плане факт, приведенный И. В. Забоевой в воспоминаниях о Л. А. Братцеве: «Он при встрече обратился ко мне на коми языке […] Была приятно изумлена тем, что он знает коми язык. А потом я узнала, он знает более 20-ти языков»[46].

Из воспоминаний можно судить об экстремальности экспедиционной работы в Коми крае. В воспоминаниях об А. И. Першине рассказывается, что в 1960-е гг. основным транспортом в экспедициях были деревянные лодки (подвесных моторов не было), вверх по течению иногда приходилось передвигаться по-бурлацки — «бечевой», женщины тянули груженые лодки наравне с мужчинами. К.и.н. Вячеслав Ильич Канивец трагически погиб во время очередной экспедиции.

Рассказывается в воспоминаниях и о нелегкой повседневной жизни ученых. Ия Васильевна Забоева — д.с.-х.н., работавшая вместе с Михаилом Михайловичем Чарочкиным, вспоминала о нем: «После войны в 1946 г. в Коми базе АН СССР появился сотрудник, который долгое время ходил в шинели…»[47]. М. А. Плотников писал своему другу писателю Борису Лунину в Москву: «Купи мне ботинки, если сможешь. Бог знает, как обтрепался. В город стыдно выйти…»[48]. Оставляло желать лучшего и медицинское обслуживание в г. Сыктывкаре, как и по всей стране. В 1920-е гг. О. С. Зверева писала в письмах полных тревоги о братьях: «Ради бога будьте осторожны, слышала, что в городе холера!». К этому времени инфекционные болезни скосили почти всю, некогда большую семью (из семи человек в живых остались трое)[49]. Любомир Николаевич Жеребцов (к.и.н., коми этнограф) в 1936 г. тяжело заболел

---

[44] *Цыганко В. С.* 1994. Вып. 6. С. 9.
[45] *Подоплелов В. П.* 1996. Вып. 16. С. 10.
[46] Там же. С. 17.
[47] *Волкова Г. А.* 1997. Вып. 24. С. 19.
[48] *Молин В. А.* 1992. Вып. 1. С. 4.
[49] *Гецен М. В.* 1995. Вып. 12. С. 5.

туберкулезом, необходимых лекарств в городе не было, и врачи думали, что он не выживет. Более полугода мать Любомира боролась за жизнь сына, и он поправился[50]. К концу 1950-х годов материальное положение ученых заметно улучшается. Н. И. Остроумова (дочь О. С. Зверевой) вспоминала: «В Сыктывкаре дома у нас был проигрыватель, пластинки, часто звучала классическая музыка. Сестра много играла на пианино. […] У нас было много книг — полки до потолка с художественной, а еще более — со специальной литературой»[51].

Освещают быт ученых колоритные фотографии, взятые из фондов Научного архива Коми НЦ и семейных альбомов. На снимках, мы видим, как со временем меняется одежда сотрудников, какая используется техника и оснащение в экспедициях, как модернизируется научное оборудование институтов и лабораторий Коми НЦ.

Прекращение издания серии «Люди науки» не говорит о потере интереса к мемуарам сотрудников Коми НЦ. Скорее появилась необходимость сменить форму изложения материала, структуру работы.

Работа по изданию очерков об ученых, стоявших у истоков научных исследований в Коми крае, продолжается. Уже на следующий год, после завершения издания серии «Люди науки», была запущена серия книг акад. М. П. Рощевского «Воспоминания XX век»[52], которая содержит разнообразный материал справочного и аналитического характера вкупе с воспоминаниями. К воспоминаниям коллег добавились воспоминания людей, не связанных с деятельностью ученого, но характеризовавшие его как гражданина, общественного деятеля[53]. Много разноплановой уникальной информации содержится в журналах Коми НЦ УрО РАН «Вестник Института геологии» (выходит с 1995 г.) и «Вестник Института биологии» (с 1996 г.). Наравне с сообщениями о жизни институтов, научных достижениях и конференциях, публикуются статьи по истории научных направлений, биографии ученых.

Серия книг «Люди науки» уникальна. Ее материалы позволяют сопоставить исследования разных лет, проследить динамику развития науки в Коми НЦ УрО РАН, формирование научной интеллигенции в регионе в контексте ее идеологических, общественно-политических, профессионально-функциональных условий.

---

[50] *Жеребцов И. Л.* 1996. Вып. 18. С. 3.
[51] *Гецен М. В*. 1995. Вып. 12. С. 35.
[52] Валентина Васильевна Турьева…
[53] *Самарин А. В*. Указ. соч. С. 19.

БИБЛИОГРАФИЯ

Валентина Васильевна Турьева / Ред. акад. М. П. Рощевский. Коми научный центр УрО РАН. Сыктывкар, 2001 («Вспоминания XX век». Серия акад. М. П. Рощевского; Вып. 7).

Волкова Г. А. Михаил Михайлович Чарочкин: страницы биографии известного дендролога Республики Коми / Г. А. Волкова, В. П. Мишуров. Сыктывкар, 1997. (Сер. «Люди науки»: Вып. 24).

Гецен М. В. Ольга Степановна Зверева: страницы биографии ученого-гидробиолога / М. В. Гецен, Т. А. Власова. Сыктывкар, 1995. (Сер. «Люди науки»: Вып. 12).

Демин В. Н. Анатолий Константинович Микушев / В. Н. Демин, Н. А. Бурилова, В. В. Филиппова. Сыктывкар, 1998. (Сер. «Люди науки»: Вып. 28).

Елисеев А. И. Василий Иванович Чалышев / А. И. Елисеев, В. А. Молин, Я. Э. Юдович. Сыктывкар. 1993. (Сер. «Люди науки»: Вып. 3).

Елисеев А. И. Владимир Алексеевич Дедеев / А. И. Елисеев, Н. А. Малышев, М. В. Фишман. Сыктывкар, 1999. (Сер. «Люди науки»: Вып. 30).

Жеребцов И. Л. Алексей Семенович Сидоров / И. Л. Жеребцов, Е. А. Цыпанов. Сыктывкар, 1995. (Сер. «Люди науки»: Вып. 9).

Жеребцов И. Л. Василий Ильич Лыткин / И. Л. Жеребцов, Г. А. Некрасова, В. Н. Демин. Сыктывкар, 1997. (Сер. «Люди науки»: Вып. 21).

Жеребцов И. Л. Любомир Николаевич Жеребцов / И. Л. Жеребцов, Ю. П. Шабаев. Сыктывкар, 1996. (Сер. «Люди науки»: Вып. 18).

Забоева И. В. Андрей Алексеевич Дедов / И. В. Забоева. Сыктывкар, 1995. (Сер. «Люди науки»: Вып. 11).

Забоева И. В. Елизавета Степановна Кучина: страницы биографии ученого-ихтиолога / И. В. Забоева. Сыктывкар, 1996. (Сер. «Люди науки»: Вып. 14).

Забоева И. В. Ольга Афанасьевна Полынцева: страницы биографии почвоведа – основоположника почвенных исследований в Республике Коми / И. В. Забоева. Сыктывкар, 1996. (Сер. «Люди науки»: Вып. 17).

Забоева И. В. Петр Петрович Вавилов / И. В. Забоева, О. Н. Попова [и др.]. Сыктывкар, 1994. (Сер. «Люди науки»: Вып. 7).

Забоева И. В. Юрий Павлович Юдин: страницы биографии геоботаника, одного из основоположников исследований растительности Республики Коми / И. В. Забоева. Сыктывкар, 1997. (Сер. «Люди науки»: Вып. 26).

Забоева И. В., Бобкова К. С. Николай Александрович Лазарев: страницы биографии ученого-лесовода / И. В. Забоева, К. С. Бобкова. Сыктывкар, 1996. (Сер. «Люди науки»: Вып. 13).

Забоева И. В., Караваева Н. А. Евгения Николаевна Иванова / И. В. Забоева, Н. А. Караваева. Сыктывкар, 2009 (Сер. «Люди науки»: Вып. 34).

Иванова Г. М. Николай Егорович Кочанов: страницы биографии ученого - физиолога / Г. М. Иванова, Н. И. Чувьюрова. Сыктывкар, 1993 (Сер. «Люди науки»: Вып. 4).

Котелина, Н. С. Ариадна Николаевна Лащенкова: старейший геоботаник Севера / Н. С. Котелина. Сыктывкар, 1993. (Сер. «Люди науки»: Вып. 5).

Котелина Н. С. Валентина Михайловна Болотова: страницы биографии ученого-геоботаника / Н. С. Котелина, Е. С. Болотова. Сыктывкар, 1997. (Сер. «Люди науки»: Вып. 25).

Котелина Н. С. Наталья Ивановна Непомилуева: страницы биографии ботаника-географа / Н. С. Котелина. Сыктывкар, 1996. (Сер. «Люди науки»: Вып. 19).

Котелина Н. С. Исмаил Сыддыкович Хантимер / Н. С. Котелина, И. Б. Арчегова. Сыктывкар, 1997. (Сер. «Люди науки»: Вып. 15).

Кудряшова В. М. Прометей Ионович Чисталев / В. М. Кудряшова, А. Г. Горчаков [и др.]. Сыктывкар, 1997. (Сер. «Люди науки»: Вып. 22).

Лосева Э. И. Борис Исаакович Гуслицер: страницы биографии ученого-геолога / Э. И. Лосева, В. А. Кочев, П. Ю. Павлов. Сыктывкар, 1994. (Сер. «Люди науки»: Вып. 8).

Мартыненко В. А. Александр Иннокентьевич Толмачев / В. А. Мартыненко, Н. С. Котелина. Сыктывкар, 1998. (Сер. «Люди науки»: Вып. 29).

Мишуров В. П. Василий Александрович Космортов: страницы жизни известного биолога-растениевода / В.П.Мишуров, В. М. Швецова, Н. П. Караваева. Сыктывкар, 1997. (Сер. «Люди науки»: Вып. 23).

Мишуров В. П. Константин Алексеевич Моисеев: страницы биографии ученого-биолога / В. П. Мишуров, Л. А. Скупченко. Сыктывкар, 1995. (Сер. «Люди науки»: Вып. 10).

Молин В. А. Михаил Алексеевич Плотников: страницы биографии ученого-геолога / В. А. Молин. Сыктывкар, 1992. (Сер. «Люди науки»: Вып. 1).

Научный архив Коми Научного центра Уральского Отделения РАН (НА Коми НЦ УрО РАН). Ф. 1, 3.

Подоплелов В. П. Гений Васильевич Канев: страницы биографии ученого экономиста-аграрника / В. П. Подоплелов, В. В. Терентьев. Сыктывкар, 1993 (Сер. «Люди науки»: Вып. 2).

Подоплелов В. П. Леонид Александрович Братцев: страницы биографии / В. П. Подоплелов, Г. А. Астафьев [и др.]. Сыктывкар, 1996. (Сер. «Люди науки»: Вып. 16).

Попова О. Н. Всеволод Иванович Маслов: страницы биографии ученого-радиоэколога / О. Н. Попова, Н. П. Фролова. Сыктывкар, 1996. (Сер. «Люди науки»: Вып. 20).

Самарин А. В. История Коми научного центра Уральского отделения АН СССР: становление и развитие (1944–1991 гг.) / Коми научный центр УрО РАН. Сыктывкар, 2006.

Фишман М. В. Виталий Николаевич Охотников / М. В. Фишман. Сыктывкар, 2000. (Сер. «Люди науки»: Вып. 31).

Фишман М. В. Нина Николаевна Кузькокова / М. В. Фишман. Сыктывкар, 2001. (Сер. «Люди науки»: Вып. 33).

Фишман М. В. Римма Гавриловна Тимонина / М. В. Фишман. Сыктывкар, 2001. (Сер. «Люди науки»: Вып. 32).

Цыганко В. С. Антонида Ивановна Першина: страницы биографии ученого-геолога / В. С. Цыганко. Сыктывкар, 1994. (Сер. «Люди науки»: Вып. 6).

***Лисевич Нина Григорьевна**, главный архивист отдела «Научный архив и энциклопедия». Коми научный центр РАН; lisevich@presidium.komisc.ru.*

SUMMARIES

IONOV IGOR N. ***Logical and linguistic zigzags of the concepts of civilizations in contemporary Russia***

The article analyses contradictory status and tendencies of the development of civizational approach of the last 25 years, from pioneering works by M. A. Barg, to studies of Russian civilization by A. S. Akhiezer and to contemporary historical and sociological studies. It demonstrates the tendencies to problematization and partial relativism of the formation images of historical process n works by Barg, and creation of apodidactic images of civilization, logocentric models of history by Akhiezer. The author also shows contemporary ways of secondary problematization of these concepts and of the use of research field that had been shaped by them.

Keywords: *historical consciousness, discourse, civilization, formation, prior knowledge, inversion, logocentric, dogmatic, problematization, horyzont of knowledge, universal, local, dialogue.*

JACQUART DANIELLE. ***Problems of lethal prognosis***

The advice to not treat incurable cases, present already in certain texts of the Hippocratic Collection, was repeated by medieval authors of surgery treatises. But what was the physicians' attitude? This paper analyses the utterances of two prolix authors, who actively practiced medicine: Bernard of Gordon (late 13th –early 14th c.) and Jacques Depars († 1458), and it is evident that their reticence had less to do with the giving of a death prognosis than with the curing of incurable cases. The fatal signs were indeed not easy to recognize, except if when death was really close. And in a physician's opinion, it was more dishonorable to give a wrong prognosis of death than the opposite. Yet at the end of the Middle Ages, the recurrence of plague epidemics strengthened the reticence of the physicians, and forced them to give this loathed prognosis more often.

Keywords: *medicine, prognosis, death, disease, signs.*

STOGOVA ANNA V. ***Friendship in the medical discourse of the late 16th – early 17th cc.***

The author has focused her attention on the representations of friendship in early Modern medical and natural philosophic treatises and on the ways of medical assessment of friendship. The article analyses the specific of representation of friendship in medical texts as well as historical conditions for the rise and eclipse of such representations.

Keywords*: friendship, history of medicine, history of natural philosophy, Francis Bacon, Robert Burton.*

KORZUN VALENTINA P., KOLEVATOV DMITRIY M. ***Image of historical discipline in the first post-war decade: the transformation of historiographic coordinates***

This article is dedicated to the transformation of the image of the historical discipline in Russia in 1945-1953. The authors consider the process of changing historiographic coordinates (1980s-2000s) which had several directions: 1) actualization of the problem of social context in the development of the discipline and of relationship between scholars and authorities; 2) anthropologization of historiography, which was reflected in personification and humanizing of the image of historical science; 3) consideration of cognitive principles of the discipline and finding out the patterns of its development; 4) correlation of historiographical interpretations with the deep foundations of national cultural tradition, with "puzzle of cultural identity symbols".

Keywords: *image of historical disciplinee, anthropological paradigm, social order, post-war period, cosmopolitism, translation of historical consciousness.*

VOYTENKO ANTON A. ***Millenarist ideas in Egypt in the 1st–4th cc.***

The article presents a study of the development of millenarist ideas in Egypt in the 1st –4th cc. The author analyses various types of sources (Patristic texts, apocrypha and hagiography) as the papyri and concludes that millenarism was widespread in Egypt and did not disappear in the second half of the 3rd c. as it had been suggested before.

Keywords: *millenarism, origenism, papyrology hagiography, early Christianity, history of monasticism.*

BUGROV KONSTANTIN D., KISELEV MIKHAIL A. ***"Law" and "Council": the Conceptual Field of the Political Reform Projects prepared by the Russian Bureaucratic Elite (late 1750s – early 1760s)***

The article deals with key elements of the conceptual field of political reforms projects prepared by the Russian bureaucratic elite of late 1750s and early 1760s. The authors analyze the projects of A. Bestuzhev-Ryumin, D. Volkov, N. Panin, Ia. Shakhovskoy and the others to show the existence of concepts shared by all these projects, regardless of the court "parties" struggle for power. The common concepts of "law" and "council" allowed the political actors to analyze the possible directions of reforms, put them on paper and attempt to put them into practice. The authors of the projects were striving for improvement of legislation process in order to promote greater legality. These projects also include the proposal of an advisory council to guarantee the correspondence of sovereign's law-making to the "common good".

Keywords: *political history of 18th century Russia, history of concepts, Imperial Council, palace coup of 1762, A. Bestuzhev-Ryumin, D. Volkov, N. Panin, Peter III, Catherine II.*

SHNEIDER KONSTANTIN I. ***Early Russian liberalism: power of freedom or freedom of power?***

The author studies the views of early Russian liberals of the mid-19th c. The problem of understanding various conservative meanings of the initial concept of Russian liberalism is the most difficult to interpret. It is seen in the connection between the notions of 'freedom' and 'power', ambiguous for classical liberal traditions. The article deals with various connotations of these key categories found in the works of early Russian liberals.

Keywords*: Russia, liberalism, early Russian liberalism, freedom, power.*

GORELOV MAXIM M. ***Encomium Emmae Reginae: historical memory or political propaganda?***

The article is dedicated to the narrative of the 11th c. English historiography. It glorifies foreign (Danish) dynasty that ruled England 1017-1042 after the Danish conquest by Canute the Great and demonstrates a great deal of medieval rhetoric and subjectivity in issuing the political situation and a problem of succession to the English throne. The article poses a question, whether one could consider this narrative as an evidence of historical memory of Anglo-Saxons about Danish rule, or not.

Keywords: *encomium, Emma, Canute, Danish, Anglo-Saxon, throne.*

BARLOVA YULIA YE. ***'Surveillance and profit': poor relief and social care in theoretical constructs by Jeremy Bentham***

The article highlights the Jeremiah (Jeremy) Bentham's views on poverty, pauperism and poor relief. Analyzing Bentham's works on poor relief, the author concludes that his thesis

and recommendations on the subject were part of his utilitarian ideology and the maximation theory, as well as of his work on the Panopticon project. Bentham insisted on the moral character of poverty, explaining the latter by personal deficiencies of the poor, on the unattractive and painful character of social assistance, proposing the substitution of the outdoor relief system by the economically profitable indoor relief under inspection. His views, in many respects, influenced the nature of the Poor Law Amendment Act of 1834.
Keywords*: Jeremy Bentham, utilitarianism, poverty, poor relief, Poor Laws, inspection, workhouse, 1834 reform.*

MIRONOVA ELENA M. ***Russian diplomatic thought at the late 1917***
After the events of October 1917 the entire Central Department of the Ministry of Foreign Affairs of Russia went on strike. The Diplomatic Corps abroad, having lost the guidance, had to work out independently its own attitude towards the circumstances. The problems of ideological grounds for further autonomous activities of the Russian missions abroad, particularly the theory of two Russias, Bolshevist and National, on the basis of analysis of the complex of telegraph diplomatic correspondence from the last months of 1917 till the beginning of 1918 are considered for the first time. The discussions concerning the creation, leadership and means of activities of the Council of Ambassadors, established in November 1917 are investigated.
Keywords*: Russia, revolution, diplomacy, Council of Ambassadors, antibolshevism, year 1917.*

SOKOLOV ANDREY B. ***Body as a way to identify the 'Other'***
The article analyses the ways of describing bodies used by the authors of travelogues as a way to construe the 'other' which works not only through the description of appearance but also through descriptions of bodily practices. The author shows widespread use of body as a way to construe the 'Other' in colonialist discourse and in propaganda and concludes that construing 'inner Other' is based on the 'exploitation' of the same positions that actualized in connection with cultural 'Other'.
Keywords*: body, bodily practices, image of the Other, travel literature, colonialist discourse, visual propaganda.*

MOISEEVA EKATERINA N. ***Nationalist rhetoric and confessional factor in the French Imperial discourse of the late 19th c.***
This article analyzes the imperial discourse of France in the last third of the XIX century and its close relationship with the discourse of nationalism. More attention is focused on studying the confessional factor of French imperial propaganda. Emphasis is placed on the study of the texts of French journalist G. Sharma, devoted to the colonial expansion of France in the last third of the XIX century, in particular missionary work of France in Africa and in the East. By means of actualization of the similar propaganda texts, we can better understand the intellectual culture of France in the period that followed its defeat in the war with Prussia.
Keywords: *nationalism, imperial discourse, colonial expansion, religious propaganda, Catholic protectorate.*

LIPKIN MIKHAIL A. ***Marquis de Custine in 1957? A note of a French intellectual on his three-weeks journey to the USSR***
The article is based on analysis of new evidence from the French Ministry of Foreign Affairs' Archive "A note on 3 weeks journey to Moscow in August 1957". It introduces a

note of unknown French participant of the Moscow Youth Festival with a wide analysis of inner and external situation in the USSR and worldwide in 1957. The article reveals cultural and geopolitical perceptions of the French about USSR, USA and France in both regional and global scale and raises the issue of a link between the August 1957 journey to Moscow and a development of European integration (creation of EEC and Euratom in March 1957).
Keywords*: USSR, France, USA, Europe, arms race, cold war, European integration, civilization, culture, imperialism.*

KLENYSHEVA NATHALIA D. ***Childbirth in a Roman family: gods and rituals***
The article analyses the attitude of Ancient Roman society to pregnancy, infants and their socilalization in the context of religious beliefs and rituals. The evidence of gods helping at childbirth and gods-protectors suggests that for all great value of new-born babies the Romans were more concerned with survival and good health of their mothers. Roman infants became members of human society only after they had acquired names recorded both on private and on state levels.
Keywords*: Roman family, private Roman cults and rituals, pregnancy, labour, socialization of children in Ancient Rome, Roman gods helping at childbirth and gods-protectors of new-born babies.*

VIN JURIY JA. ***The motives of the acts of the land alienations of Late Byzantine Peasants***
The article of Ju. Ja. Vin examines the reasons for land alienation (exchanges and sales of lots) given by peasants. The author of the article concludes that all the deeds were determined by medieval mentality of Byzantine peasants.
Keywords*: land alienation, grant, will, exchange, buying and selling, motives, medieval mentality, psychology, Byzantine peasantry, natural economy.*

SUKINA LIUDMILA B. ***On the so-called "posadsky" (trade) element of social and cultural environment of Russian city of the 17th century***
The article considers and corrects the scope of the concept "posadsky" (trade) in the historiography of the 17th century Russian city. It is used in order to determine typical phenomena of the culture of the trade people: "posadsky" literature, "posadsky" art, "posadsky" architecture etc. But we ought to use the term "posadsky" carefully. It has particular social and cultural semantics and can not define all phenomena of the culture of Russian city of that time. It is shown through the analysis of the Code of the 1649 and the sources related to the building of churches in Russian cities.
Keywords*: historiography, culture, society, Russian city, trade people historiography.*

SHEMYAKINA OLGA D. ***Contradictions between Russian Modern-project and traditional culture: historical heritage in contemporary context***
The article analyses contradictions inherent to the Russian Modern- project on various stages of its development ('St Petersburg Russia', Soviet Union, post-Soviet period) and is focused on contemporary problems. The author pays a good deal of attention to scientific discourse, and its shaping, potential and limitations since it was always at the core of any Modern-project. It is shown that it was the interaction with traditions that demonstrated the potential and limitations of the scientific discourse. Therefore the author's second object of study is traditional culture (especially the one of Old Believers) and its responses to the challenges of modernization.

***Keywords**: traditional culture, Old Believers, Modern-project, scientific discourse, academic corporation, Utilitarianism, 'poor rationalism' culture of word, culture of silence.*

OSIPOV EVGENY A. ***European ideas of Georges Pompidou***

The article analyses the ideas of 'completion, strengthening and enlargement' of European Economic Community proposed by the second president of the Fifth Republic.

***Keywords:** the President of France, European Президент Франции, European Economic Community, European Common Market, confederation.*

PUPYKIN NIKOLAY I. ***From Gaullism to Neo-Gaullism: evolution of ideology and politics***

The article is dedicated to the analysis of the evolution of Gaullism ideology at the late 20th – early 21st cc. In the article such questions as the basic postulates of Gaullism ideology, features of Neo-Gaullism as ideological and political current, social, economic and political evolution of ideological principles of Gaullist party in different spheres of the state development are examined.

***Keywords**: RPR, UMP, Gaullism, Neo-Gaullism, Ch. De Gaulle, J. Chirac, N. Sarcozy, Constitution of France, OTAN, EU.*

GAVRILOVA SVETLANA M. ***Russian scholars on contemporary Italy***

The article presents an overview of Russian studies of political life of Italian Republic in 1991-2008. It demonstrates main trends of Russian historiography of the period preceding the transition from the First to the Second Republic in Italy, its reasons and consequent structural changes in political, social and cultural life of the country.

***Keywords**: republic, parliament, party system, economics, integration, constitution, election, referendum.*

BODROV OLEG V., SHARIFZHANOV IZMAIL I., YAGUDIN BULAT M.

Historiographical revolution of the late 20th c. (Review: *B. G. Mogilnitsky.* History of historical thought of 20th c.)

***Keywords**: B. G. Mogilnitsky, history of historical thought, historiographical revolution, methodology of history.*

Yudin Alexey V. ***A portrait of the historian***

(Review: *T. N. Ivanova*. Vladimir Ivanovich Gerie: a portrait of Russian pedagogue and educationalist. Cheboksary. Shuvash University publishing House, 2009, 382p.)

***Keywords:** V. I. Gerie, Russian historians, teaching of world history in the 19th c.*

LISEVICH NINA G. ***Memoir sources on the history of Komi Rehion in the 20th c. Series 'People of science' in Komi academic centre URO RAS***

***Keywords**: memoirs, history of Komi, academic centre of Komi URO RAS, series 'People of science'.*

СОДЕРЖАНИЕ

К 95-летию М. А. Барга

И. Н. Ионов
Кризис исторического сознания и логико-лингвистические зигзаги цивилизационных концепций…… 5

Из истории науки

Danielle Jacquart
Трудности летального прогноза……... 22

А. В. Стогова
Дружеские отношения в медицинском дискурсе в конце XVI – начале XVII вв……. 34

В. П. Корзун, Д. М. Колеватов
Образ исторической науки в первое послевоенное десятилетие: трансформация историографических координат……. 59

История идей и понятий

А. А. Войтенко
Идеи милленаризма в Египте I–IV вв……. 86

К. Д. Бугров, М. А. Киселев
«Закон» и «Совет»: концептуальное поле проектов политических реформ российской бюрократической элиты (рубеж 50–60-х гг. XVIII в.) 110

К. И. Шнейдер
Ранний русский либерализм: власть свободы или свобода власти?..... 140

Идеология и политика

М. М. Горелов
«Панегирик королеве Эмме»: свидетельство исторической памяти или политическая пропаганда?……. 151

Ю. Е. Барлова
«Надзор и прибыль»: общественное призрение и социальная помощь в теоретических конструктах Иеремии Бентама……... 166

Е. М. Миронова
Русская дипломатическая мысль в конце 1917 г…… 187

Образ Другого

А. Б. Соколов
Тело как способ идентификации Другого…… 213

Е. Н. Моисеева
Националистическая риторика и конфессиональный фактор во французском имперском дискурсе последней трети XIX в..…… 233

М. А. Липкин
Маркиз де Кюстин в 1957 году? Записка французского интеллектуала о трехнедельной поездке в СССР…… 251

История, религия, культура

Н. Д. Кленышева
Рождение ребёнка в древнеримской семье: боги и ритуалы…….. 260
Ю. Я. Вин
Мотивации актов поземельных отчуждений византийских крестьян... 274
Л. Б. Сукина
О так называемом «посадском» элементе в социокультурной среде русского города XVII в……... 284
О. Д. Шемякина
Противоречия российского модерн-проекта и традиционная культура: историческое наследие и современный контекст……. 298

История настоящего

Е. А. Осипов
Европейские идеи Жоржа Помпиду…….. 321
Н. И. Пупыкин
От голлизма к неоголлизму: эволюция идеологии и политики…… 331
С. М. Гаврилова
Современная Италия глазами российских ученых……. 342

Читая книги

О. В. Бодров, И. И. Шарифжанов, Б. М. Ягудин
Историографическая революция последней трети XX века
(рец. на кн.: *Могильницкий Б. Г.* История исторической мысли XX века) 361
А. В. Юдин
Портрет историка (рец. на кн.: *Иванова Т. Н.* Владимир Иванович Герье: портрет российского педагога и организатора образования)…… 374
Н. Г. Лисевич
Мемуарные источники по истории Коми в XX в.
(Серия «Люди науки» Коми научного центра УрО РАН)…… 382

Summaries……. 392
Содержание…….. 397
Contents……. 399

CONTENTS

95th anniversary of M. A. Barg

Ionov Igor N.
Logical and linguistic zigzags of the concepts of civilizations
in contemporary Russia……. 5

History of science

Jacquart Danielle
Problems of lethal prognosis..……. 22
Stogova Anna V.
Friendship in the medical discourse of the late 16th – early 17th cc.…… 34
Korzun Valentina P., Kolevatov Dmitriy M.
Image of historical discipline in the first post-war decade:
the transformation of historiographic coordinates…….. 59

History of ideas and concepts

Voytenko Anton A.
Millenarist ideas in Egypt in the 1st-4th cc……... 86
Bugrov Konstantin D., Kiselev Mikhail A.
"Law" and "Council": the Conceptual Field of the Political Reform Projects
prepared by the Russian Bureaucratic Elite (late 1750s – early 1760s)…… 110
Shneider Konstantin I.
Early Russian liberalism: power of freedom or freedom of power?..... 140

Ideology and Politics

Gorelov Maxim M.
Encomium Emmae Reginae: historical memory or political propaganda?… 151
Barlova Yulia Ye.
'Surveillance and profit': poor relief and social care
in theoretical constructs by Jeremy Bentham……. 166
Mironova Elena M.
Russian diplomatic thought at the late 1917……... 187

The Image of the Other

Sokolov Andrey B.
Body as a way to identify the 'Other'…… 213
Moiseeva Ekaterina N.
Nationalist rhetoric and confessional factor in the French Imperial discourse
of the late 19th c..…….. 233
Lipkin Mikhail A.
Marquis de Custine in 1957? A note of a French intellectual
on his three-weeks journey to the USSR…… 251

History, religion, culture

Klenysheva Nathalia D.
Childbirth in a Roman family: gods and rituals…… 260
Vin Juriy Ja.
The motives of the acts of the land alienations of Late Byzantine Peasants.... 274
Sukina Liudmila B.
On the so-called "posadsky" (trade) element of social and cultural environment of Russian city of the 17th century…… 284
Shemyakina Olga D.
Contradictions between Russian Modern-project and traditional culture: historical heritage in contemporary context…… 298

Contemporary History

Osipov Evgeny A.
European ideas of Georges Pompidou……... 321
Pupykin Nikolay I.
From Gaullism to Neo-Gaullism: evolution of ideology and politics…… 331
Gavrilova Svetlana M.
Russian scholars on contemporary Italy…… 342

Reading books

Bodrov Oleg V., Sharifzhanov Izmail I., Yagudin Bulat M.
Historiographical revolution of the late 20th c (Review: *B. G. Mogilnitsky.* History of historical thought of 20th c.)……..... 361
Yudin Alexey V.
A portrait of the historian (Review: *T. N. Ivanova*. Vladimir Ivanovich Gerie: a portrait of Russian pedagogue and educationalist. Cheboksary. Shuvash University publishing House, 2009, 382p.)…… 374
Lisevich Nina G.
Memoir sources on the history of Komi Region in the 20th c. Series 'People of science' in Komi academic centre URO RAS…… 382

Summaries……. 392
Содержание…….. 397
Contents……. 399